

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№161/05-06 (5032)
МАЙ - ИЮНЬ 2024

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

*Веленья Божемо,
о муза,
Будь послушна...*

9 770757 223144

4 191898 007502

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ... €5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала «Русская мысль»: russianmind.com/payment/
2. Оплата через платформу **Isubscribe:**

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

«ПРИШЕЛ МАЙ, ПОД КУСТОМ – РАЙ»

«Наше северное лето, карикатура южных зим, мелькнет и нет...» – писал Александр Сергеевич Пушкин. Классик был, конечно, прав, учитывая короткую продолжительность и хроническую непредсказуемость российского дачного сезона. Но мы привыкли довольствоваться малым в природе. Не зря говорят в народе: «Пришел май, под кустом – рай». Однако новый выпуск «Русской мысли» посвящен не климатическим особенностям отечественной средней полосы, а великой русской литературе. И не только Пушкину в связи с празднованием 225-летия со дня его рождения, но и целому созвездию замечательных русских писателей, чьи круглые или просто знаменательные даты приспели к маю и июню этого года.

Это Булат Окуджава и Виктор Астафьев, Анна Ахматова и Александр Блок, Юрий Бондарев и Иван Бунин... Откроется же номер с обращения Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла к христианам по случаю Светлого Христова Воскресения (Пасхи), которое в этом

году приходится на 5 мая. Символика, однако... Ведь Предстоятель Русской Православной Церкви при постриге взял имя свое в память одного из «солунских братьев», учителей словенских и создателей старославянской азбуки.

Кирилу и Мефодию, в честь которых 24 мая мы отмечаем День славянской культуры и письменности, посвящена, в частности, главная тема номера.

Не забыта и русская музыка. В рубрике «Культура» рассказано о творчестве Михаила Глинки, чья опера «Руслан и Людмила» была образцом – не для подражания, а для соответствия в восприятии молодого Николая Римского-Корсакова. Один из материалов нашего журнала посвящен 180-летию автора «Шехеразады» и «Садко».

Как всегда, Тео Гуриели продолжит свое повествование об истории Российской империи. Там же, под рубрикой «История», пойдет и рассказ об императрице Екатерине II, положившей начало коллекции Эрмитажа, главного музея страны, с 1852 года доступного для посещения публикой.

Предусмотрен и ставший уже традиционным «Православный вестник». На этот раз он окажется не совсем обычным. Ведь речь пойдет о восприятии Бога Сергеем Есениным (это, согласитесь, и в пандан нашей литературной тематике). Певец русской природы, и искренняя вера в Спасителя. Почему бы и нет?..

Завершаю же эту преамбулу есенинским обращением к лету: «Есть что-то прекрасное в лете, а с летом прекрасное в нас».

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№161/05–06(5032)
МАЙ – ИЮНЬ 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
crp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
47 avenue Hoche, 75008, Paris, France

ОБЛОЖКА:
Портрет Александра Пушкина
работы Петра Соколова. 1836

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

patriarchia.ru, bibliotekar.ru, a-modigliani.ru, culture.ru,
ahmatova.niv.ru, wikireading.ru, wikipedia.org,
wikimedia.org, wikimedia.org/wikipedia/commons

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 11 000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 ДУХ НАРОДА И ЕГО ЛЕГЕНДЫ

О создателях славянской азбуки Кирилле и Мефодии и Пушкинском дне России – празднике русского языка.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

12 ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА

«Именно во Христе все мы имеем возможность получить усыновление и оправдание, обрести вечную жизнь».

14 «ДВЕ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ»: ПАСХАЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ КАЛЕНДАРЯ

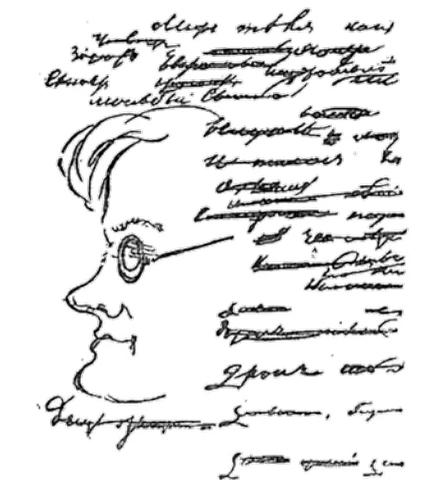
В 2024 году Пасха Христова празднуется 5 мая.

20 НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ?

Мог ли народный поэт не видеть глазами и сердцем не почувствовать, что далеко не весь народ последовал за идеями разухабистого атеизма?

ИСТОРИЯ

22 РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ВОЙНЫ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ

Единственной страной, которая выступала на стороне южных славян и покровительствовала их национально-освободительному движению, была Россия.

32 ЭРМИТАЖ ИМПЕРАТРИЦЫ

К 295-летию со дня рождения Екатерины Великой.

КУЛЬТУРА

36 «ЧТОБЫ СОЗДАТЬ КРАСОТУ, НАДО САМОМУ БЫТЬ ЧИСТЫМ ДУШОЙ»

К 220-летию со дня рождения Михаила Ивановича Глинки.

40 «КОМПОЗИТОР ВОЛЕЮ БОЖЬЕЙ...»

180 лет назад родился великий русский композитор, один из участников знаменитой «Могучей кучки» Н. А. Римский-Корсаков.

44 «СИЛЬФИДА», ИЛИ ДОЧЬ НЕБА

Возможно, эволюция ведет людей в балет.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

48 СОРОКОВЫЕ-РОКОВЫЕ...

2024-й литературный год ознаменован столетием со дня рождения «поколения лейтенантов».

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

52 КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье (продолжение).

ЛИТЕРАТУРА

60 «МИНУТА – И СТИХИ СВОБОДНО ПОТЕКУТ...»

Из статьи «Литературной газеты» № 8, 10 февраля 1937 года.

63 «ОНЕГИН, ДОБРЫЙ МОЙ ПРИЯТЕЛЬ...»

Как родилось самое знаменитое произведение А. С. Пушкина.

66 ВЕЧНО ЖИВАЯ ДУША АВТОРА «МЕРТВЫХ ДУШ»

Н. В. Гоголь: «Часто сквозь видимый миру смех льются невидимые миру слезы».

72 ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ...

К 135-летию со дня рождения А. А. Ахматовой, одной из наиболее значимых фигур русской литературы XX века.

78 АЛХИМИК СЛОВА

К 125-летию со дня рождения русского и американского писателя, поэта, переводчика и литературоведа Владимира Набокова.

80 ВЫБОР ЮРИЯ БОНДАРЕВА

«Литература – это вторая действительность, но созданная человеком».

82 ЗНАМЕНИТЫЙ ЖИТЕЛЬ БОЛЬШЕ ВСЕЛЕНСКОГО МАСШТАБА

С 1 апреля 1889 года монумент, воздвигнутый на Марсовом поле, носит имя Эйфеля, хотя сам он до конца жизни называл его «трехсотметровой башней».

88 ЛЮСЬКА

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира Мальшева из книги «Возвращение».

ОЧЕРК

92 БУНИНСКИЕ МЕСТА НА ЛАЗУРНОМ БЕРЕГУ

По маршрутам книг «Грасский дневник» и «На берегах Сены».

98 ТВОРЧЕСКАЯ КОЛЫБЕЛЬ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Он остался в солнечногорской земле как светлое божество, гений места.

ТОЛЬКО У НАС

102 ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Мы продолжаем публикацию повести Валерия Поволяева «Одинокий «Юнкерс»».

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

110 «Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОРНЫЙ...»

ВЫСТАВКА «ПУШКИН И ТЕАТР»

В 2024 году, объявленном годом А. С. Пушкина, в России проходит множество мероприятий, посвященных 225-летию со дня рождения великого поэта.

111 К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШАРЛЯ АЗНАВУРА

Он был символом высокого служения искусству.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ДУХ НАРОДА И ЕГО ЛЕГЕНДЫ

О создателях славянской азбуки Кирилле и Мефодии и Пушкинском дне России –
празднике русского языка

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Случайностей, как известно, не бывает. Если они и происходят, то это не более чем гримаса Бога. Однако близость двух памятных дат, по-настоящему исторических, для нас основополагающих, этапных, заставляет задуматься о многом. О зависимости цивилизации от языка народов, формирующих ее. О языке как инструменте, создающем нацию. О связи культуры и, прежде всего, литературы с путем развития страны, ее экономики, политики, общественной мысли. О нас, российских людях, вне зависимости от вероисповедания и нашей этнической принадлежности. И о национальных духовных ценностях, в конце концов. Ибо язык – это не только «дух народа» (спасибо за формулировку немцу Вильгельму фон Гумбольдту!), но и мощнейшее средство консолидации нации, импульс к осознанию ею своего исторического значения, средство определения места

Памятник святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию в Саратове. Скульптор А. А. Рожников. 2009

государства на мировой, международной карте. Тем более что нам не надо придумывать свою национальную историю, вехи ее конкретны и очевидны даже несмотря на то, что древние факты и события, просочившись

сквозь столетия, уже превратились в легенду. В том числе и в легенду великого русского языка.

В его пространстве каждый день, каждый час, каждую минуту мы пребываем и создаем, наслаждаемся и страдаем. Мы живем в этом богатейшем, удивительном языке, не осознавая своего дарового счастья.

Теперь же непосредственно о знаменательных датах. В их календарной близости мне видится определенный, насыщенный многими смыслами знак, расшифровать который еще предстоит многим поколениям.

24 мая – День славянской письменности и культуры, который, безусловно, воспринимается

нами как праздник в честь святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, создателей славянской азбуки.

А следом за ним, 6 июня, – Пушкинский день и Международный день русского языка. Праздник

приурочен ко дню рождения великого писателя, и в этом году дата круглая: Александру Сергеевичу исполняется 225 лет. С днем рождения, «наше всё»!

А мы поздравим и самих себя. Нам страшно повезло, что такой гений, как Пушкин, появился на свет именно на нашей земле. (Впрочем, учитывая поистине русский характер творчества Пушкина, иного и не могло, наверное, случиться). А ему, создателю современного русского языка, посчастливилось созидать шедевры с помощью доставшегося от предков удивительного инструмента под названием «кириллица».

Далеко не каждому изобретателю удается дать своему творению собственное имя. Младшему из «солунских братьев» это удалось. Но заслуга в этом, конечно, сразу двух созидателей, они неразделимы в истории и в нашей благодарной памяти: равноапостольные Кирилл и Мефодий. Авторы многозначных, красноречивых букв, благодаря которым обрело суть и плоть могучее и бессмертное славянское Слово. «В начале было Слово...» Разве это не про нас? Ну, а слово состоит, как известно, из букв (как и мир состоит не из атомов, а из историй).

Буквы...

Древние иконы, брошенные в костер еретиками-иконоборцами, мгновенно пожираются пламенем и превращаются в уголья. Дым от огня вздымается к небу Константинополя сизым столбом. И в мутных языках, обреченно ползущих ввысь, одна за другой выплывают, материализуясь, славянские буквы: Аз, Буки, Веди, Глаголь, Добро, Есть, Живете, Зело... Они взлетают в вечность и несут на столетия несложно прочитываемый посыл потомкам: «Я буквы знаю:

Обретение святыми Кириллом и Мефодием мощей святого Климента. Миниатюра из Менология императора Василия II, XI век

письмо, – это достояние. Живите усердно...»

Имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит, имеющий сердце да поймет!.. За каждой нашей буквой – славянской, русской – зиждется глубокий не только философский, но и просто жизненный смысл.

Так начинался сценарий полнометражного фильма о Кирилле и Мефодии, задуманного не так давно группой российских кинематографистов.

Непростая задача. Ведь мы бесконечно мало знаем об этих удивительных людях, жизнь которых похожа на исторический детектив в стиле Умберто Эко, и об их эпохе: скитания, страдания, дворцовые интриги, заточения в тюрьмах, рабские рынки...

Помнится, однажды в Риме я остановился в самом центре Вечного города. Проснулся непривычно для себя рано – завтрак в гостинице еще не подавали – и решил немного прогуляться

Святые Кирилл и Мефодий с учениками. Фреска монастыря «Святой Наум», ныне в Северной Македонии

в окрестностях, больше похожих на площадку археологических раскопок. Едва свернул на узенькую соседнюю улицу, как увидел прикрепленную к древней каменной кладке таблицу: «В этом монастыре служили святые Кирилл и Мефодий». И – удивительное дело! – низенькая дверца в стене, вросшей в почву еще в Средние века, была спозаранку открыта.

Я вошел, стараясь не удариться о тяжелую притолоку, и оказался

во влажном, полутемном приделе, где сразу ощутил себя в девятом веке нашей эры. В пору, которую совершенно заслуженно исследователи истории ассоциируют с «солунскими братьями».

Их детство и юность прошли в Фессалониках, по-славянски – Солунь, втором по величине после Константинополя городе Византийской империи.

Солунь – полис не приграничный, но стоявший на рубеже

двух культур – ромейской, греко-латинской и славянской. Впрочем, братья владели свободно славянским языком еще и потому, что славянками были их матери. Да-да, старший, Мефодий, рано ставший сиротой, и младший, Константин, взявший имя Кирилл после принятия схимы, согласно различным документам, были братьями лишь по отцу. Он, друнгари Лев, – командир крупного воинского подразделения в византийской

И правда, взятый за свои таланты ко двору самого кесаря молодой человек, учителями которого стали выдающиеся мыслители Лев Математик и Фотий (впоследствии он был избран патриархом Константинопольским), проявлял незаурядные способности. Особенно в освоении иностранных языков, в математике и в изучении священных книг авраамических вероисповеданий. Все это впоследствии пригодится ему при выполнении сложнейших дипломатических и разведывательных миссий у арабов и немцев, хазар и славян...

Отказавшись от престижного брака, богатого приданого и блестящей карьеры при дворе базилиевса Константин-Кирилл выбрал своей судьбой монашество. Ушел в монастырь на горе Олимп на малоазийском побережье Мраморного моря, важный центр монашества в годы раннего Средневековья. Там уже был настоятелем Мефодий, ранее выбравший своей жизненной стезей служение Богу.

Скорее всего, именно ее, гору Олимп, и можно считать местом зарождения славянской письменности. Олимпийской!

Что стало толчком для этого? Однозначно и не определить сегодня. Известно, что Кирилл ездил в Болгарию, где он крестил местных жителей, но своей миссией остался недоволен: письменности у болгар не было, а значит, они не могли переводить с греческого богослужебные книги и жить по христианским канонам.

В истории бывают такие ключевые моменты, когда все условия для крупного открытия собираются воедино и не хватает лишь гения, способного дать духовному прорыву необходимый импульс. Такими людьми, оказавшимися в нужное время в нужном месте, и стали Кирилл с Мефодием.

Обратите внимание, в каком порядке обычно называют этот

тандем: Кирилл всегда первый. Это не случайно: именно он, такой хрупкий и такой упорный Философ, изучил системы письма разных языков и, отталкиваясь от греческого алфавита, стал инициатором многолетних работ по созданию славянской письменности. Успешно взяв за графическую основу три главных христианских символа: крест, круг и треугольник.

Для «солунских братьев», отстаивавших духовную основу новых букв, творение славянского алфавита являлось частью их монашеского делания.

Посланные из Константинополя на окраины империи Кирилл и Мефодий нашли в Херсонесе, центре византийских владений в Крыму, останки священномученика Климента, папы Римского, убитого язычниками. Мощи были торжественно переданы ими в кафедральный собор Херсонеса, а затем частично перенесены в Рим.

Этот торжественный акт позднее спас от многих неприятностей «солунских братьев». Ибо перед появлением в Ватикане Кирилл и Мефодий находились с очередной византийской миссией в Великой Моравии, славянском государстве на месте нынешних Чехии и частично Словакии. Там под эгидой князя Ростислава, обратившегося в Константинополь с просьбой о посылке на берега Влтавы «учительской миссии», был создан для славян перевод богослужения на их родной язык. Константин-Кирилл перевел и написанный на греческом сборник, в который, в частности, входила Литургия святителя Иоанна Златоуста.

В итоге миссии, длившейся сорок месяцев, не только были заложены основы славянской письменной традиции, но и с участием многих учеников создана целая школа развития славянской письменности. Это вызвало бурное негодование

Портрет Александра Пушкина работы Ореста Кипренского. 1827

у немецкого духовенства, всегда считавшего земли славян сокровенной зоной своего влияния и окормления не только духовного. Германский клир решительно выступал против перевода на «варварские» языки священных текстов, считая, что миряне не готовы их воспринимать кроме как на латинском, греческом или древнееврейском. А тут – такой демонстративный афронт со стороны каких-то монахов-полукровок!

Немецкое духовенство подготовило настоящее судилище над «солунскими братьями» при их появлении в Италии, сначала – в Венеции, а затем – и в Ватикане. Однако новоизбранный понтифик Адриан II, италиец по происхождению, принял

византийцев с почетом – ведь они привезли с собой из Крыма мощи папы священномученика Климента, третьего епископа Рима.

Адриан II, как сказано в «Житии», «освяти... книги словенскихы», возложив их на алтарь церкви Санта-Мария-Маджоре, главного римского храма, где отслужили литургию на славянском языке...

Можно долго рассказывать об извилистом жизненном пути первосоздателей славянской азбуки, но тогда придется сосредоточиться только на Мефодии. Ибо в 869 году в Риме Кирилл, которому едва исполнилось сорок, заболевает и скончается (по одной из версий, его отравили).

Следуя завету младшего брата, Мефодий, назначенный понтификом на некоторое время архиепископом Паннонским и Моравским, продолжил миссионерские труды. Но 6 апреля 885 года и Мефодий после многих злоключений, вызванных тщаниями мстительных и коварных немцев, умирает, благословив своего ученика-словака Горазда продолжить дело их с братом жизнью.

Однако прошло не так много времени, как у западных славян, примкнувших под угрозой меча к германо-романскому миру, труды равноапостольных братьев были попраны. Только у народов, соединивших свои судьбы с православием – у русских, болгар, сербов, белорусов и украинцев, – семена веры и культуры, брошенные Кириллом и Мефодием, дали и продолжают давать обильные всходы.

Наш современник

«Язык – это тело мышления», – говорил Георг Фридрих Вильгельм Гегель. Сорок одна буква кирилловской азбуки учитывала все фонетические особенности старославянского языка. А потом, как оказалось, и русского. За тысячу с лишним лет в алфавит понадобилось ввести лишь две (!) новые буквы. Эффективность этой азбуки была подтверждена формированием мощной литературы, расцвет которой пришелся в России на XIX век.

Но язык – организм живой – требовал обновления, и гением нового, сегодняшнего русского языка стал Александр Сергеевич Пушкин.

Он – наш современник. Его как человека будущего воспринимал и Гоголь. Он говорил, что Пушкин – это «русский человек в конечном его развитии».

Александр Сергеевич – феномен, конечно, совершенно

русский. Но при этом и интернациональный.

«Только во Франции “Евгений Онегин” издавался в разных французских версиях как минимум десять раз, а всего его переводов на французский было около сорока, – говорит французский журналист и писатель Димитри де Кошко, инициатор проведения в Париже ежегодного фестиваля переводов русской литературы во Франции. – За поэтическое переложение на язык Рабле и Гюго пушкинского романа брался в юные годы даже президент Пятой республики Жак Ширак».

О-ля-ля! Эту историю я слышал в середине восьмидесятых от самого ее героя, бывшего в ту пору премьер-министром Франции. Месье Ширак – он тогда еще носил очки, – помнится, принял меня, собкора «Литературной газеты» в Париже, в Матиньонском дворце и дал интервью перед официальной поездкой в Москву.

Обаятельный, общительный, куривший без конца одну «мальборо» от другой, которые он доставал поштучно из внутреннего кармана пиджака, Жак Ширак с гордостью и ностальгией принялся рассказывать о русских, точнее пушкинских, страницах своей биографии:

«В студенческие годы я, чтобы отличаться от сверстников, решил заняться изучением санскрита. Но где найти знатока этого праязыка? Мне рекомендовали старого русского эмигранта, бывшего когда-то преподавателем редких языков в петербургском университете. Мы начали заниматься, но после месяца учебы профессор откровенно мне сказал: “Вот что, санскрита вы никогда не освоите. Но мне кажется, что сможете выучить русский...”

Сказано – сделано! Мы стали заниматься русским, и дело у меня пошло. Особенно потому, что у профессора была очаровательная дочка. Она поставила условие: “Говорить

будем только по-русски”. Чтобы завоевать сердце красавицы, я готов был на все. И вскоре сделался едва ли не членом семьи: меня начали приглашать на ужины и воскресные обеды, брали с собой в русскую церковь... Не поверите: я даже сна стал видеть на русском!

Профессор дал мне однажды “Евгения Онегина”, и я – наглец невероятный! – чтобы поразить девушку, решил перевести на французский пушкинский шедевр. И добился этого. Даже распечатал рукопись в нескольких экземплярах и разослал ее в престижные парижские издательства.

Ни одно из них не удосужилось ответить, что меня, не скрою, тогда весьма расстроило...

Парадокс ситуации кроется в том, что, когда два десятилетия спустя я стал премьер-министром, сразу

несколько известных издательств написали мне письма с предложением напечатать моего “Евгения Онегина”. Но на этот раз уже я никому не ответил. Имена издателей, впрочем, запомнил...»

«Романы Пушкина полны жажды личного участия в современности», – писал замечательный писатель и литературовед Виктор Шкловский. «Веселое имя: Пушкин», – заключил Александр Блок.

О пушкинском «мире событий», о его уникальной «энциклопедии чувств» мы еще будем говорить в этом номере «Русской мысли».

Пушкин бескраен и непредсказуем, вечен и универсален. Не зря я как-то услышал от одного умудренного жизнью человека: «Когда не знаешь, о чем говорить, говори о Пушкине».

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился к архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви с традиционным пасхальным посланием

Патриаршее служение в праздник Светлого Христова Воскресения в Храме Христа Спасителя

Фото: Сергей Власов

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

В нынешний праздник праздников и торжество из торжеств, которое, по слову святителя

Григория Богослова, столько превосходит все торжества, не только человеческие и земные, но даже Христовы и для Христа совершаемые, сколько солнце превосходит звезды (Слово 45. На Святую Пасху), с великой радостью обращая к вам древнее и вечно новое, всем

привычное и в то же время неизменно окрыляющее наши сердца приветствие:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

В этих двух жизнеутверждающих словах содержится столько силы,

что от них лица людей сияют духовной радостью и буквально преображается окружающая нас действительность: *небо, земля и даже преисподняя исполняются света, видимый и невидимый мир празднует, ибо восстал Христос, веселие вечно* (канон праздника).

Воскресение Спасителя – это не просто историческое событие, о котором узнаем из священных текстов. Это краеугольный камень веры и, по слову святителя

природу, избавляет нас от власти греха и смерти, отверзает людям врата Небесного Царства и указывает нам путь к единству с Творцом. Именно во Христе, *примирившем с Богом мир* (2 Кор. 5:19), все мы имеем возможность получить усыновление и оправдание, обрести вечную жизнь, ибо нет другого имени под небом, которым надлежало бы нам спастись, кроме имени Иисуса, Которого Бог воскресил из мертвых (Деян. 4:10–12).

Восстание из гроба Спасителя предлагает смерть в бессмертии, печаль – в радость, обреченность – в надежду. На Кресте и в Воскресении нам открывается Бог бесконечной благодати и совершенной любви.

Осознание этой всепобеждающей любви Божией побуждает нас к благодарности Создателю и дает силы преодолевать самые тяжелые душевные состояния и трудные обстоятельства, возвышает над суетой повседневности, помогает исправить прежние ошибки и разрушает уныние, препятствующее нам поаноценно жить и духовно развиваться.

Нередко люди поддаются лукавым помыслам о том, что зло господствует и торжествует, а добро представляется незаметным и слабым. Наш разум сомневается в силе совершенного Христом Искупления, когда видит вокруг смерть близких, слышит о вечности мучений для грешников со страниц Евангелия и наблюдает за миром, лежащим во зле (1 Ин. 5:19). Но Церковь Божия на протяжении тысячелетий убедительно свидетельствует: Спаситель победил грех, истребил смерть и опустошил ад (свт. Иоанн Златоуст. Слово огласительное на Святую Пасху). Христос одолел неизбежность смерти и всеобщность зла, и мы смотрим на их поражение глазами веры уже из жизни будущего века, с Пасхальной высоты.

Восстание Господа из гроба напоминает нам не только о самом важном событии минувшего, но и свидетельствует о грядущем всеобщем воскресении, ибо *если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним* (1 Фес. 4:14). Нам же необходимо через исполнение заповедей Господних, через совершение дел любви и милосердия, через участие в таинственной жизни Церкви присоединиться к Христовой победе и остаться верным Ему до конца, памятуя слова Священного Писания: *терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное* (Евр. 10:36).

А посему, возлюбленные братья и сестры, по слову апостола, *не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние* (Евр. 10:35). И пусть праздник Воскресения Господа Иисуса будет неизменным напоминанием об этих неложных Божественных обещаниях, дающих нам надежду и силы в самых сложных обстоятельствах. Пусть это торжество вдохновляет всех нас жить в вере и любви, зная, что ни смерть, ни страдания, ни зло не способны одолеть нас, если мы со Христом и во Христе, победившем грех, смерть и всякую неправду.

Будем же праздновать Пасху Господню чистотой жизни, благонаравием и добрыми делами (свт. Афанасий Великий. Десятое пасхальное послание), дабы, преобразаясь в нового человека во Христе и служа Богу живому и истинному, ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева (1 Фес. 1:9–10). Аминь!

**+КИРИЛЛ,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ
Пасха Христова
2024 год**

«ДВЕ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ»: ПАСХАЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ КАЛЕНДАРЯ

В 2024 году Пасха Христова празднуется 5 мая

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

Виктор Васнецов. «Воскресение Христа» («Сошествие во ад»). 1905

Христос Воскресе!

Светлое Воскресение Христово, Пасха Господа Иисуса – главное библейское, богословское и богослужбное торжество. На пятидесятый день после Воскресения Христова Церковь празднует день Сошествия Святого Духа на Апостолов. Описание этого события содержится в новозаветной книге Апостольских Деяний: «При наступлении дня Пятидесятницы все ученики были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого» (Деян. 2:1–4).

День Сошествия Святого Духа на Апостолов, то есть Праздник Пятидесятницы в Русской Церкви, а также в тех поместных православных Церквях, которые ей родственны по языку и истории, часто называется Днем Святой Троицы. В 2024 году Пасха Христова празднуется 5 мая. Такая поздняя дата причиной тому, что Празднование Пятидесятницы тоже необычно позднее и приходится на 23 июня.

В рамках одного единственного года в Церкви сосуществуют несколько различных, наполненных своим богословским смыслом

времен. Так, новый год как принцип отсчета времени начинается 1 (14) сентября. На языке Церкви этот день называется церковным многолетием. Но на структуру богослужения и порядок чтений Писания за литургией этот день никак не влияет.

Ведь чтение Писания за богослужением зависит от Пятидесятницы. Именно с этого дня начинается каждый год. Тогда же начинается последовательность одиннадцати воскресных утренних евангельских чтений, а также чередование восьми гласов. Этот период продолжается ровно 33 воскресенья и завершается с началом подготовительных воскресений Великого Поста.

Важно, что, по мнению многих древних толкователей, земная жизнь Иисуса продолжалась тридцать три года. Во многих подробностях православному богослужению свойственна особая, часто незаметная символика.

Пятидесятница, Сошествие Святого Духа на Апостолов, является кульминацией Святой Пасхи. Такой отсчет времени от Пятидесятницы весьма важен, поскольку с его помощью происходит прочтение дней всего года в свете события Воскресения Христова. Верующими это почти не принимается во внимание, что весьма прискорбно.

Так формируется новая логика времени, в которой каждое воскресенье задает тему на предстоящую неделю для размышления над всеми делами и словами Спасителя в том виде, как евангелисты и апостолы сохранили их для верующих после удостоверения в Его Воскресении.

В этом теологическом смысле весь Новый Завет представляет собой грандиозное повествование о явлении Воскресшего Спасителя Церквям (ср. Откр. 3:13). Благодаря причинно-следственной связи между Пасхой и Пятидесятницей Писание именуется богодухновенным. Это означает, что автором

священных текстов, то есть гарантом соответствия повествования истории и их подлинности стал Сам Дух Святой.

«Утешитель же, Святой Дух, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам», – говорил Иисус (Ин. 14:26). Напомним, что слово Утешитель из Евангелия в библейском понимании также означает «заступник», «помощник», «адвокат». Дух Святой – поручитель подлинности Писания, Он голос его живых слов, тот ветер и то дыхание, в которых, по слову пророка Илии, есть Сам Бог (ср. 3 Цар. 19:12).

Пост и Пасхальное время – по числу дней эти периоды равны. По сути, так создается прямая аналогия двух времен продолжительностью 50 дней. Таковы Две Пятидесятницы – одна из которых торжественная, другая же – покаянная. Семантика обоих периодов колоссальна, истолкование ее создает особенную теологию богослужбного календаря.

Напомним, что с Прощеного Воскресенья до Пасхи должно пройти пятьдесят дней. Получается, что Великий Пост – это посвященная Богу пятидесятница аскезы и воспоминания. Он состоит из двух частей. Первая часть – Святая Четыредесятница поста и покаяния, вторая часть – Страстная Седмица воспоминания Христовых Страданий. В богослужбном году Великий Пост, как время, не одинок. У него есть время-спутник, с которым он соприкасается в Праздник Пасхи. Это период от Пасхи до Пятидесятницы, продолжающийся ровно семь седмиц и один день. Подобно сорока дням, пятьдесят – особенное, священное, библейское число.

Если бы жизнь и история Иисуса завершилась смертью на Кресте, это было бы величайшим торжеством сил зла в истории. Но Бог приготовил на крестную смерть

Посланного Им Мессии и Избавителя Свой ответ. Этот ответ неожидан и парадоксален. Он не был «запрограммирован», не произошел по некоему заранее известному замыслу. «Бог воскресил Сына Своего Иисуса, и вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших», – так проповедовал Апостол Петр после события Пятидесятницы (Деян. 3:26). В развитии спасительного дела Божия по замыслу Его благодати Крест сделался топосом основания божественных дарований. Поэтому размышление Церкви, как Общества Верующих и Сообщества Толкователей, над Воскресением и Пятидесятницей всегда было неразрывно связано с богословием крестного знамения.

Существует убеждение, согласно которому, в отличие от Западного Христианства, сконцентрированного на Кресте, Страдании и смерти Христовой, Восточное Христианство всегда было религией радости, торжества и Воскресения. Однако это не совсем так. Ведь Крест, несомненно, пребывает и в святой святых Восточного Православия.

Если попытаться выделить отличие восточного христианства от западного по отношению к Кресту Христову, то, пожалуй, было бы правильнее сказать, что в каждую отдельную эпоху восприятие Креста менялось, как в западном, так и в восточном христианстве. И все же принято считать, что Православие воспринимает Крест как знамение Победы. Торжества Воскресшего над дьяволом, адом и смертью, совершенного на Кресте. Западному христианству при взгляде на Святой Крест более свойственно то, что можно назвать богословием скорби.

Важно знать, что Крест Христов не упоминается в Никейском Символе Веры 325 года. Главным богословским термином этого документа, который предшествовал

День Святой Троицы — один из главных христианских праздников

Символу Веры, употребляемому нами, было слово о единосущии Сына Отцу.

«Веруем в Единого Господа Иисуса Христа <...>, Который пострадал и воскрес из мертвых в третий день, взошел на небеса и грядет судить живых и мертвых», – говорится в тексте. Очевидно, что в Римской империи того времени еще практиковалась смертная казнь через распятие. В отличие от Таинств, о которых могли досконально знать только принадлежавшие к Церкви, Символ Веры относился к сфере публичного исповедания, а потому составители этого первоначального древнего текста предпочли не упоминать о кресте. Для соответствующего понимания должно было пройти время.

Никео-Константинопольский Символ веры предание отождествляет со Вторым Вселенским Собором в Константинополе 381 года. Однако исследователи говорят нам, что впервые он был зачитан на заседаниях IV Вселенского Собора в Халкидоне, то есть семьдесят лет спустя. С течением времени именно этот Символ стал важнейшим исповеданием, своего рода критерием принадлежности к историческому христианству. В нем не только говорится о том, что Господь Иисус был распят, но подчеркивается, что Он был распят «ради нас и ради нашего спасения».

При этом Крест появляется в Символе не один, но в сопровождении исторического персонажа. Это был один из весьма немногих людей в Истории, кто воочию видел Крест Христов. Более того, он сам повелел его соорудить. И написал на нем судебный приговор: «Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский» (Ин. 19:19). Никаких других судебных документов процесса над Иисусом не сохранилось. О пророческом и одновременно юридическом

характере надписи Пилата на Кресте важно знать.

Действительно, язычник Понтий Пилат – это единственный человек, помимо Самого Господа Иисуса и Девы Марии, которого Символ Веры упоминает по имени. По имени в Символе не упоминается ни Иоанн Креститель, ни кто-либо из Апостолов или Пророков. По некоторым причинам он как бы вобрал в себя все предназначенное людям внимание составителей текста. «Верую в Господа Иисуса <...> Распятого за нас при Понтии Пилате».

Почему Символ говорит о Пилате? Если из соображений хронологии, то для этого было бы достаточно упомянуть самого императора Тиберия (14–37), в правление которого был распят Христос. Но, в отличие от Пилата, Тиберий не только не говорил с Иисусом, не судил Его и не выносил Ему смертного приговора, но, скорее всего, вообще не знал о его существовании. Очевидно, что Пилат упоминается в Символе не для хронологии. Его имя в Символе – это сознательное решение составителей. Пилат был легитимным представителем Римской империи, который вынес Иисусу смертный приговор. Пилат говорил с Иисусом. Он потребовал от Иисуса исповедания веры. «Пилат сказал Ему: что есть истина?» (Ин. 18:38). Невозможно услышать исповедание, когда не веруешь сам.

Своим преступным решением, которое началось с отказа от принятия какого-либо решения в жестах омовения рук (Мф. 27:24), он стал действующим лицом важнейшего события в истории. Через эту вовлеченность создавалась ситуация диалога между Империей и Христом, которая будет продолжаться в диалоге, общении, сообщении и противопоставлении Церкви и Государства, как

«правопреемников» Иисуса Распятого и тех, кто его распял.

Таким образом, имя Пилата в Символе – это политическое решение Церкви засвидетельствовать ее паритет, равенство, противостояние, взаимодействие, диалог с Империей. На языке богословия это выражается понятием «вселенскость». Словами о Распятии при Пилате, Церковь сознательно противопоставляла себя политическому и государственному миру, представленному в лице того, кто тогда конкретно представлял Империю перед Иисусом Христом.

Церковь воспринимала себя как конкретное визави Империи, которое до скончания века будет вести диалог с Империей, проповедовать народам Империи. Если следовать логике Евсевия Кесарийского (265–339), которого православная традиция не случайно считает «отцом церковной истории», Церкви предстояло жить с Империей во веки. «Кесарь возвестил всем людям о спасительном знамении <...>, среди царственного города воздвиг против врагов священный символ Креста и начертал твердо и неизгладимо, что сие спасительное знамение есть хранитель Римской Земли и всей Империи», – писал он в своей Похвале Константину (1: 40). Но Империя и Государство закончатся. Господь Иисус вернется в конце истории, и Его Царству, согласно Символу, «не будет конца». Об этом многие толкователи предпочитали не вспоминать.

Вернемся к Пилату. Церковнославянский текст Символа Веры именуется прокуратора Иудеи «Понтийским Пилатом». Конечно же, это неправильно. Ведь именем Пилата было «Понтий». Слово «Пилат» в данном случае – это либо прозвище, либо дополнение к основному имени. Возможно, оно означает «копьё», «дротик». Есть предположение, что «пилат» может означать меховую шапку. Если

Сшествие Святого Духа. Икона из Святодуховского храма Новодевичьего монастыря. XVIII век

это так, такое прозвище человека, по приказу которого на главу Иисуса возложили терновый венец, становится трагическим гротеском. «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: “Се, Человек!”» (Ин. 20:5). В последних главах Евангелия от Иоанна создается впечатление, что автор этого священного текста сознательно противопоставляет Пилата иудеям. Пилат искал спасти Иисуса, иудеи требовали Его погубить. Такое противопоставление является следствием особого теологического замысла, но с точки зрения истории оно, скорее всего, представляет собой анахронизм.

рит о том, что она навсегда составлена из иудеев и язычников. «Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев – соблазн, а для Эллинов – безумие», – пишет Павел (1 Кор.1:23). Чрезвычайно интересно, что в первые века христианства Понтию Пилату, который распял Иисуса, как кажется, удалось уйти от ответственности за совершенное им преступление. Парадоксальным образом и формально вопреки исторической правде первые христианские поколения весьма положительно относились к Пилату. Казалось, что такое отношение сохранится навсегда. Ведь уже в последних главах Евангелия от Иоанна предпринимается очевидная

Ведь Сам Господь никогда не противопоставлял Себя Своему народу. Однако с началом апостольской проповеди после Пятидесятницы христианство и иудаизм стали обособляться. По мысли Апостола Павла, который рассуждает об этом в своем Послании к Римлянам (главы 9–11) такое взаимное отчуждение было частью божественного плана. Ведь если бы весь Израиль уверовал во Христа, то христианство не стало бы всемирным, а проповедь благой вести не сделалась бы обращенной к язычникам. Таково предопределение святых, таков был метод благодати. Однако аксиома библейского понимания Церкви гово-

попытка его реабилитации. «Пилат сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем» (Ин. 18:38). «Пилат, услышав это слово, больше убоаясь» (Ин. 19:8). «С этого времени Пилат искал отпустить Его», – многократно говорится в Евангелии (Ин. 19:12).

Первые века христианства продолжили «апологию Пилата». У отца латинской богословской традиции, великого карфагенского богослова Тертуллиана (160–240) мы находим парадоксальное свидетельство о том, что омовение рук Пилатом символизирует крещение.

В одном из синаксарей Эфиопской Церкви Пилат упоминался среди святых, с днем памяти – 19 июня. Среди памятников этой древней восточной Церкви мы находим «Мученичество Пилата» и даже «Анафору», то есть, по-видимому, приписываемую его имени... Евхаристическую молитву. Под именем Клавдии Прокулы, мученицы, почитаемой теперь уже в нашем богослужебном календаре, скорее всего, «скрывается» «последняя сновидица» Нового Завета (Мф. 27:19) – жена римского прокуратора Иудей.

«Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы», – написано в Евангелии (Мф. 27:24). Эти слова следует запомнить наизусть, чтобы никогда не повторять их на деле. Действительно, Пилату удавалось «сохранить руки умытыми» до рубежа Первого и Второго тысячелетий. Тогда, в результате борьбы римских епископов за эмансипацию от светских правителей, а также спора об инвеституре, Пилат в восприятии Церкви наконец «раскрылся». Он стал тем, кем он на деле был: утратившим вкус правды циником.

В XXI веке евангельский образ Понтия Пилата доказал свою

удивительную бессмертную живучесть. Сегодня в Пилате и его жесте омовения рук – этом провозвестнике повсеместно вводимых ковидных ограничений – нам видится образ современного демократического правителя. Он намеренно уходит в тень, «передает» право принятия решений народу. Так, но лишь на время, «вечному Пилату» вновь удается снять с себя ответственность перед судом Истории.

Христианство призвано не христианизировать Империю, но исповедовать веру во Единого Господа Иисуса Христа. «Он единственный Законодатель и Судия, могущий спасти или погубить», – пишет Апостол Иаков (Иак. 4:12). «Иисус Христос засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание», – свидетельствует Павел (1 Тим. 6:13). Христианство призвано христианизировать не Империю, но весь мир. По сути, это то, в чем языческая римская власть совершенно справедливо и прозорливо обвиняла первых христиан. Отказ от этого мессианского убеждения или, лучше, забвение о нем привели к вере в то, что христианская империя становилась для христиан главной ценностью.

«Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет» (2 Фес. 2:7–8). Двусмысленная фигура «Катехона», то есть дословно – «замедлителя Второго Пришествия», была отождествлена с Империей. Но согласно Павлу, именно Изъятие удерживающего раскроет беззаконника, которого Господь Иисус убьет «духом уст Своих» и «истребит явлением Пришествия Своего» (8).

«Куда бы ни устремилась сила мысли, к Востоку ли, Западу, на Землю или на самые Небеса, – всюду видит она Блаженного Кесаря,

неразлучного со своим Царством. Над землею господствуют дети его. Как новые светила, озаряют они землю светом своего отца. Он живет в них своей силой, преумножая ее в их преемстве, и управляя всей Вселенной еще совершеннее прежнего», – писал в Похвале Константину Евсевий Кесарийский. Вера в Единую Империю по необходимости вела к отрицанию подлинности и ортодоксальности Государств и Церквей, бывших за ее пределами.

К моменту «разоблачения» Пилата в конце I тысячелетия христианской истории возникло ложное догматическое убеждение в том, что Православная Империя может быть только одна. Более того, формулировка «официальное вероисповедание Империи» фактически стала одним из ключевых определений Православия. Получается, что с разделением Империи на восток и запад, Разделение Церквей на Православную и Католическую должно было неминуемо произойти.

Но вернемся к тематике «Двух Пятидесятниц». Первое воскресенье Великого Поста называется Торжеством Православия. Происхождением своим это празднование обязано Поместному Собору Константинопольской Церкви в 843 году, на котором в Византийской империи было восстановлено иконопочитание. Догмат о почитании икон был установлен на VII Вселенском Соборе 787 года в городе Никее. Важно помнить, что у Торжества Православия есть «праздник-близнец» в период от Пасхи до Пятидесятницы.

Ведь за Неделю до Сшествия Святого Духа на Апостолов совершается Память Отцов I Вселенского Собора. На этом Соборе, который также состоялся в Никее, была провозглашена главная догматическая истина христианства – учение о единосущии Сына Божия Богу Отцу. Важно, что основой пропорции временного расстояния

празднований в течение обоих периодов всегда становится День Святой Пасхи.

Вселенский Собор – это собрание епископата Римской империи и некоторых епископов из-за ее пределов, созванное и авторизованное императором. Таково одно из формальных определений этого важного события в жизни и истории Церкви. Однако в Православии Вселенские Соборы – от первого до последнего (общим числом семь) – это нечто гораздо большее.

Вселенские Соборы – неповторимые вехи в истории спасения, когда Дух Святой устами соборных Отцов провозгласил догматы, которыми в истории живет Церковь. Характерной особенностью православной традиции является тот факт, что память Вселенских Соборов, каждого по отдельности или всех вместе, а также вместе первых шести, в течение года совершается за богослужением. Этот факт обратил на себя внимание исследователей еще в XIX веке. В новейшее время словосочетание «Церковь Семи Соборов» стало одним из самоопределений Православия.

Знаменательно, что в период 100 Священных Дней, «Двух Пятидесятниц», покаянной и торжественной, память I и VII Вселенских Соборов совершается в первое и последнее воскресенье этого важнейшего периода литургического года.

Очевидно, что если такая последовательность времен и воспоминаний была просчитана святыми отцами и составителями богослужебных последований, то приходится удивляться ее продуманности. Если же она возникла более-менее спонтанно, то в благоговении должно признать, как благодать сама определяет времена и лета в служении Богу Духом и Истиной (ср. Ин.4:23–24).

Таковы мгновения православного богословия календарного времени.

Христос Воскресе!

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Мог ли народный поэт не видеть глазами и сердцем не почувствовать, что далеко не весь народ последовал за идеями разухабистого атеизма?

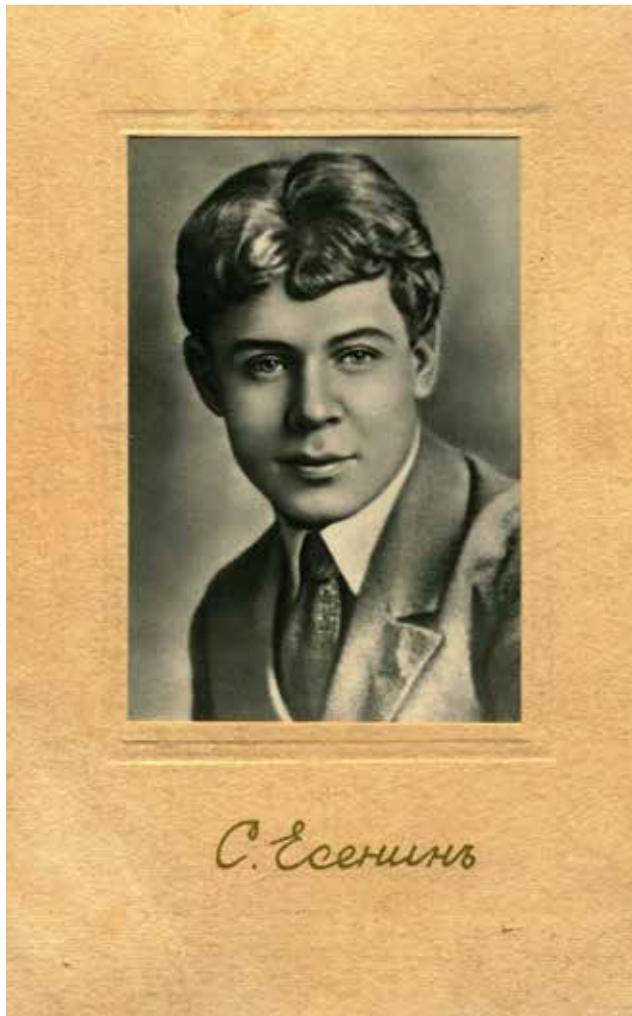
ВЕРА КРЮКОВА

О своем новом произведении пролетарский поэт Демьян Бедный (настоящее имя Ефим Придворов) написал: «Я взял канонические евангелия, какие они есть, и попытался, придерживаясь этих евангелий, показать, что Иисус выглядит совсем иначе, чем принято изображать... Получилось густо, но психологически верно».

Пожалуй, прочитав «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», могли смутиться даже бывшие себя в грудь атеисты, зато он прекрасно вписался в общий послы антирелигиозной пропаганды. Настолько вписался, что был опубликован сразу в двух центральных газетах – «Правде» и «Бедноте» в апреле – мае 1925 года.

«Демоны революции» – так именовали себя многие пламенные революционеры. Они задавали общий тон в молодой стране, отменившей Бога. Все методы, и силовые, и психологические, шли в дело. Как тут было обойтись без силы художественного слова?

Надо отдать должное молодому СССР – с пропагандой, любой, в том числе и антирелигиозной, здесь дело было поставлено на широкие рельсы. За семь лет правления большевики преуспели

души. 25 марта 1925 года, в Праздник Благовещения, в Москве скончался Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин). Не только Донской собор, территория Донского кладбища, но и все окрестные улицы были запружены толпами людей.

Власти не посмели (или побоялись, что не смогут?) разогнать сотни тысяч верующих, собравшихся проводить в последний путь законно избранного Патриарха. Это открытое в условиях продолжающихся притеснений верующих проявление всенародной любви к Предстоятелю Русской Церкви заставляло правительство признать: Советская Россия оставалась православной. Надо было срочно усилить идейную составляющую работы с массами. Нужны были новые, харизматичные, пламенные душой глашатаи советских доктрин. Сергей Есенин, как в свое

время Владимир Маяковский и Демьян Бедный, в этом смысле подавал надежды.

С легкой руки Анатолия Мариенгофа поэт выдающегося таланта и непревзойденной популярности у советских граждан познакомился с Троцким, Бухаринным, эсером Блюмкиным, справки о нем навел и сам Дзержинский. Увлеченный революционными идеями поэт

Есенин вызвал немалый интерес у революционной элиты.

Поначалу все шло как надо, то есть в соответствии с новым запросом в русской литературе. В 1918 году страшным отречением от Христа прогремела напечатанная есенинская поэма «Инония». Но уже в 1923 году поэт напишет «Страну негодяев», где не вера Христова – революционные события предстанут в далеко не приглядном свете. А ранее, в небольшой поэме 1919 года «Кобыльи корабли», прозвучит страшное для революционеров сравнение: «Веслами отрубленных рук // Вы гребетесь в страну грядущего».

Трудно назвать дату, когда на свет появилось «Послание “евангелисту” Демьяну», списки которого пошли в народ за подписью Есенина. Небольшое стихотворение буквально уничтожило не только глумливое творение Ефима Придворова: подпортив репутацию одного из первых пролетарских поэтов, оно нанесло крепкий удар по антирелигиозной пропаганде.

*И все-таки, когда
я в «Правде» прочитал
Неправду о Христе
блудливого Демьяна –
Мне стало стыдно, будто я попал
В блевотину, извергнутую
спьяну. <... >*

*Нет, ты, Демьян,
Христа не оскорбил,
Своим пером ты не задел
Его нимало –
Разбойник был, Иуда был –
Тебя лишь только не хватало!*

*Ты сгусток крови у креста
Копнул ноздрей, как толстый боров,
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакевич Придворов!..*

Двойственное впечатление производит это стихотворение. С одной стороны, Христос в нем

предстает как совершенный Человек, Борец с несправедливостью, некоторым образом приближенный к революционному идеалу. Но в строках, обращенных к Демьяну Бедному, звучит и мысль о великой крестной жертве Спасителя:

*Хватило б у тебя величья до конца
В последний час, по их примеру тоже,
Весь мир благословлять под
тернием венца,
Бессмертию уча на смертном ложе?*

А это уже мысли и чувства христианина! Возможно, «Послание “евангелисту” Демьяну» было написано Сергеем Александровичем в минуты горького просветления. Видимо, в борьбе с православными верой и культурой Демьян пересек некую красную черту, за которой уже нет места ни совести, ни морали.

Может, противоречивость этого стихотворения для поэта как раз и вполне понятна. К 1925 году Есенин переживает тяжелый кризис, разочаровавшись в политике большевиков. К тому времени уже была написана «Инония», но прозвучали и строки из «Страны негодяев»:

*Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики,
Те же воры
И законом революции
Всех взяли в плен.*

И вырвалось из души Блудного Сына, затосковавшего об Отце Небесном:

*Стыдно мне, что я в Бога верил,
Горько мне, что не верю теперь. <... >
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверье и благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

Мог ли народный поэт не видеть глазами и сердцем не почувствовать, что далеко не весь народ

последовал за идеями разухабистого атеизма? Мог ли не знать о тех, кто к этому времени принял мученичество за христианскую веру, тех тысячах людей, что не испугались подобной участи для себя, явившись проститься с Патриархом Тихоном?

Один лишь тот факт, что скандальное «Послание “евангелисту” Демьяну» разошлось в списках под авторством Есенина, вполне мог послужить поэту смертным приговором.

Жизнь Сергея Александровича оборвалась в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года в Ленинграде. Поэт был похоронен по православному обряду, заочное отпевание прошло в трех храмах. Обращает на себя внимание единодушие служителей Церкви в этом вопросе. Выходит, не принимали священники официальную версию суицида? Им ли в 1925 году не знать методы «работы» сотрудников НКВД с идеологическими противниками!

Может быть, время прольет свет на то, что случилось в ту страшную ночь. Но мы точно не узнаем, какие духовные муки испытал поэт перед смертью, как и то, получил ли он прощение от Бога. Может быть, отповедь Демьяну все же была своего рода покаянием поэта, отступившего от христианства? Тогда, по промыслу Божию, это стихотворение стало своего рода завещанием поэта, его последним словом перед грозящей смертью. С такими словами обычно принимают мученическую кончину, а не совершают суицид.

Убивали поэта еще многие годы и после физической смерти, всячески замалчивая его творчество, акцентируя внимание не на стихах, а на темных сторонах его жизни. И все же для миллионов читателей поэт остается все тем же светлым талантом, певцом православной Руси, «божьей дудкой», как он сам себя называл.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ВОЙНЫ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ

Единственной страной, которая выступала на стороне южных славян и покровительствовала их национально-освободительному движению, была Россия

ТЕО ГУРИЕЛИ

После Франко-прусской войны большинство европейских политиков считало, что наиболее турбулентные события второй половины XIX века остались позади и что европейские государства найдут пути и методы разрешения континентальных конфликтов.

Но они ошибались. Многие противоречия, которые делали эти государства не просто соперниками, а противниками, никуда не делись; наоборот, они нередко становились острее и глубже. После разгрома французской армии пруссаками вражда между Францией и Пруссией только усилилась: во Франции все громче звучали голоса, призывающие не мириться с национальным унижением, а отомстить за поражение. Эти голоса внушали большую тревогу Отто фон Бисмарку, и опасность нового немецкого вторжения снова стала реальной.

Все это происходило на фоне политико-дипломатических маневров всех трех континентальных империй, монархи которых и, конечно, их министры иностранных дел пытались ухудшить отношения между другими державами и всячески втянуть то одну, то другую из них в орбиту своих политических предпочтений. Так, и Франция, и Германия, и Австро-Венгрия пытались заключить с Россией сепаратный договор, исключаящий

ее союзнические отношения с другой империей.

В этой политической игре Германская империя и Австро-Венгрия играли примерно по одинаковым правилам: больше всего они старались предотвратить сближение России и Франции.

Наиболее четко проявилась позиция Бисмарка. Он ненавидел Россию и делал все возможное, чтобы она была постоянно в невыгодном международном положении. Но страх перед Россией заставлял Бисмарка придерживаться так называемых традиционных дружественных отношений с Россией.

Кроме опасений, которые внушал «русский медведь», у европейских держав были и другие мотивы, чтобы питать неприязнь к России. Первым был экономический. Прошло больше десятилетия с того времени, как в России было отменено крепостное право, и результаты этого ощущались и в Европе. Россия утвердилась в качестве основного поставщика зерна в европейские страны, а русские купцы постепенно осваивали все новые рынки.

Вторым был политический: в славянских районах в Австро-Венгрии и в турецких владениях шел рост национально-освободительных движений. Сербь, болгары и румыны, которые были православными, а также греки все активнее обращались к России за помощью

и поддержкой. Естественно, что Австро-Венгрия и Турция пытались заручиться поддержкой других европейских стран, в первую очередь Англии, чтобы запретить Россию в ее границах и каким-то образом вывести ее из политической борьбы на континенте. Россия же, в свою очередь, стремилась к тому, чтобы Франция не была бы слишком ослаблена, дабы Бисмарк не получил бы возможность диктовать свою волю всем странам Европы.

Как ни старался Бисмарк превратить Германскую империю в государство, определяющее раскладку политических сил на континенте, к середине 1870-х годов международное положение в Европе складывалось не в ее пользу. И Бисмарк решил вести дело к тому, чтобы окончательно изолировать Францию. Для этого, по его мнению, нужна была политическая интрига с Россией: следовало сделать так, чтобы Россия переключила все свое внимание на Ближний Восток. Бисмарк знал, что Ближний Восток всегда был интересен России, тогда как экономические интересы Германии в этом регионе были незначительными. Важно было показать, что Германия никоим образом не будет препятствовать Российской империи, если она захочет быть намного активнее в ее ближневосточной политике.

В сущности, все это было в духе немецкого канцлера. Параллельно решалась еще одна задача: повышенный интерес России к Ближнему Востоку неминуемо должен был вызвать резко отрицательную реакцию Великобритании. На этом фоне и должны были последовать просьбы германского канцлера к России не заниматься французскими делами.

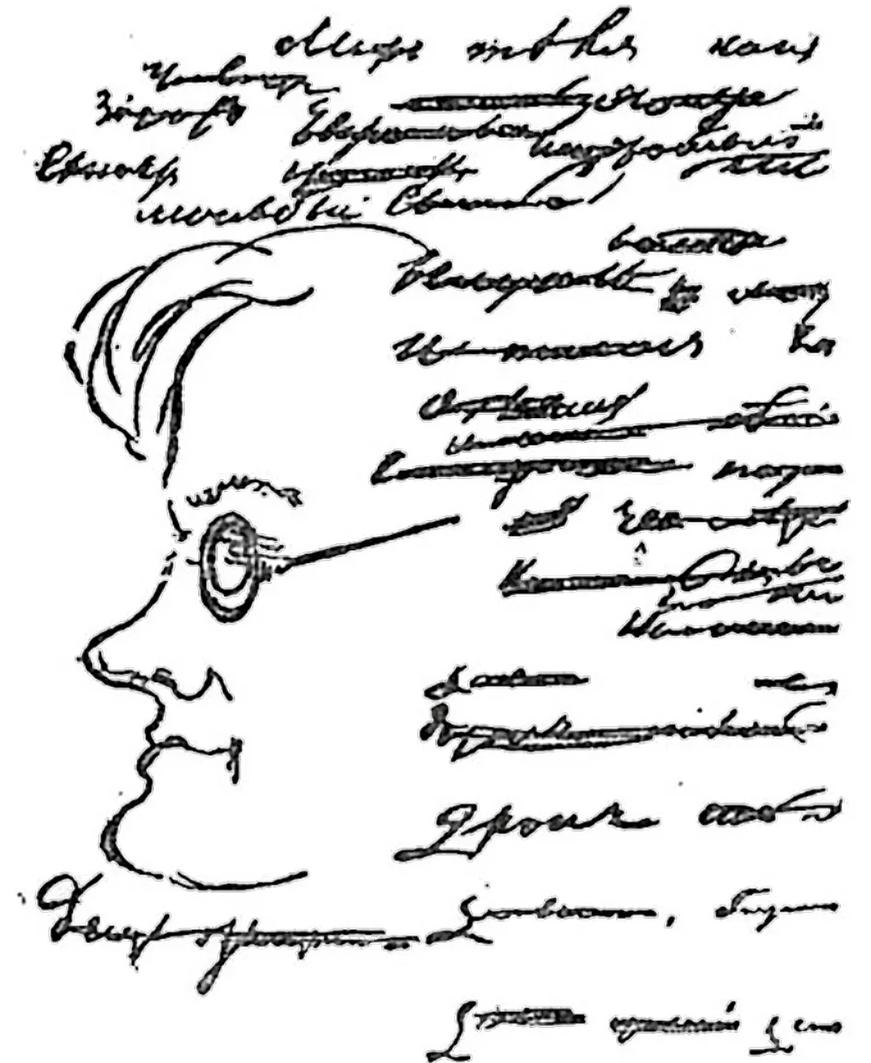
Для реализации этого плана в Петербург был направлен один из наиболее преданных Бисмарку дипломатов – Йозеф фон Радовиц. Цель миссии была проста: прозондировать почву, выяснить, насколько благожелательно настроена сейчас Россия к Германии, а потом, если дело будет на мази, попытаться решить задачу изоляции Франции.

Александр II и Александр Горчаков были предельно внимательны и даже галантны с Радовицем, пока он ходил вокруг да около темы, ради которой прибыл в российскую столицу, но, когда речь зашла о Франции, Горчаков тут же распознал игру посланца. Он сделал вид, что не готов обсуждать французские дела, но при этом заявил, что, по его мнению, от Франции никакая угроза исходить не может.

Тем временем во Франции не сидели сложа руки. Не только народные массы, но и католическая церковь Франции говорила о необходимости реванша. Общественные деятели практически всего политического спектра были едины в том, что за поход пруссаков на Париж Франция должна быть отмщена.

Прикрываясь необходимостью частичной военной реформы, во Франции решали вопрос об увеличении состава полков с трех батальонов до четырех; это давало возможность увеличить армию мирного времени на 144 тысячи человек.

В ответ Германия объявила о запрете вывоза лошадей из страны. Эта мера, которая

Портрет А. М. Горчакова работы А. С. Пушкина

обычно предшествовала мобилизации, не осталась незамеченной другими государствами; ее особенно отметили в России. Бисмарк, правда, попытался объяснить эту меру тем, что приближается сезон полевых работ, но его, разумеется, подняли на смех. Всем было ясно, что в Германии готовятся к мобилизации.

Окончательно расстроило планы Бисмарка неумное заявление его любимца Радовица: тот, вернувшись в Берлин, сказал за обедом французскому послу, что в Германии многие политики, наблюдающие за военными приготовлениями

Франции, считают необходимой превентивную войну.

Понятно, что тут началось. В европейской печати, и в первую очередь в английской, появились интервью с французскими дипломатами, высказывания британских политиков и деятелей других европейских государств – и все они носили антигерманский характер. К тому же из Бельгии стали поступать тревожными сообщения: в них говорилось о планах германской оккупации по крайней мере части территории Бельгии, что якобы было вызвано выступлениями бельгийцев против германского давления.

Отто фон Бисмарк в 1873 году. Работа Эверта Дайкинга

Для англичан сообщения такого рода были как красная тряпка для быка. Британскому правительству вовсе не улыбалась перспектива выхода германских войск к Па-де-Кале и тем более окончательного разгрома Франции Пруссией: ведь англичане, хоть испокон веков и соперничали с Францией, предпочитали, чтобы эта страна была буфером между Британией и континентальными державами. В Великобритании даже вспомнили о тех благословенных временах, когда она вместе с Россией воевала против Наполеона. Премьер-министр Бенджамин Дизраэли, который в 1874 году сменил Гладстона, заявил: «Бисмарк – это новый Наполеон, он должен быть

обуздан... Необходим союз между Россией и нами для достижения данной конкретной цели». Было ясно, что британское правительство хочет избавиться от головной боли, которую вызывают у него периодические осложнения между Францией и Германией. Считая, что это же чувствует и российский император, лорд Дерби, министр иностранных дел в кабинете Дизраэли, так напутствовал английского посла в Берлине: «Полагают, что русский император во время своего пребывания в Берлине будет говорить в том же духе. Если он поступает таким образом, вы должны его всемерно поддержать в интересах сохранения мира».

Бисмарк и Горчаков не раз вступали в поединок на дипломатическом ристалище. Но когда Александр II и Горчаков приехали в Берлин, финал дипломатической дуэли с Бисмарком выиграл на чужом поле Горчаков.

Бисмарк, как и предполагалось, твердил, что ни он и никто другой не собирается снова воевать с Францией, а разговоры о превентивной войне, от кого бы они ни исходили, это пустой звук. Более того, он обвинил в распускании этих слухов биржевиков, которые, дескать, играют на понижение. Обвинять же его, Бисмарка, в намерении развязать войну значит считать его идиотом.

Поединок, таким образом, был выигран Горчаковым: Бисмарк отказался от своего плана спровоцировать новую войну с Францией.

Горчаков нанес своему противнику еще один жестокий удар. Уезжая из Берлина, он отправил всем русским посольствам и миссиям телеграмму следующего содержания: «Император покидает Берлин, уверенный в господствующих здесь миролюбивых намерениях. Сохранение мира обеспечено».

Телеграмма была зашифрованной, но вскоре текст ее был опубликован. Считается, что достоянием гласности ее сделал сам Горчаков. Ведь суть сообщения была в том, что только присутствие российского императора и его мудрость избавили Францию от новой страшной войны.

Бисмарк был в ярости. Он с гневом бросил в лицо Горчакову, что тому, видимо, очень хочется прослыть спасителем Франции. Более того, он говорил немецким и иностранным дипломатам, что для прославления «канцлера-миротворца» в немецком посольстве в Париже стоит организовать театральную постановку, в которой русский канцлер предстанет в виде ангела-хранителя – в белой одежде,

В 1875 году антитурецкое восстание христиан началось в Герцеговине

с крыльями и надписью «Горчаков – покровитель Франции».

Шутками Бисмарк не ограничился. Он пожаловался Александру II «на нечестный поступок Горчакова». Однако император, выслушав Бисмарка, сказал: «Не будем принимать всерьез любое проявление старческого тщеславия». Бисмарк ушел в раздумье: эта ремарка могла относиться не только к русскому канцлеру, но и к нему самому...

Новую войну в Европе удалось предотвратить. Но в условиях доминирования в Европе нескольких крупных держав, которые, завоевав малые народы, держали их в подчинении на уровне колониальных, в ряде районов Европы

периодически накапливалась «критическая масса» взрывчатого вещества, вызывавшая национальные революции. Крупнейшими владельцами таких находящихся под гнетом народов были в то время Австро-Венгрия и Турция, причем последняя, будучи мусульманской страной, вообще являла собой чужеродное тело на европейской земле. Но, в сущности, особой разницы между этой страной и Австро-Венгрией, если судить по их отношению к покоренным народам, не было: введенный ими режим можно было назвать феодально-абсолютистским. И восстания в этих районах не были редкостью.

В 1875 году антитурецкое восстание христиан началось в Герцеговине, а потом охватило и Боснию. Восстание встретило горячее сочувствие со стороны независимых Сербии и Черногории, лидеры которых ставили перед собой задачу объединить южных славян и даже создать свое государство. А это уже, как считали в Австро-Венгерской империи, сильно затрагивало и ее интересы. В этой агломерации жили под властью немецкой и венгерской аристократии миллионы южных славян. Венгерские дворяне и помещики господствовали на обширных территориях, издавна принадлежавших южным славянам, и приобретение

Министр иностранных дел Австро-Венгрии Дьюла Андраши

местным славянским и румынским населением независимости неизбежно привело бы венгерскую верхушку к потере не только власти, но также земель и богатств. Что же касается немецкой буржуазии в Австрии, то ее очень устраивало нынешнее положение вещей: из бедных славянских земель в империю поступали дешевые сельскохозяйственные продукты.

А чтобы южные славяне и румыны и не мечтали думать о независимости, власти Австро-Венгрии

прилагали немало усилий к сохранению Оттоманской империи со всеми южнославянскими землями, захваченными ею некогда в Европе. Единственной страной, которая выступала на стороне южных славян и покровительствовала их национально-освободительному движению, была Россия. Именно поэтому она считалась в Австро-Венгрии противником.

Истинное лицо «просвещенной австро-венгерской элиты» проявилось уже в первые часы восстания

в Герцеговине. Власти в Вене устами своего министра иностранных дел Дьюла Андраши объявили, что считают происходящее в Герцеговине «внутренним делом Турции». В южнославянских землях это заявление вызвало бурю возмущения и активность восставших только возросла, что привело к жестоким репрессиям со стороны турок, что в свою очередь вызвало волну негодования в России, Греции и даже в Италии.

И тут в недрах австро-венгерских политических кругов родился новый план, который австрийский император и его ближайшее окружение сочли близким к гениальному. Вот что говорили создатели этого плана: «Остановить борьбу славян против турок сейчас невозможно. По мере разрастания этой борьбы слияние движений неизбежно, роль православной церкви будет увеличиваться, Россия будет приобретать все большее влияние на дело южнославянского освобождения и в конце концов получит возможность контролировать руководителей восстания и, соответственно, направлять их деятельность в то русло, которое ей выгодно. Чем это кончится, предугадать трудно. Но такое развитие событий можно предотвратить, причем с наибольшей эффективностью и с немалой выгодой для Австро-Венгрии. Нужно просто включить западную половину Балкан в Габсбургское государство. Турция в значительной степени потеряла контроль над Боснией и Герцеговиной; это удобный момент, чтобы захватить их. Затем присоединить к империи остальную территорию западных Балкан. Герцеговина – католическая страна, она прекрасно впишется в национальный состав нашей империи. Но и православные славяне станут важной частью империи, и вот почему. Наша империя сейчас дуалистическая. Если в нее войдут южнославянские

народы, она станет триалистическим государством. Преимущество такого государства для нас в том, что мы сможем ослабить в империи влияние мадьяр, уравновесив его возросшей значимостью славян. В государство Габсбургов вольется новая кровь, новые творческие силы, новые таланты – причем те, через которые у нас установятся полезные отношения с другими краями славянского мира, включая Россию. А для улучшения взаимопонимания с нею мы даже отдадим ей восточную часть Балкан».

Император Австрии Франц Иосиф I был неглупым человеком, и еще до того, как его познакомили с этим планом, у него были соображения на этот счет – правда, наиболее серьезным отрицательным элементом в его размышлениях была Россия. Он считал, что наилучшим противовесом российского влияния на южных славян может быть только приручение их лидеров.

У Александра II и русского правительства, помимо сочувствия к борьбе южных славян, был еще один мотив для их поддержки: Россия надеялась, что ей таким путем удастся восстановить свой престиж, который в немалой степени был подорван неудачами в Крымской войне. Но вступать в войну с Австро-Венгрией было в то время и опасно, и несвоевременно. Военная реформа в Российской империи, которая продолжалась десять лет (с 1864 по 1874 год), закончилась год назад, но лишь формально: некоторые ее пункты еще не были до конца выполнены. Было создано много новых военно-учебных заведений, а рекрутский набор заменен всеобщей воинской повинностью, но перевооружение армии было еще далеко от завершения. Поэтому император решил, что наилучшим способом оказывать давление на Турцию будут совместные действия России с Австро-Венгрией.

В тот момент государство Габсбургов не могло не откликнуться на предложение России о сотрудничестве, хоть и весьма общего характера. В Вене полагали, что Россия будет стремиться к тому, чтобы южнославянские народы находились под совместным протекторатом Российской и Австро-Венгерской империй. И в Вене под строжайшим секретом обсуждали как разрушить российские планы.

Александр II был хорошо осведомлен о настроениях в Габсбургском государстве. Тем не менее он решил поддержать авторитет России среди славян, но так, чтобы при этом не поссориться с Австро-Венгрией. Горчакову были даны соответствующие инструкции.

В августе 1875 года Горчаков отправился в Вену. Его план был такой: осуществлять вмешательство в балканские дела, но только с согласия Австро-Венгрии. Подобная политика в целом соответствовала принципам соглашения трех императоров. Поэтому Горчаков прямо заявил в Вене о необходимости совместного вмешательства в турецко-герцеговинские отношения. Он высказал мнение, что восставшим провинциям «нужно предоставить автономию наподобие той, какой пользуется Румыния», иначе говоря, близкую к полной независимости.

Создание еще одного южнославянского княжества отнюдь не улыбалось Австро-Венгрии. От нового государства нужно было ждать установления теснейшего сотрудничества с Сербией и Черногорией. Таким образом, освобождение Боснии и Герцеговины могло явиться первым шагом к образованию Великой Сербии. Тем не менее Андраши согласился на совместные действия. Он прекрасно понимал, что все зависит от формата, в котором будет согласован план действий, а также от трактовки каждого пункта. Но он ни в коем случае

не собирался оставить события в Герцеговине на усмотрение одной только России и тем самым дать ей возможность выглядеть единственным покровителем восставших.

Чтобы исключить вмешательство Сербии, он полагал необходимым сделать хоть что-то для повстанцев. Но все мероприятия в этом направлении должны были носить чисто демонстративный характер. В результате изматывающих и полных крючкотворства переговоров он добился того, чего хотел: выдвинутая Россией программа значительно сократилась. Она, по сути, свелась к плану незначительных административных реформ, осуществление которого державы должны были потребовать у султана. Накануне нового 1876 года Андраши представил правительствам всех держав, которые подписали Парижский трактат 1836 года, ноту, в которой содержался проект реформ для Боснии. Нота призывала державы добиться реализации этого проекта как Турцией, так и повстанцами.

Проект был принят всеми державами. Однако подход Австро-Венгрии и Великобритании к нему был отличен от подхода России. Было понятно, что Габсбургское государство и Великобритания, ратуя за эти реформы, видят в них путь к восстановлению власти султана, в то время как Россия считает их этапом на пути к будущей автономии, а затем и независимости южнославянских земель. Но было ясно, что Россия в своих устремлениях останется в одиночестве.

В последний день 1875 года проект Андраши в форме отдельных нот был передан Турции послами всех держав, подписавших Парижский трактат. Говорили, что султан, получил эту пачку бумаг, улыбнулся и бросил их под стол. Проект его вполне устраивал. Он приказал сообщить послам, что принимает их «совет».

Британский премьер-министр Бенджамин Дизраэли

Иначе отреагировали на проект вожди повстанцев. Им было ясно, что их борьбу пытаются погасить предложением малозначащих реформ, и они решительно его отвергли. Они заявили, что не сложат оружия, пока турецкие войска не будут выведены из восставших областей и пока со стороны турецких властей имеются лишь одни обещания, а со стороны держав нет никаких твердых гарантий.

В результате проект Андраши потерпел фиаско.

Горчаков только этого и ожидал. Он тут же предложил Андраши и Бисмарку устроить в Берлине свидание трех министров, приурочив его к предстоящему визиту Александра II. Предложение Горчакова было принято: встреча состоялась в мае 1876 года.

В России не могли не отметить, что накануне этой встречи

в Османской империи произошла отставка великого визиря Махмуд-Недима-паши. Он, как полагали, был сторонником улучшения отношений с Россией, немало делал для предотвращения войн с Россией и был отрицательно настроен к английскому влиянию, которое постоянно ощущалось в международной политике его страны. Стало ясно, что Великобритания существенно усилила свой напор на турецкие власти.

План разрешения проблемы южных славян, который Горчаков вез в Берлин, был в корне отличен от проекта Андраши. Речь в нем шла не о реформах, которые во всех случаях выполнялись турками лишь в том виде, который их устраивал. Горчаков требовал автономии для целого ряда славянских областей Балканского полуострова. В его плане предусматривалось предоставление России и Австро-Венгрии мандатов на устройство нового автономного управления.

Андраши и его окружение не могли и помыслить о том, чтобы принять план Горчакова. Осуществление этого плана означало бы, что дело освобождения славянства неминуемо увенчается успехом, а влияние России восторжествует по крайней мере над частью Балкан. Андраши решил сделать все, что в его силах, чтобы обречь план Горчакова на провал.

Он не отверг его открыто. Превознося записку Горчакова как шедевр дипломатического мастерства, Андраши внес в нее столько поправок, что она совершенно утратила свой первоначальный вид и превратилась в расширенную ноту самого Андраши от 30 декабря 1875 года.

Новым по сравнению с той нотой было лишь включение в нее некоего подобия тех гарантий, на которых настаивали повстанцы. Окончательно согласованный тремя державами документ, названный Берлинским меморандумом, заканчивался

обещанием, что, если намеченные в нем шаги не дадут результатов, три императорских двора договорятся о принятии «действенных мер в целях предотвращения дальнейшего развития зла».

Берлинский меморандум был принят тремя державами 13 мая. На другой же день английский, французский и итальянский послы были вызваны к германскому канцлеру, в кабинете которого уже сидели Андраши и Горчаков. На этом собрании русский канцлер заявил, что Турция не осуществила ни одной из обещанных ею реформ. Императорские дворы едины в своем стремлении сохранить Османскую империю, однако при этом необходимо и облегчить участь христиан на ее землях.

Франция и Италия согласились с этой программой трех императоров. Но британское правительство, возглавляемое Бенджаменом Дизраэли, тут же высказалось против «нового вмешательства в турецкие дела». Британия не желала, чтобы Россия получила доступ к проливам, и тем более не хотела усиления русского влияния на Балканах. Для Дизраэли и его министров Балканы являлись своего рода потенциальным плацдармом, с которого можно было бы контролировать Средиземноморье и легко добраться до Константинополя. А у Дизраэли были обширные планы утверждения Британской империи на Ближнем и Среднем Востоке. Готовились масштабные мероприятия по укреплению британского владычества в Индии и в восточной части Средиземного моря. Дизраэли уже практически установил господство Британии над Египтом, а через открытый в 1869 году Суэцкий канал пролегал кратчайший путь в Индию.

Эту идеальную для британского колониализма диспозицию могла нарушить только Россия. Русско-турецкий союз на Ближнем

Востоке мог означать появление русского флота в Средиземном море или даже переход турецких проливов в руки России. Понятно, что, опасаясь такого конкурента, британское правительство стремилось окончательно подчинить своему контролю и Египет, и Турцию. К тому же Дизраэли замышляла захват Белуджистана и Афганистана и готовился к соперничеству с Россией в Средней Азии. Россия должна была укрепить свои южные границы. Известно, что многие нападения местных ханов и эмиров на ее земли провоцировались, а иногда и финансировались англичанами.

В 1850–1860-е годы России пришлось вступить в борьбу с Кокандским ханством за решающее влияние в Средней Азии. Цепь вооруженных конфликтов затянулась на полтора десятилетия и закончилась тем, что в 1868 году Кокандское ханство фактически попало в зависимость от России. На землях, подчиненных Российской империи, было создано Туркестанское генерал-губернаторство. Англичане, которые считали Кокандское ханство своим оплотом в Туркестане, расценили происшедшее как первый опыт военного политического противостояния с Россией в регионе.

К 1873 году важнейшим центром антирусских настроений стало Хивинское ханство. Тогда российские войска, наступая с нескольких направлений, захватили Хиву и подавили сопротивление на всей его территории. В итоге Хива признала протекторат Российской империи.

Еще в первой половине XIX века британское правительство выдвинуло своеобразное объяснение англо-русских отношений в Азии. Согласно английской трактовке, Россия медленно продвигалась в сторону Индии, захватывая один среднеазиатский район за другим; сама же Англия лишь обороняла

свои индийские владения и защищала неприкосновенность Османской империи, через которую пролегает путь из Европы в Индию. Эта версия событий долгое время распространялась не только в самой Великобритании, но и далеко за ее пределами, в том числе и в Турции. Согласно этой версии, Россия не желала останавливаться в приращении новых земель и могла покушаться и на земли Османской империи.

В декабре 1873 года, через несколько месяцев после занятия Хивы русскими войсками, английский кабинет поручил британскому послу в Петербурге заявить царскому правительству, что завоевание Хивы угрожает добрым отношениям между Россией и Англией. Если соседние с Хивой туркменские племена попытаются искать спасения от русских на афганской территории, может возникнуть столкновение между русскими войсками и афганцами. Английский кабинет выразил надежду, что русское правительство не откажется признать независимость Афганистана, что явится одним из важнейших условий безопасности Британской Индии. Горчаков заверил англичан, что Россия считает Афганистан лежащим вне сферы ее влияния. Однако при этом было подчеркнуто, что русское правительство не собирается признавать за Англией права на вмешательство в отношения между Россией и туркменами.

В ходе переговоров с британскими эмиссарами Горчаков не раз замечал, что для устранения опасности столкновения между российскими и британскими войсками было бы целесообразно создать «промежуточный пояс», то есть буфер, который предохранил бы их от непосредственного соприкосновения. Таким буфером мог бы служить Афганистан; необходимо лишь, чтобы его независимость была признана обеими

Князь и первый король Сербии Милан Обренович. Портрет работы Стевы Тодоровича. 1883

Заметим, что Великобритании было намного сложнее воспользоваться «свободой действий» в этом регионе. В Лондоне плохо представляли себе, что значит завоевать Афганистан. Во-первых, земля Афганистана такова, что каждый его район изобилует серьезными природными препятствиями. А во-вторых, афганцы рассчитывали на поддержку России в своей борьбе за независимость. Эмир уже искал связей с русским правительством.

сторонами. При этом Горчаков подтверждал, что Россия не намеревается расширять свои владения в Средней Азии.

Как и ожидалось, британцы отказались признать независимость Афганистана, наоборот: в октябре 1875 года в Лондоне заявили, что правительство сохраняет по отношению к этому государству полную свободу действий.

Российский император, оценив такую позицию Великобритании, решил действовать симметрично: он издал 17 февраля 1876 года указ о присоединении Кокандского ханства к Российской империи. Россия, таким образом, сама воспользовалась «свободой действий» в отношении стран «промежуточного пояса».

на Ближнем Востоке была в целом более благоприятной для Британии. Своим отказом признать Берлинский меморандум Дизраэли завоевал огромный авторитет в турецкой столице, бросил вызов другим европейским странам и тем самым поощрил Турцию на сопротивление требованиям трех императоров. Но Россия не хотела, да и не могла отказаться от политической борьбы вокруг Константинополя и проливов. Для этого надо было исключить ситуацию, при которой ключи от Черного моря оказались бы в руках ее врагов, к которым она относилась и Великобританию.

Между тем на Балканах происходили серьезные события. Почти одновременно с появлением

Берлинского меморандума турки подавили восстание в Болгарии. Умирения сопровождалось дикими зверствами. В Филиппопольском санджаке черкесы и башибузуки (иррегулярные отряды турок) за несколько дней вырезали около 13 тысяч человек; убийства сопровождалась пытками и всякого рода надругательствами.

Дизраэли постарался заглушить в печати сообщения о турецких зверствах. Боле того, чтобы еще больше подстегнуть султана в его неуступчивости, он послал к проливам английский флот: британские корабли стали на якорю в Безикской бухте, неподалеку от входа в Дарданеллы. Было ясно, что при подстрекательстве Дизраэли султан окончательно отвергнет Берлинский меморандум.

Тем временем Сербия и Черногория уже готовились к вооруженному вмешательству на стороне славянских повстанцев. Представители России и Австрии в Белграде и Цетинье официально предостерегали против этого. Но сербы были слишком уверены, что в случае, если Сербия и Черногория начнут войну, Россия не допустит их уничтожения турками.

30 июня 1876 года князь Милан Обренович, правитель Сербии, объявил войну Турции. В Сербии в то время находилось около четырех тысяч русских добровольцев, в том числе сотни офицеров во главе с генералом Черняевым, который был назначен главнокомандующим сербской армией. Из России приходила и финансовая помощь. Для России то был довольно опасный период: поддержка Сербии могла обернуться войной с великими державами, к которой Россия не была готова ни в военном, ни в финансовом отношении.

Сербо-турецкая война могла привести к общеевропейской войне. Поражение сербов привело бы к чудовищной резне,

и вмешательство России стало бы неизбежным. При этом она почти наверняка вступила бы в конфликт с Австро-Венгрией. В победу Сербии мало кто верил, но, если бы она имела место, развал Османской империи, во всяком случае ее европейских владений, стал бы неминуем. А это вызвало бы жестокую схватку великих держав из-за турецкого наследства. В Петербурге это хорошо понимали. Поэтому император и его министры старались решить нелегкую задачу: оказать поддержку балканским славянам, но при этом не вступить в войну с Австро-Венгрией.

Для этого Александр II и Горчаков встретились с Францем-Иосифом и Андраши 8 июля 1876 года в замке Рейхштадт в Богемии. Обе стороны считали, что пришли к соглашению. Позже выяснилось, что считали напрасно. В ходе встречи не было подписано ни формальной конвенции, ни даже протокола. Зато на свет появились две весьма различные записи соглашения: одна была сделана под диктовку Андраши русским послом в Вене, а вторая помощником Горчакова под его диктовку.

Согласно обеим записям, в Рейхштадте было условлено «в настоящий момент» придерживаться «принципа невмешательства». Если же обстановка потребует активных выступлений, решено было действовать по взаимной договоренности. В случае успеха турок обе державы потребуют восстановить статус-кво в Сербии.

Что касается Боснии и Герцеговины, державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на программе, изложенной в ноте Андраши и в Берлинском меморандуме. Было постановлено, что в случае победы сербов «державы не окажут содействия образованию большого славянского государства».

Впрочем, под давлением России Андраши согласился на некоторое увеличение Сербии и Черногории. Сербия, согласно горчаковской записи, получала «некоторые части старой Сербии и Боснии», Черногория – всю Герцеговину и порт на Адриатическом море. По записи Андраши, Черногория получала лишь часть Герцеговины. Остальная часть Боснии и Герцеговины должна быть отойти Австро-Венгрии. По русской же записи, Габсбургское государство имело право аннексировать только турецкую Хорватию и некоторые пограничные с Австрией части Боснии, согласно плану, который будет установлен впоследствии. Право Австро-Венгрии на Герцеговину в русской записи вообще не упоминалось. Россия получала согласие Австро-Венгрии на возвращение юго-западной Бессарабии, отторгнутой у России в 1856 году, и на присоединение Батума.

В случае полного развала европейской Турции Болгария и Румыния должны были, по русской версии, образовать независимые княжества, по австрийской записи – автономные провинции Османской империи; по австрийской версии, такой провинцией могла стать и Албания. Русская записка вовсе не упоминала Албании. Эпир, Фессалию (по австрийской записи и Крит) предполагалось передать Греции. Наконец, «Константинополь мог бы стать вольным городом».

Надо ли говорить, что при таком разночтении двух записей Рейхштадтское соглашение таило в себе зародыши множества недоразумений и конфликтных ситуаций.

В августе 1876 года, после того как сербы потерпели несколько поражений, Горчаков предложил Бисмарку взять на себя инициативу созыва международной конференции для выработки условий сербо-турецкого мира. Но Бисмарк вовсе

не желал, чтобы России удалось без войны сыграть роль покровительницы славян. Наоборот, он очень хотел, чтобы Россия поглубже увязла в южнославянских делах и тем самым все больше раздражала другие европейские державы. Поэтому Бисмарк отклонил предложение Горчакова. Судя по всему, он стремился спровоцировать конфликт между Россией и Британией.

Но в это время обстоятельства вынудили Дизраэли несколько умерить активность во внешнеполитических делах. В Англии были наконец оглашены сведения о турецких зверствах в Болгарии. Глава оппозиции Гладстон использовал «болгарские зверства» как средство атаки на Дизраэли.

Еще одной темой, которая стала доминирующей в британской прессе, были финансовые дела. После Крымской войны Англия и Франция неоднократно представляли Турции довольно значительные займы, на которых европейские банкиры наживались невиданным образом. Займы давались под 5–6%, что было намного выше среднего процента того времени, да еще при 6–7% комиссионных в пользу банкиров. Один из займов даже был выпущен по курсу 43,5 за 100. До 1875 года турецкому правительству было одолжено на таких условиях около 200 миллионов фунтов, то есть более 10 миллиардов фунтов на деньги сегодняшнего дня. Эти займы разоряли Турцию. В октябре 1875 года она объявила себя банкротом. Финансовые круги Великобритании требовали от Дизраэли оказать давление на Османскую империю, чтобы она все же нашла способ расплатиться с кредиторами.

Но Дизраэли защищал Турцию всеми способами: она нужна была ему как орудие против России.

Продолжение следует

ЭРМИТАЖ ИМПЕРАТРИЦЫ

К 295-летию со дня рождения Екатерины Великой,
императрицы и самодержицы Всероссийской

АЛЕКСАНДР МЯСНИКОВ СТАРШИЙ

«Екатерина II в образе Минервы, покровительницы искусств» кисти Стефано Торелли. 1770

Так уж сложилось, что слово «эрмитаж» в России, как правило, связывают с именем Екатерины II и Зимним дворцом. И в этом, безусловно, есть историческая справедливость: в 1764 году Екатерина II приобрела коллекцию из 255 картин из немецкого города Берлина и заложила основу одного из крупнейших в мире музейных хранилищ – Государственного Эрмитажа.

Но эрмитажами императрица Екатерина II Алексеевна называла и иные мероприятия. Они проходили в совершенно конкретном месте. Конечно же, связанном с Зимним дворцом. Это место – Малый Эрмитаж, который сегодня входит в комплекс Государственного Эрмитажа.

Малый Эрмитаж был создан по проекту архитектора Ж. Б. Валлен-Деламота рядом с Зимним дворцом. Его строительство началось в 1764 году.

Есть версия, что Екатерина II чувствовала себя в Зимнем дворце немного неуютно. Может быть, в больших и холодных залах ей чудилась тень первого хозяина дворца – ее бывшего мужа императора Петра III, убитого ее же фаворитами. Как бы там ни было, но уже через год после прихода к власти, она решила построить для себя «маленький уединенный уголок». И обустроить его по собственному вкусу и разумению.

Жан Батист Валлен-Деламот и Юрий Матвеевич Фельтен выстроили такой уголок. В «уголке» хватило места и для парадных комнат, в которых Екатерина принимала гостей, и для отдельного крыла, где жили ее фавориты, и даже для

висячего сада. Этот висячий сад дал новому павильону первоначальное название – Оранжерейный дом.

Снаружи «уголок» императрицы был украшен коринфскими колоннами, барельефами и декоративными скульптурными группами.

Южное крыло Оранжерейного дома, говорят, получило неофициальное название «Фаворитский корпус». Время Екатерины II – это расцвет фаворитизма, характерного для всей европейской жизни XVIII века. Императрица сменила целый ряд фаворитов. К участию в решении политических вопросов они, как правило, не допускались. Тем не менее институт фаворитизма отрицательно действовал на высшее дворянство. Оно искало выгод через лесть новому фавориту, пыталось провести в любовники к государыне «своего человека». Первым жильцом «Фаворитского корпуса» стал граф Григорий Орлов, а затем его сменил князь Григорий Потемкин.

Кстати, это граф Григорий Орлов преподнес императрице Екатерине II в день ее тезоименитства знаменитый алмаз, один из самых крупных в мире. Позже алмаз самой чистой воды весом 189,62 карата получил название «Орлов». Считается, что он был найден в Индии в начале XVII века. Легенда рассказывает, что этот алмаз служил глазом для статуи бога Брахмы, откуда его в начале XVIII века похитил французский солдат. По другой версии, алмаз был украден из трона персидского Надир-Шаха после его гибели. Орлов якобы купил камень в Амстердаме за 400 тысяч золотых рублей. Однако, по другой версии, алмаз купил «придворный коммерсант» армянин Иван Лазаревич Лазарев по его же просьбе. Екатерина II приказала вставить камень в свой золотой скипетр. Ныне алмаз «Орлов» – самый крупный в Алмазном фонде России.

Апартаменты южного крыла, в которых жили фавориты

«Портрет Екатерины II в русском народном costume» работы Стефано Торелли. Около 1780

императрицы, соединялись коридором с ее собственными покоями.

После постройки Оранжерейного дома Екатерина приказывает пристроить к нему еще один павильон, получивший название «Северный». В северном крыле Екатерина любила организовывать увеселительные вечера. Эти вечера, быстро ставшие традицией, Екатерина называла «малыми эрмитажными собраниями». На собраниях играли в различные игры, осуществляли театральные постановки. Часто там ставились пьесы,

написанные самой императрицей. В конце концов «малые эрмитажные собрания» привели к переименованию Оранжерейного дома в Малый Эрмитаж.

Современники Екатерины II вспоминали, что для своих «малых эрмитажных собраний» она придумала целый список правил, соблюдать которые должны были все приглашенные в Малый Эрмитаж придворные. Прежде всего, увеселительные вечера должны были проходить «в российском стиле». Так, разговаривать на иностранных

Рафаэль Санти. «Святое семейство». Около 1506–1507

языках во время этих мероприятий запрещалось, а приходиться на них можно было только в русской одежде. Кроме того, участникам вечеров нельзя было спорить и вообще громко разговаривать, а также зевать, вздыхать, портить какие-либо предметы обстановки и «препятствовать другим во всяких их затеях».

Во времена Екатерины одним из главных предметов роскоши становится кухня. Высший российский свет во всем ориентируется на Францию, и поэтому основной становится французская кухня. За столом стали появляться паштеты, итальянские макароны; традиционные ватрушки, калачи и бублики, подаваемые к чаю, дополняются,

а зачастую и сменяются пирожными, блинчиками, муссами и желе. На ужин подаются новые напитки – крушон и сидр.

Екатерина II очень любила морские деликатесы – крабов и омаров. Она собрала всех ведущих ученых-естествоиспытателей и потребовала отыскать в Балтийском море аналоги любимых ею морских обитателей. Для осуществления этой миссии были выделены большие средства. Академия организовала несколько экспедиций. Спустя несколько лет ученые, не найдя подобных яств, вынуждены были констатировать безрезультатность многолетней экспедиции. Однако научный результат поисков был огромен, так как было сделано много научных открытий в области ихтиологии.

Именно в Малом Эрмитаже, уединенном уголке, где выставлялись картины, скульптуры и другие предметы искусства, и начала складываться ныне самая известная коллекция Эрмитажа. Впоследствии в Малом Эрмитаже действительно был открыт музей и Русская библиотека, книги

которой также были собраны императрицей. Вскоре коллекции книг и произведений искусства перестали помещаться в Малом Эрмитаже, и для их размещения были построены еще два здания – Большой, или, как его еще называют, Старый Эрмитаж, и Новый Эрмитаж.

В XIX веке по проекту архитектора В. П. Стасова над зданием Малого

Эрмитажа был надстроен дополнительный, четвертый, этаж. Среди экспонатов, размещенных в нем, одним из самых старых и, несомненно, самым необычным являются механические часы «Павлин». Они установлены в Павильонном зале.

Эти часы, созданные английским мастером Д. Коксом, – подарок Г. А. Потемкина Екатерине II.

Часы представляют собой металлическую скульптурную группу, состоящую из павлина, петуха, совы и белки, сидящих на ветках дерева. Дерево окружают металлические растения с большими листьями и шляпки грибов, а циферблат часов вставлен в его ствол. По замыслу автора это скульптурное изображение должно символизировать разные стороны человеческой жизни, противоречащие друг другу и в то же время всегда находящиеся рядом.

Часовой механизм этого произведения искусства действует до сих пор. Часы радуют посетителей Эрмитажа, как и десятки тысяч других уникальных экспонатов.

Часы «Павлин»

Становление уникальной коллекции

В 1764 году Екатерина II приобрела в Берлине 317 (по некоторым данным 225) полотен из частного собрания торговца произведениями искусства и коллекционера Иоганна Эрнеста Гоцковского, среди которых были полотна великих европейских мастеров, преимущественно голландско-фламандской школы первой половины XVII века, в том числе Рембрандта ван Рейна, Питера Пауля Рубенса, Якоба Йорданса, Антониса ван Дейка и др. Именно для их размещения и было построено здание Малого Эрмитажа.

В 1768 году было куплено более пяти тысяч рисунков из коллекции Людвиг фон Кобенцля в Брюсселе.

В 1769 году приобретена коллекция графа Генриха фон Брюля (бывшего первого министра короля польского и курфюрста саксонского Августа III), которая насчитывала около 600 картин голландских, фламандских, французских и итальянских художников.

В 1772 году Екатерина II приобрела коллекцию живописи француза Пьера Кроза – около 400 первоклассных полотен, включая «Святое Семейство» Рафаэля, «Юдифь» Джорджоне, «Даная» Тициана, работы Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка, Джамбаттиста Писттони, Пуссена, Клода Лоррена и Ватто.

В 1779 году собрание императрицы пополнила коллекция живописи британского премьер-министра Роберта Уолпола.

В 1781 году в Париже была куплена коллекция графа Бодуэна, состоявшая из 119 картин, в числе которых девять полотен Рембрандта и шесть портретов кисти Антониса ван Дейка.

В 1785 году значительным приобретением императрицы стала коллекция английского банкира Лайд-Брауна, включавшая античные статуи и бюсты, в том числе работу Микеланджело «Скорчившийся мальчик».

В 1787 году в Париже была куплена коллекция резных камней герцога Орлеанского.

Чтобы вместить все собрание императрицы, Юрием Фельтеном в 1771–1787 годах было построено новое музейное здание – Большой Эрмитаж.

«ЧТОБЫ СОЗДАТЬ КРАСОТУ, НАДО САМОМУ БЫТЬ ЧИСТЫМ ДУШОЙ»

К 220-летию со дня рождения Михаила Ивановича Глинки

ДМИТРИЙ САМИН,
автор книги «100 великих композиторов»

Портрет Михаила Глинки работы Карла Брюллова. 1840

Михаил Иванович Глинка родился 1 июня 1804 года в селе Новоспасском, в имении своих родителей, расположенном в ста верстах от Смоленска и в двадцати верстах от небольшого города Ельни. Систематическое обучение музыке началось довольно поздно и примерно в том же духе, что и обучение общим дисциплинам. Первой учительницей Глинки была приглашенная из Петербурга гувернантка Варвара Федоровна Кламер.

Первый опыт Глинки в сочинении музыки относится к 1822 году – времени окончания пансиона. Это были вариации для арфы или фортепиано на тему из модной в то время оперы австрийского композитора Вейгля Швейцера «Царское семейство». С этого момента, продолжая совершенствоваться в игре на фортепиано, Глинка все больше внимания уделяет композиции и вскоре уже сочиняет чрезвычайно много, пробуя свои силы в самых разных жанрах. Долгое время он остается неудовлетворенным своей работой. А ведь именно в этот период были написаны хорошо известные сегодня романсы и песни: «Не искушай меня без нужды» на слова Е. А. Баратынского, «Не пой, красавица, при мне» на слова А. С. Пушкина, «Ночь осенняя, ночь любезная» на слова А. Я. Римского-Корсакова и другие.

Однако главное – не творческие победы молодого композитора, как бы высоко они ни ценились. Глинка с постоянным и глубоким напряжением ищет себя в музыке и одновременно на практике постигает тайны композиторского мастерства. Он пишет ряд романсов и песен, оттачивая вокальность мелодики, но одновременно настойчиво ищет пути выхода за рамки форм и жанров бытовой музыки. Уже в 1823 году он работает над струнным септетом, адажио и рондо для оркестра и над двумя оркестровыми увертюрами.

Постепенно круг знакомств Глинки выходит за рамки светских отношений. Он знакомится с Жуковским, Грибоедовым, Мицкевичем, Дельвигом. В эти же годы он познакомился с Одоевским, ставшим впоследствии его другом.

Всевозможные светские развлечения, многочисленные художественные впечатления разного рода и даже состояние здоровья, все более ухудшавшееся к концу 1820-х годов (результат крайне неудачного лечения), – все это не могло помешать композиторской работе. Сочинение музыки становилось для него внутренней потребностью.

В эти годы Глинка стал серьезно задумываться о путешествии за границу. К этому его побуждали различные причины. Прежде всего, путешествие могло дать ему такие музыкальные впечатления, такие новые знания в области искусства и творческий опыт, которые он не мог бы приобрести у себя на родине. Глинка надеялся также в иных климатических условиях поправить свое здоровье.

В конце апреля 1830 года Глинка уехал в Италию. По пути он задержался в Германии, где провел летние месяцы. Приехав в Италию, Глинка поселился в Милане, который был в то время крупным центром музыкальной культуры. Оперный сезон 1830–1831 года

был необычайно насыщенным. Глинка оказался весь во власти новых впечатлений: «После каждой оперы, возвратясь домой, мы подбирали звуки, чтобы вспомнить слышанные любимые места». Как и в Петербурге, Глинка по-прежнему много работает над своими сочинениями. В них уже не остается ничего ученического – это мастерски выполненные композиции. Значительную часть произведений этого периода составляют пьесы на темы популярных опер. Инструментальным ансамблям Глинка уделяет особое внимание. Он пишет два оригинальных сочинения: Секстет для фортепиано, двух скрипок, альты, виолончели и контрабаса и Патетическое трио для фортепиано, кларнета и фагота – произведения, в которых особенно отчетливо проявляются черты композиторского почерка Глинки.

В июле 1833 года Глинка покинул Италию. По пути в Берлин он на некоторое время остановился в Вене. Из впечатлений, связанных с пребыванием в этом городе, Глинка отмечает в «Записках» немного. Он часто и с удовольствием слушал оркестры Ланнера и Штрауса, много читал Шиллера и переписывал любимые пьесы. В Берлин Глинка приехал в октябре того же года. Месяцы, проведенные здесь, привели его к размышлениям о глубоких

национальных корнях культуры каждого народа. Эта проблема теперь приобретает для него особую актуальность. Он готов сделать решительный шаг в своем творчестве. «Мысль о национальной музыке (не говорю еще оперной) более и более прояснялась», – отмечает Глинка в «Записках».

Важнейшей задачей, вставшей перед композитором в Берлине, было приведение в порядок его музыкально-теоретических познаний и, как сам он пишет, идей об искусстве вообще. В этом деле Глинка отводит особую роль Зигфриду Дену, знаменитому в свое время теоретику музыки, под руководством которого много занимается.

Занятия Глинки в Берлине были прерваны известием о смерти его отца. Глинка решил тотчас же отправиться в Россию. Заграничное

Михаил Глинка в 1856 году. Фотография Сергея Левицкого

путешествие неожиданно окончилось, однако он в основном успел осуществить свои планы. Во всяком случае, характер его творческих устремлений был уже определен. Подтверждение этому мы находим, в частности, в той поспешности, с которой Глинка, вернувшись на родину, принимается за сочинение оперы, не дожидаясь даже окончательного выбора сюжета – настолько ясно представляется ему характер музыки будущего произведения: «Запала мне мысль о русской опере; слов у меня не было, а в голове вертелась “Марьяна роца”».

Эта опера ненадолго завладела вниманием Глинки. По приезде в Петербург он стал частым гостем у Жуковского, у которого еженедельно собиралось избранное общество; занимались по преимуществу литературой и музыкой. Постоянными посетителями этих вечеров были Пушкин, Вяземский, Гоголь, Плетнев. «Когда я изъявил свое желание приняться за русскую оперу, – пишет Глинка, – Жуковский искренно одобрил мое намерение и предложил мне сюжет Ивана Сусанина. Сцена в лесу глубоко врезалась в моем воображении; я находил в ней много

оригинального, характерного для русских».

Увлеченность Глинки была настолько велика, что «как бы по волшебному действию вдруг создались... план целой оперы...». Глинка пишет, что его воображение «предупредило» либреттиста; «... многие темы и даже подробности разработки – все это разом вспыхнуло в голове моей».

Но не только творческие проблемы заботят в это время Глинку. Он помышляет о женитьбе. Избранницей Михаила Ивановича оказалась Марья Петровна Иванова, миловидная девушка, его дальняя родственница. «Кроме доброго и непорочнейшего сердца, – пишет Глинка матери сразу же после женитьбы, – я успел заметить в ней свойства, кои я всегда желал найти в супруге: порядок и бережливость... несмотря на молодость и живость характера, она очень рассудительна и чрезвычайно умеренна в желаниях». Но будущая жена ничего не смыслила в музыке. Однако чувство Глинки к Марье Петровне было настолько сильным и искренним, что обстоятельства, которые впоследствии привели к несовместимости их судеб, в то время могли казаться не столь существенными.

Венчались молодые в конце апреля 1835 года. Вскоре после этого Глинка с женой отправился в Новоспасское. Счастье в личной жизни подхлестнуло его творческую активность, он принялся за оперу с еще большим рвением.

Опера быстро продвигалась, но добиться постановки ее на сцене Петербургского Большого театра оказалось делом нелегким. Директор императорских театров А. М. Гедеонов с большим упорством препятствовал принятию новой оперы к постановке. По-видимому, стремясь оградить себя от любых неожиданностей, он отдал ее на суд капельмейстеру

К. А. Кавосу, который являлся автором оперы на тот же сюжет. Однако Кавос дал произведению Глинки самый лестный отзыв и снял с репертуара свою оперу. Таким образом, «Иван Сусанин» был принят к постановке, но Глинку при этом обязали не требовать за оперу вознаграждения.

Премьера «Ивана Сусанина» состоялась 27 ноября 1836 года. Успех был огромным, Глинка писал своей матери на следующий день: «Вчерашний вечер совершились наконец желания мои, и долгий труд мой был увенчан самым блистательнейшим успехом. Публика приняла мою оперу с необыкновенным энтузиазмом, актеры выходили из себя от рвения... государь-император... благодарил меня и долго беседовал со мною...»

Острота восприятия новизны музыки Глинки примечательно выражена в «Письмах о России» Анри Мериме: «“Жизнь за царя” г. Глинки отличается чрезвычайной оригинальностью... Это такой правдивый итог всего, что Россия выстрадала и излила в песне; в этой музыке слышится такое полное выражение русской ненависти и любви, горя и радости, полного мрака и сияющей зари... Это более чем опера, это национальная эпопея, это лирическая драма, возведенная на благородную высоту своего первоначального назначения, когда она была еще не легкомысленной забавой, а обрядом патриотическим и религиозным».

Идея новой оперы на сюжет поэмы «Руслан и Людмила» возникла у композитора еще при жизни Пушкина. Глинка вспоминает в «Записках»: «... я надеялся составить план по указанию Пушкина, преждевременная кончина его предупредила исполнение моего намерения».

Первое представление «Руслана и Людмилы» состоялось 27 ноября 1842 года, ровно – день

в день – через шесть лет после премьеры «Ивана Сусанина». С бескомпромиссной поддержкой Глинки, как и шесть лет назад, выступил Одоевский, выразивший свое безусловное преклонение перед гением композитора в следующих немногих, но ярких, поэтических строках: «... на русской музыкальной почве вырос роскошный цветок, – он ваша радость, ваша слава. Пусть черви сляжутся всползти на его стебель и запятнать его, – черви спадут на землю, а цветок останется. Берегите его: он цветок нежный и цветет лишь один раз в столетие».

Однако новая опера Глинки, в сравнении с «Иваном Сусаниным», вызвала более сильную критику. Самым яростным противником Глинки выступил в печати Ф. Булгарин, в то время все еще весьма влиятельный журналист.

Композитор тяжело это переживает. В середине 1844 года он предпринимает новое длительное заграничное путешествие – на этот раз во Францию и Испанию. Вскоре яркие и разнообразные впечатления возвращают Глинке высокий жизненный тонус.

Труды Глинки скоро увенчались новым большим творческим успехом: осенью 1845 года им была создана увертюра «Арагонская хота». В письме Листа к В. П. Энгельгардту мы находим яркую характеристику этого произведения: «... мне очень приятно... сообщить Вам, что “Хоту” только что исполняли с величайшим успехом... Уже на репетиции понимающие музыканты... были поражены и восхищены живой и острой оригинальностью этой прелестной пьесы, отчеканенной в таких тонких контурах, отделанной и законченной с таким вкусом и искусством! Какие восхитительные эпизоды, остроумно связанные с главным мотивом, какие тонкие оттенки колорита, распределенные

по разным тембрам оркестра!.. Какая увлекательность ритмических ходов от начала и до конца! Какие самые счастливые неожиданности, обильно исходящие из самой логики развития!»

Окончив работу над «Арагонской хотой», Глинка не торопится приняться за следующее сочинение, а целиком посвящает себя дальнейшему углубленному изучению народной испанской музыки. В 1848 году, уже по возвращении в Россию, появилась еще одна увертюра на испанскую тему – «Ночь в Мадриде».

Оставаясь на чужбине, Глинка не может не обращаться мыслью к далекой отчизне. Он пишет «Камаринскую». Эта симфоническая фантазия на темы двух русских песен: свадебной лирической («Из-за гор, гор высоких») и бойкой плясовой, явилась новым словом в отечественной музыке.

В «Камаринской» Глинка утвердил новый тип симфонической музыки и заложил основы ее дальнейшего развития. Все здесь глубоко национально, самобытно. Он умело создает необычайно смелое сочетание различных ритмов, характеров и настроений.

Последние годы Глинка жил то в Петербурге, то в Варшаве, Париже и Берлине. Композитор был полон творческих планов, но обстановка вражды и преследования, которым он подвергался, мешала творчеству. Несколько начатых партитур он сжег.

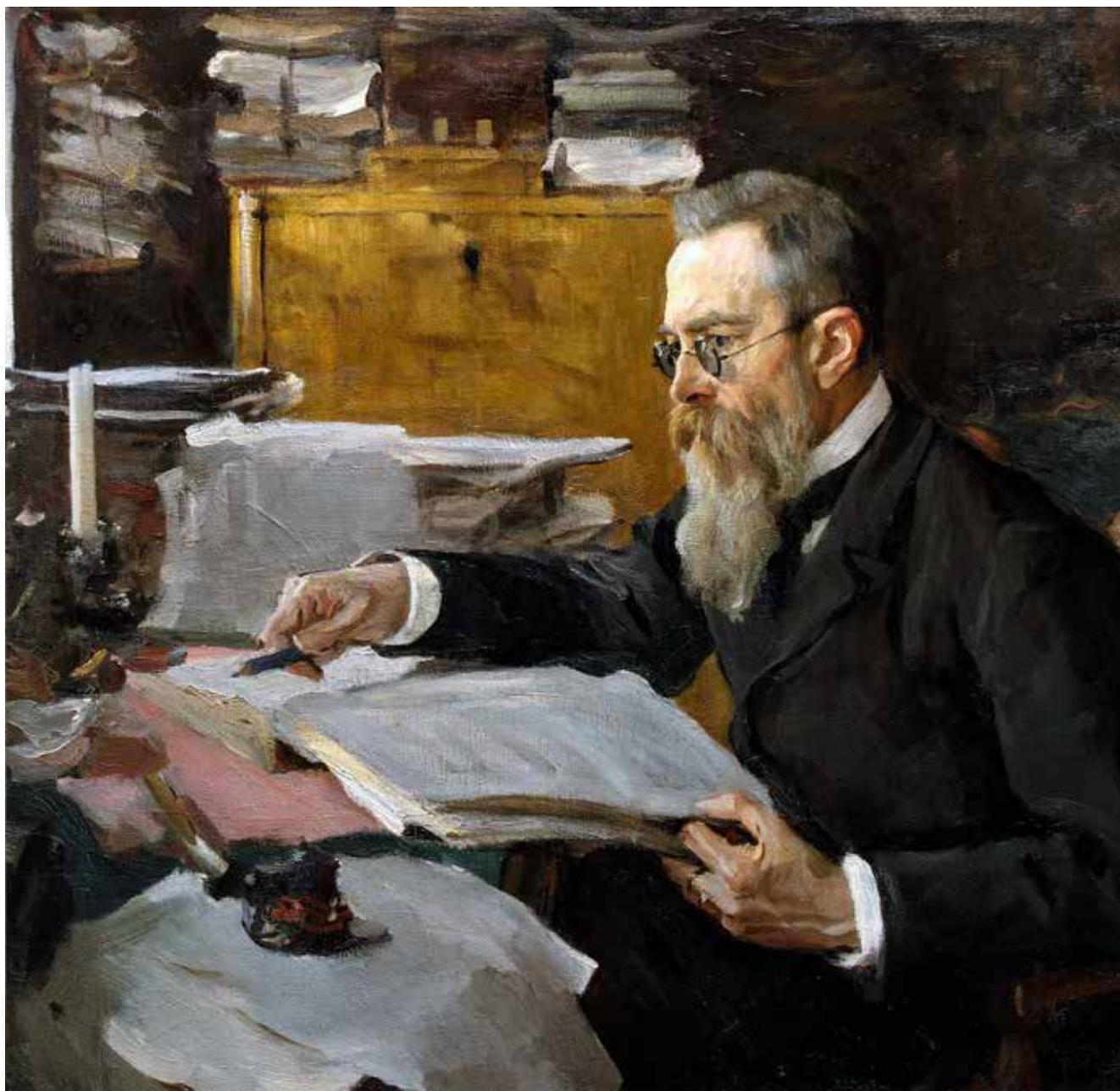
Близким, преданным другом последних лет жизни композитора была его любимая младшая сестра Людмила Ивановна Шестакова. Для ее маленькой дочки Оли Глинка сочинил некоторые свои фортепианные пьески.

Михаил Глинка умер 15 февраля 1857 года в Берлине. Его прах перевезли в Петербург и похоронили на кладбище Александровской лавры.

«КОМПОЗИТОР ВОЛЕЮ БОЖЬЕЙ...»

180 лет назад родился великий русский композитор,
один из участников знаменитой «Могучей кучки» Н. А. Римский-Корсаков

АНАСТАСИЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

Портрет Н. А. Римского-Корсакова кисти Валентина Серова. 1898

Лев Бакст. Эскизы декорации и одного из вариантов костюма индийского юноши для балета «Шехеразада». 1910

В парижском театре Гранд-опера 4 июня 1910 года состоялась премьера удивительного спектакля. То был, вероятно, первый случай в истории балета, когда звездами мировой величины были не только балерины и танцовщики, но и композитор, постановщик, режиссер и художники.

Балет «Шехеразада» на музыку Николая Римского-Корсакова был показан в Париже в рамках «Русских сезонов» Сергея Дягилева в постановке Михаила Фокина, декорации и костюмы были выполнены Львом Бакстом, занавес сделали по эскизам художника Валентина Серова, а главные роли исполняли Ида Рубинштейн, Вацлав Нежинский и Алексей Бугаков.

Любители балета, которым удалось попасть на этот спектакль, навсегда сохранили уверенность в том, что они ни до, ни после не видели ничего подобного. На сцене происходило

действие в таком буйстве красок и форм, в таком разнообразии танцев и в таком изяществе пластики, что зал просто замирал от восторга.

Балет «Шехеразада», с некоторыми вариациями в танцах и оформлении, был поставлен впоследствии множество раз: в Большом и Мариинском театрах в России, в лондонском театре «Ковент-Гарден», в нью-йоркском театре «Уинтер-гарден» и в семи театрах других стран. Александр Бенуа называл музыку Римского-Корсакова «волшебной», а композитор Александр Бородин считал композитора, с которым дружил и дружбой с которым гордился, «композитorem волею божьей».

Самое поразительное, что Римский-Корсаков музыку к балету не писал. На протяжении большей части своей жизни он был «симфонистом», то есть создателем разных произведений для симфонического

оркестра. Это вовсе не значит, что его творения были лишены яркой образности и не годились для сценического воплощения, – композитора больше привлекало сочинение музыки для большого симфонического оркестра, который, как он считал, обладает почти безграничными возможностями.

К созданию музыкальных произведений для театра Римский-Корсаков шел путем познания и творческих экспериментов.

«Шехеразаду» композитор задумал и сочинил как симфоническую сюиту под впечатлением от средневековых арабских и персидских сказок сборника «Тысяча и одна ночь» и посвятил ее музыкальному критику Владимиру Стасову, страстному поклоннику «восточного элемента» в русской музыке.

К партитуре «Шехеразады» композитор приложил составленную им самим программу: «Султан

Ида Рубинштейн в роли Шехеразады

Шахриар, убежденный в коварстве и неверности женщин, дал зарок казнить каждую из своих жен после первой ночи; но султанша Шехеразада спасла свою жизнь тем, что сумела занять его сказками, рассказывая их ему в продолжение 1001 ночи, так что, побуждаемый любопытством, Шахриар постоянно откладывал ее казнь и наконец совершенно оставил свое намерение. Много чудес рассказала ему Шехеразада, приводя стихи поэтов и слова песен, вплетая сказку в сказку и рассказ в рассказ».

Николай Андреевич Римский-Корсаков родился 6 (18) марта 1844 года в дворянской семье в Тихвине Новгородской губернии. Его отец Андрей Петрович Римский-Корсаков был крупным правительственным чиновником, а мать Софья Васильевна – дочерью крепостной крестьянки и богатого помещика. Тот дал дочери прекрасное образование, в том числе и музыкальное. Она часто играла дома на рояле, и у маленького Николая рано обнаружился интерес к музыке.

Однако, как все юноши, которые много читают и обладают романтической душой, он мечтал о путешествиях, и в 1856 году отец отдал Николая в Морской кадетский корпус. Казалось бы, судьба юноши predetermined, но прошло два года, и у Николая проявилось редкое по силе увлечение музыкой. Он познакомился с операми Россини и Доницетти, но особенно ему понравилась опера «Роберт-дьявол» Джакомо Мейербергера, а также произведения Михаила Ивановича Глинки – «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила».

После смерти отца в 1862 году семья Римских-Корсаковых переехала в Санкт-Петербург. В том же году Николай стал членом Балакиревского кружка, который позднее был переименован в «Могучую кучку». Помимо Милия

Балакирева и самого Римского-Корсакова в кружок входили композиторы Модест Мусоргский, Александр Бородин и Цезарь Кюи. Балакирев руководил работой коллег и помогал им с партитурами.

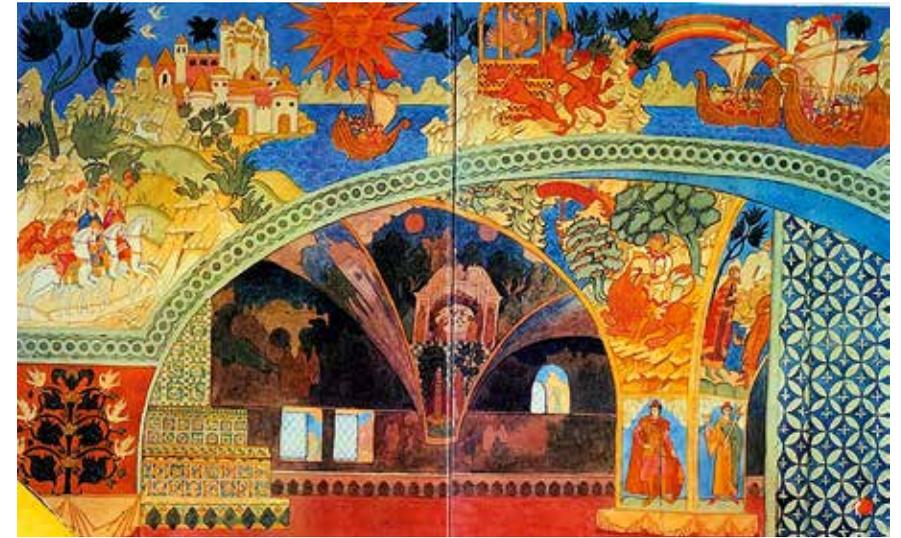
Весной 1862 года Николай с отличием окончил Морской корпус и был принят гардемаринном на морскую службу. В течение трех лет он служил на клипере «Алмаз», участвовал в походе Атлантической эскадры к берегам США, посетил Англию, Норвегию, Польшу, Францию, Италию, Испанию и Бразилию. Впечатления от путешествий и морских видов были композитором воплощены в различные произведения посредством оркестровых красок.

После путешествия Римский-Корсаков вернулся в Балакиревский кружок.

В 1860-годы композитор написал несколько монументальных симфонических произведений: Первую и Вторую симфонии, Увертюру на русские темы, «Сербскую фантазию», музыкальную картину «Садко». Со временем его опыт и мастерство в области композиции и оркестровок достигли огромных высот, он создал несколько опер на базе написанных им или существовавших в виде набросков симфонических произведений. Римский-Корсаков также завершил оркестровки Бородина после его смерти.

Что касается сюиты «Шехеразада», то она мало изменилась, когда Фокин решил поставить балет, используя сочинение Римского-Корсакова в качестве музыкальной основы: ведь восточный колорит, которым композитор наградил свое симфоническое произведение, используя восточные напевы и имитируя звучание восточных инструментов, был настолько красочным и будящим воображение, что танец естественным образом сливался с музыкой.

В опере «Садко» Римский-Корсаков, которого позднее

Иван Билибин. Эскиз декорации к первой картине оперы Римского-Корсакова «Садко». 1914

назовут «сказочником», вновь соприкоснулся с миром сказки; здесь он применил изобретенный им симметричный лад, так называемую гамму Римского-Корсакова, которую и в дальнейшем он применял для характеристики фантастического мира в своих музыкальных произведениях. Также впервые композитор попытался изобразить морскую стихию. В дальнейшем он это делал неоднократно, например в опере «Сказка о царе Салтане».

Судьба «Садко» была наиболее счастливой: три десятка лет спустя ее музыка была использована композитором в одноименной опере.

Премьера «Садко» состоялась на сцене Московской частной оперы С. И. Мамонтова в Рождество 1897 года и прошла с большим успехом. Автором декораций был Константин Коровин. Популярность оперы была приумножена исполнителями: в партии Волховы блистала Надежда Забела-Врубель, а Варяжского гостя пел Федор Шаляпин.

Со временем Забелу-Врубель стали называть «корсаковской певицей»: она исполняла главные партии в постановке таких шедевров Римского-Корсакова, как

«Псковитянка», «Майская ночь», «Снегурочка», «Моцарт и Сальери», «Царская невеста», «Вера Шелого», «Сказка о царе Салтане», «Кощей Бессмертный».

Вскоре после премьеры в Москве «Садко» появился на сценах Народного дома в Петербурге, театра Музыкальной драмы, а также Мариинского театра, где декорации для премьеры 1901 года создал Аполлинарий Васнецов.

В 1906 году опера впервые была поставлена на сцене Большого театра – и вновь с декорациями Коровина. Затем она ставилась здесь в 1914 году с декорациями Ивана Билибина, а в 1935-м – с декорациями Федора Федоровского.

Римский-Корсаков оставил обширное музыкальное наследие: 15 опер, ряд симфонических произведений (в том числе три симфонии), инструментальные концерты, кантаты, камерно-инструментальную, вокальную и духовную музыку.

Великий композитор скончался в усадьбе Любенск Санкт-Петербургской губернии на 65-м году жизни. Здесь он незадолго до смерти закончил оперу «Золотой петушок».

«СИЛЬФИДА», ИЛИ ДОЧЬ НЕБА

Возможно, эволюция ведет людей в балет

СЕРГЕЙ МАКИН

Дух воздуха Сильфида — Наталья Осипова. Большой театр

Фото: Дамир Юсупов

Балет — самое сложное из искусств и самое загадочное. Официальный год его рождения — 1581-й, когда во Франции состоялось представление «Цирцея. Комедийный балет королевы». А спустя всего 250 лет, в 1830–1840-х, появились такие шедевры, как «Сильфида» и «Жизель». Может, совершенная танцевальная техника была изначально присуща

человеку и долгое время просто находилась под спудом?

Существует точка зрения, что балет берет свое начало в глубинах древности. Этому мнению придерживается Валерий Ромм, стоящий у истоков научной дисциплины «Палеохореография». Он начинал как артист балета, затем занялся преподавательской и научной деятельностью, стал

доктором культурологии. Некоторые наскальные рисунки палеолита Ромм трактует как первобытный балет: ступни в 1-й балетной позиции, подскоки на пальцах. Кто мог преподавать пещерным людям столь высокое искусство?

Валерий Владимирович считает, что кроманьонцы получили балет в наследство от внеземной цивилизации. «И идея эта не столь

уж фантастична. По крайней мере, она может объяснить тот очевидный для профессионала факт, что идеал классического танца в условиях земного тяготения недостижим. Тянет нас Земля-матушка. А вот если притяжение меньше, можно и на пальцах спокойно стоять, и ноги вытягивать так, как нам и не снилось. Все наши эталоны красоты говорят нам о первоначальном совершенном неземном человеке», — считает Ромм.

Фантазия Алеши, одного из героев научно-фантастического романа Александра Казанцева «Планета бурь», рисует облик прекрасной инопланетянки: «Вытянутые в одну линию брови, миндалевидные огромные глаза, способные видеть в темноте, тонкий нос и нежные губы... Стройная, сильная, незнакомо прекрасная, она с тоской смотрела на тающий в воздухе след корабля. И, протянув к нему руки, она крикнула звонко и мелодично: — Эээлла!..»

Кто же мы? Автохтоны, аборигены Земли, или...

Две Сильфиды

Есть два балета «Сильфида». Первый — на музыку французского композитора Жана Шнейцхоффера, премьера которого прошла в Париже. Этот вариант поставил в 1832 году балетмейстер Филиппо Тальони. Заглавную партию блистательно исполнила дочь маэстро Мария. В первоначальном виде балет не сохранился, в наше время его воссоздал французский балетмейстер Пьер Лакотт.

Постановку второй «Сильфиды» на музыку норвежско-датского композитора Германа Левенскольда осуществил в 1836 году в Копенгагене балетмейстер Август Бурнонвиль. В ней засверкала другая великая балерина той эпохи — Люсиль Гран. Этот вариант дошел

до нас в первоизданном виде и стал классическим.

Две «Сильфиды», а сюжет один: дева воздуха полюбила молодого шотландца Джеймса. Тот уходит к ней от своей земной невесты Эффи, но небесная дева погибает из-за козней злой колдуньи Мэдж.

В сказках, легендах, мифах боги спускались с небес и сходились со смертными. Такой брак мог считаться для высших существ мезальянсом. Появлялось потомство, которое оставалось на Земле, но все же небесные родители покровительствовали своим детям и их потомкам. Как в римском мифе, где богиня любви и красоты Венера родила от пастуха (хоть и царского рода) Анхиса троянского героя Энея, предка основателей Рима — Ромула и Рема. Небесная мать помогла сыну и его потомкам.

В одном из интервью ученый-палеонтолог и писатель-фантаст Иван Ефремов высказал идею «браков» космических цивилизаций, при которых уровень биологического вида должен повышаться: «Но вот вопрос: не исчерпает ли человечество когда-нибудь свой генофонд? Сама природа неустанно заботится о воспроизводстве полноценных видов. Каким образом? Двуполом размножением, причем с постоянным притоком свежих генов откуда-то извне... Представьте себе, что человечество начнет со временем расселяться, и усталые гены сынов Земли будут омолаживаться, смешиваясь с генами обитателей планетных систем Сириуса, Веги, альфы Центавра. Значит, опять скачок в развитии, опять поступательное движение, опять сотни миллионов лет существования, при котором понятие “вырождение” будет неведомо разумным существам» («Великое кольцо будущего»).

Фантазия? Да уж лучше такая, чем космическая «война до победного

конца». Если вдуматься, серия фильмов Джорджа Лукаса — своего рода манифест о войне.

Символично, что в «Туманности Андромеды» Ефремова один из героев влюбляется в девушку с планеты звезды эпсилон Тукана. И мы помним также пронзительный финал фантастического романа Алексея Толстого:

«Лось напряг слух. Словно тихая молния, пронзил его сердце далекий голос, повторявший печально на неземном языке:

— Где ты, где ты, где ты, Сын Неба?..

Голос Аэлиты, любви, вечности, голос тоски, летит по всей вселенной, зовя, призывая, клича, — где ты, где ты, любовь...»

Поступь богини

В православии считается, что лучший музыкальный инструмент — человеческий голос. Можно пойти дальше: главный инструмент человека — его тело. Балет — сверхчеловеческое искусство, оттого и такое трудное. Балерину узнают по осанке, по походке. Еще в античную эпоху было сказано: *Et vera incessu patuit dea* — «В поступи явно сказались богиня».

Руки балерины в классическом балете пусты, исключения редки: к примеру, Раймонда исполняет танец с шарфом. Но она феодальная дама и повязывает его на руку рыцаря. А шарф Сильфиды в одноименном балете привязывает ее к земному, насквозь материалистичному миру — и губит деву воздуха. Идеальное платье балерины — пачка, похожая на облако или... спиральную галактику.

Говорят, инопланетяне поделились с людьми высокими технологиями. Но разве им больше нечем делиться? Почему бы им не учить людей своим искусствам? Может, в незапамятные времена

Фанни Эльслер, ведущая балерина парижской Оперы с 1834 по 1840 год

представители космической цивилизации учили землян основам балета?

Дух легкости

В балете порой танцевали с холодным и огнестрельным оружием (конечно, ненастоящим). Это отражено в мемуарах Мариуса Петипа, заставляющих усомниться в том, что только в советское время власть вмешивалась в дела искусства. В 1850 году Петипа участвовал в постановке балета Жюль Перро «Катарина, дочь разбойника». В главной роли должна была выступать великая австрийская балерина Фанни Эльслер – «очаровательная, восхитительная, невероятная, без малого невозможная», как восторженно писала графиня-поэтесса Евдокия Ростопчина.

Когда готовили большое па с ружьем, прибыл император Николай I.

«Мы начали репетировать, – вспоминал Мариус Петипа, – но государь прервал нас: “Вы неправильно держите ружье, – сказал он танцовщицам, – сейчас я покажу вам, как с ним надо обращаться”. Тотчас же Фанни Эльслер и все корифейки выстраиваются перед ним, чтобы лучше видеть и усвоить ружейные приемы. Государь показал им, как делать “на караул” и стойку по команде “вольно”. После этого Фанни Эльслер и все танцовщицы сделали ему глубокий реверанс. Тогда император сказал Фанни Эльслер: “А теперь подойдите ко мне поближе и делайте все то, что буду делать я”. Фанни Эльслер становится рядом с его величеством, и ей, к счастью, удается в точности повторить все ружейные приемы».

В XIX веке будущих танцоров обучали фехтованию. Потом его исключили из программы: фехтование даже на легких рапирах мешало чисто выполнять все более

усложнявшийся танец, требовавший полетности. Это отразило эволюцию человеческих движений. В течение тысячелетий главными физическими упражнениями у людей были воинские. Другие считались недостойными человека из высшего общества. Имре Кальман показал это в «Принцессе цирка», где аристократы с презрением относятся к воздушному гимнасту мистеру Икс.

И вдруг за какие-то полтора века расцвели гимнастика на спортивных снарядах, фигурное катание, синхронное плавание, спортивное скалолазание. На смену упражнениям, придавливающим человека к земле, приходили те, где он преодолевал гравитацию. Неуклюжий человек-медведь превращался в изящного человека-лебедя. Особенно ярко это проявилось в балете: женская рука обнимала облако, мужчина поднимал в воздух подругу.

Классический балет – послание человечеству: «Уходите от порочных привычек, насилия, милитаризма. Мастерски владейте телом, а не оружием». С ружьем можно исполнить аргентинское танго, русскую барыню, американский гоу-гоу, балетный танец-модерн, а па-де-де – нельзя. Классический танец отказался от оружия и этим дал человечеству урок. Но урок не впрок: люди помешались на войнах, стрельбе, драках, большинство предпочитает смотреть боевики и бокс, а не балет. Давайте танцевать, а не воевать!

В «Аэлите» говорится: «Заставь птицу, поющую в нежном восторге, закрыв глаза, в горячем луче солнца, понять хоть краешек мудрости человеческой, – и птица упадет мертвая». Классический танец – мировоззрение, позволяющее воспарять телом и духом. Александр Блок сказал: «В танцах не только прелесть, но и мудрость. Танцы важнее философии. Следовало бы каждый день танцевать... Я не танцую,

Балетный дивертисмент «Ла-де-катр». Гравюра, 1845. В центре, с поднятыми вверх руками, – Мария Тальони, первая исполнительница партии Сильфиды. Справа от нее – Люсьиль Гран

к сожалению. Мною всегда владел дух тяжести. А для танцев надо быть легким. Надо, чтобы душа была легкая. И чувства. И мысли...»

Дух легкости и олицетворяет Сильфида.

Балетный класс начинается с приседаний – *plie* (плие) и заканчивается прыжками, выражая постепенный отрыв от земли. Руки нередко подняты вверх: это поразительно похоже на античную молитвенную позу, известную по древнегреческой статуе «Молящийся мальчик». Еще древние эллины молились стоя, подняв руки

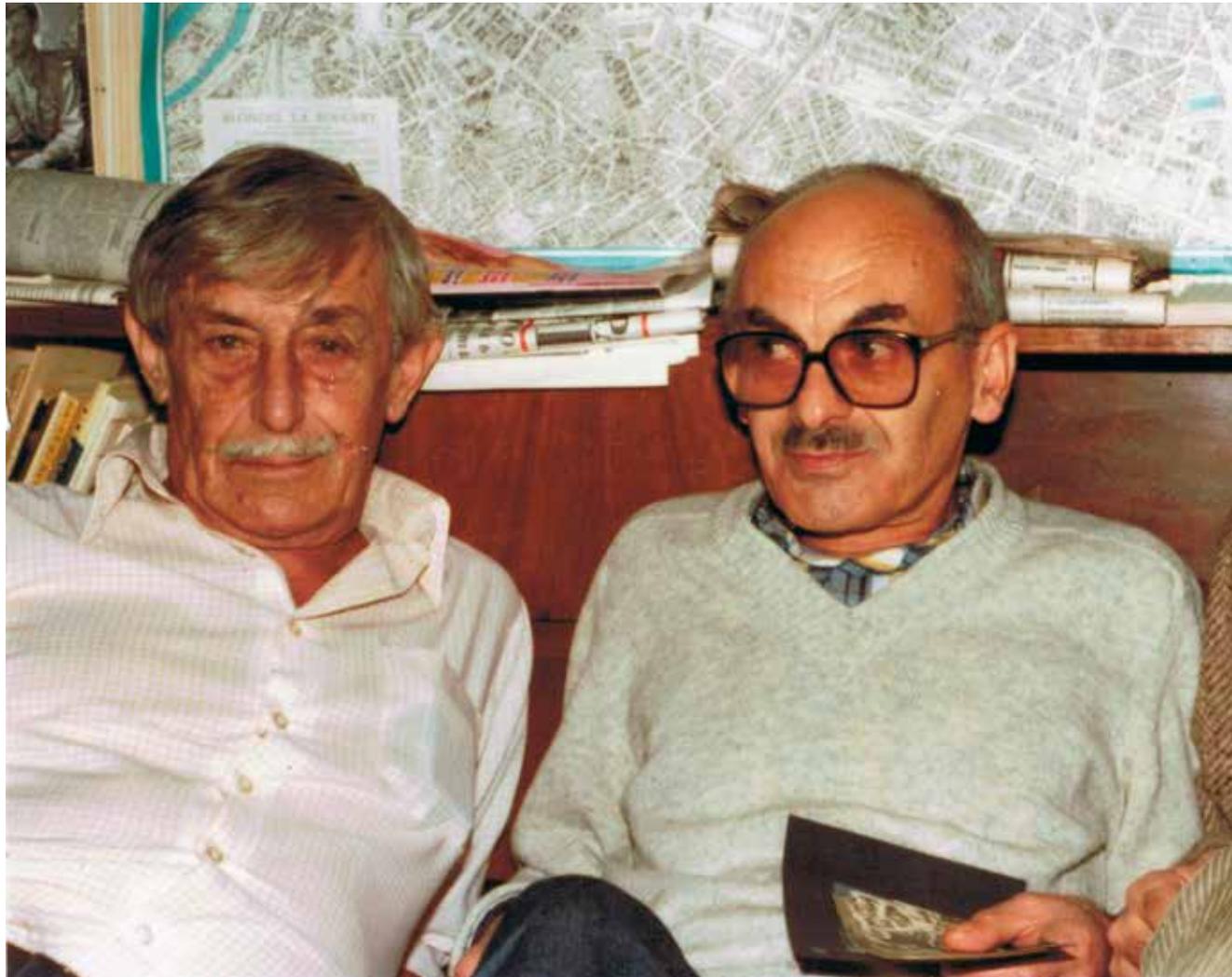
к небу. Такую молитвенную позу унаследовал один из древнейших образов Богородицы: *Oranta* (в переводе с латинского – «молящаяся»). На картине Рафаэля Санти «Преображение» подняты и руки Христа. Аналогичная поза у Марии Тальони на гравюре 1845 года.

Человек должен преобразиться, и важную роль в этом должен сыграть балет. В сущности, балет – религия, призванная спасти если не все человечество, то обладателей светлых легких небесных душ. Ибо «много званых, но мало избранных».

СОРОКОВЫЕ-РОКОВЫЕ...

2024-й литературный год ознаменован столетием со дня рождения «поколения лейтенантов»

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Булат Окуджава в кабинете Виктора Некрасова, Ванв, 22 ноября 1981 года

Июнь останется навсегда в нашем национальном коде как месяц, когда началась самая страшная из войн в истории человечества. Все меньше сегодня ее участников, но боль за пережитое тогда нашим народом ничуть в нас не утихает. Мы помнили, помним и будем помнить о подвиге наших отцов и дедов – это ли не главное?

И память наша русская – не только каждодневная, обыденная, бытовая, но и литературная. Тем более что 2024-й литературный год ознаменован столетием со дня рождения «поколения лейтенантов». Тех, которые пришли на свет в 1924 году и прямо со школьного выпускного бала отправились на фронт: «Мальчишки, мальчишки, вы первыми

приняли бой. Мальчишки, мальчишки, страну заслонили собой...»

Всех этих вчерашних мальчишек «сорокового-рокового» поколения-24, выживших в окопах и атаках и ставших после Победы прекрасными писателями, и не перечислить: Борис Васильев, Василь Быков, Николай Старшинов, Юрий Бондарев, Виктор Урин...

И некоторых из них мне посчастливилось знать в бытность мою в Париже в качестве корреспондента «Литературной газеты». Расскажу о Булате Окуджаве и Викторе Астафьеве, с которыми довелось встретиться. Их столетие мы сейчас отмечаем тоже.

... Хрупкий, казалось бы невесомый, Булат Шалвович Окуджава идет, чуть сутулясь, весной 1986 года по перрону вокзала Аустерлиц. Шумит разноцветная толпа, но Окуджава все равно выделяется в ней, заметен сразу. Как будто бы вокруг него образовался вакуум. Откуда такой эффект? Не знаю... Может, из-за того, что во всем силуэте Окуджавы, в посадке головы, в остроте вздернутых плеч ощущается его подчеркнутая независимость?..

Булат Шалвович выступал перед читателями в Мадриде и вот проездом – в Париж. Я предлагаю Окуджаве, с которым когда-то работала над «Путешествием дилетантов» в издательстве «Советский писатель» моя теща и старшего сына которого – Игоря – я знал в студенческие годы, остановиться в корпункте «Литературки». Он отказывается:

– Спасибо. Но Вика Некрасов* уже заказал мне маленькую гостиницу где-то недалеко от себя... Впрочем, если у вас есть время, давайте съездим на площадь к Опера. Там, помнится, угощают хорошим кофе.

Знаю я это кафе... Приезжаем и поднимаемся на второй этаж заведения. Занимаем столик у окна. Окуджава заказывает стандартный эспрессо, круассан и с наслаждением любит прекрасной площадью. Показывает на людей, как обычно толпящихся на монументальной лестнице перед величественным дворцом Опера Гарнье:

– Так я в Опера и не попал... Несколько лет назад, когда выступал в Париже, ко мне подошла в зале женщина. Русская француженка. Элен Мартини, хозяйка «Распутина» и «Фоли-Бержер»... Меня удивило, что она знала мои песни. Интересный человек... Она по-настоящему болела русской поэзией, литературой...

Как же! Элен Мартини – хрестоматийная фигура парижской ночной жизни. Российская эмигрантка, владелица внушительного созвездия – полтора десятка заведений – кабаре, ресторанов, настоящих театров... От таких культовых залов, как «Фоли-Бержер», где выступали известнейшие артисты, выдающиеся авторы-исполнители, до откровенных лупанариев под вывеской шоу-бизнеса. Практичная и прижимистая, как еврейский ростовщик, мадам Мартини держала своих исполнителей в черном теле и на суровом пайке. И при этом скарденность сочеталась у нее с периодическими широкими жестами. Она могла отправить оглушенного аплодисментами молодого артиста под утро домой на роллс-ройсе в день его дебюта в кабаре «Распутин». Могла взять и пригласить на премьеру спектакля в «Фоли-Бержер», посадив бесплатно на лучшие места, два-три десятка представителей зарубежной печати в Париже (на одном из таких мероприятий мы с ней и познакомились).

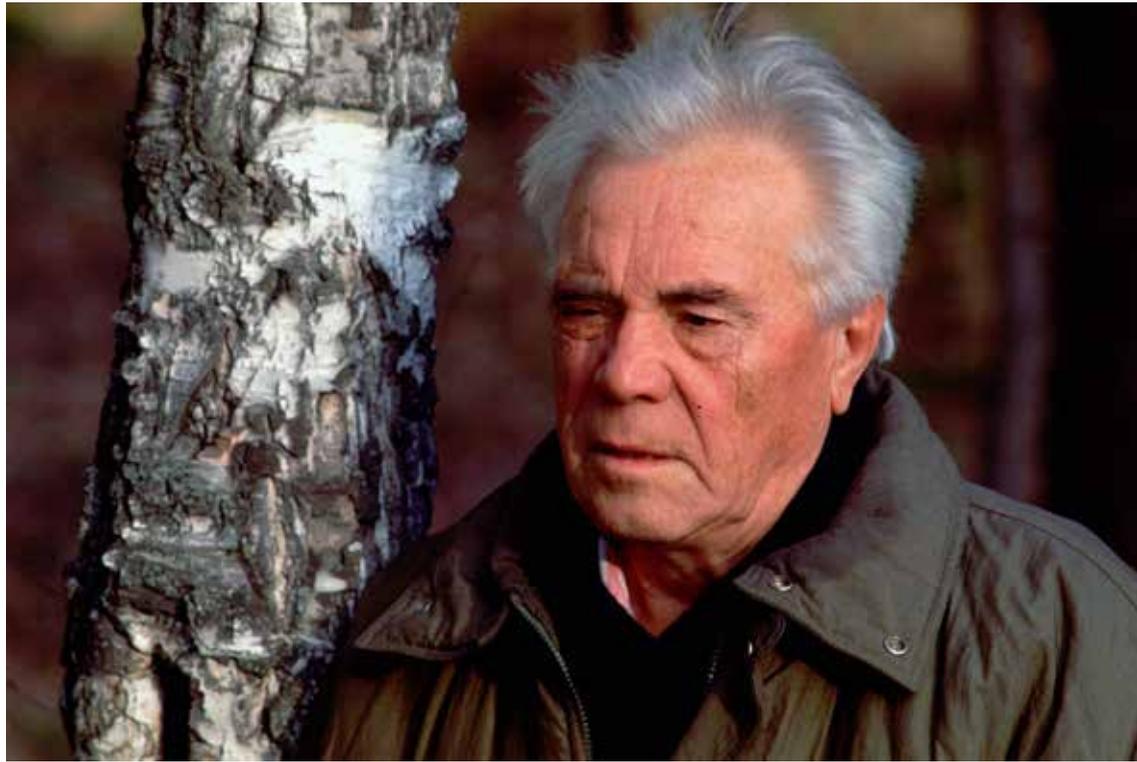
С Булатом Окуджавой мадам объединяла неназойливая дружба. Мне кажется, что Елене Афанасьевне нравилась холодная интеллигентность Окуджавы, непохожесть его на окружавших ее в Париже людей. Благодаря поэтическому певцу Арбата она, никогда не возвращавшаяся в СССР, открывала для себя

незнакомый ей целый мир. Куда там мир – вселенную!

– Мартини пригласила меня на гала-спектакль в Гранд-опера, – вспоминал Булат Шалвович, глядя в окно на немыслимое каменное барокко Опера Гарнье. – Но Элен сразу предупредила: надо явиться на такой суаре непременно в костюме. А я его сроду не носил, да и в Париж прилетел в свитере и старом пиджачишке. Так ей и признался... Но Элен взяла меня за руку и отвела в магазин, где выбрала мне обновку. Делать нечего: вечером я, в подаренном наряде, вышел таким франтом из жерла метро перед Опера и решил немного постоять, покурить. Один за другим к долгой лестнице дворца подъезжали дорожные автомобили, из которых вылезали господа в смокингах и дамы в декольте и соболях. Где – они, а где – я? Мне стало жутко не по себе, у меня и галстука-то никогда не было... Я никуда не пошел. Так в Опера – увы! – и не побывал.

Мы приехали в корпункт «ЛГ». Сообразили перекусить. От французского вина Окуджава решительно отказался, попросил «крепкой водки». Эта формулировка меня, признаюсь, удивила, но позднее друзья мне объяснят, что после неприятностей со здоровьем водка осталась единственным по-настоящему достойным напитком, пить который ему разрешили врачи. («Никогда не предлагайте вина, говорите сразу: водка или коньяк? Особенно, когда речь идет о даме», – пошутил Окуджава). Я не сдержался и спросил старшего коллегу (Окуджава немало лет работал в «Литературке», руководил отделом поэзии), как он начал сочинять стихи под гитару. И услышал забавную историю:

* Виктор Платонович Некрасов – русский писатель, драматург, журналист. Фронтовик. Автор повести «В окопах Сталинграда», одной из первых книг о войне. С 1974 года проживал во Франции.

Виктор Астафьев

– Вопреки расхожему мнению, я научился играть на гитаре вовсе не в арбатском дворе. Перед войной и после войны брэнчать на гитаре в подъезде или в дворовой беседке было не принято. Дело в том, что в первый раз я женился очень молодым, стеснительным. Когда к нам с Галей приезжал ее отец, он нередко брал мандолину и играл на ней русские народные песни: «Све-е-етит месяц, све-е-етит ясный...» Тестю хотелось, чтобы ему кто-то подыгрывал, и он обратил взор на меня. Делать нечего! Вот я и взял в руки семиструнку, на которой до сих пор знаю всего несколько аккордов... А стихи я писал всегда. Сами собой они превратились в песни...

Когда стемнело за Окуджавой заехали его парижские друзья. Кажется, вместе с Некрасовым был Анатолий Гладилин, с которым мы в Москве когда-то жили в одном «писательском» доме на проспекте Вернадского, в соседних

подъездах... Окуджава ушел, держа в руке свою дорожную сумку, больше похожую на котомку странника. Я и гадать не мог, что следующий раз мы с ним увидимся через несколько лет прямо накануне его смерти в Париже.

... А вот пред глазами предстает Виктор Петрович Астафьев.

Мы прибыли с Астафьевым на муниципальное кладбище под Парижем и после пыльного города сразу окунулись в золотую осень. Выбрали каждый по приглянувшемуся цветочному горшку (срезанные цветы класть на могилы в Сент-Женевьев-де-Буа запрещено). Писатель, приехавший из Москвы, – с хризантемами, я – с верониками. Так и пошли на погост, большая часть которого – так исторически получилось – занята русскими. Кладбище стояло в туманной октябрьской неге. Суббота: церковь закрыта, людей почти не видно... Мы шли по аллейке и, чем дальше уходили вглубь, тем

тревожнее и напряженнее становился старый Писатель. Я чувствовал это настроение, но поначалу отнес его на счет возраста. Подумал: Писатель как человек, стоящий по годам гораздо ближе к последнему берегу жизненной реки, чем к первому, невольно настраивается на кладбище на скорбно-

философский лад. Но показалась могила Бунина, Писатель бросился к ней, как жаждущий к роднику, и я понял, что ошибался.

– Вот ты где спишь, Иван Алексеевич... Вот оно как получается... – Писатель застыл у маленькой серой могилки. Замолчал. Мне показалось, что ему хочется остаться одному, и я отошел в сторону. – Да-да, иди! – Благодарно кивнул Писатель. – А я здесь останусь.

На углу аллеи я обернулся и увидел, как Писатель стоял, крепко сцепившись руками в гранитное ребро креста, и, казалось, пребывал в оцепенении. Первым моим стремлением было броситься на помощь. Словно четырехколенный, с мальтийским силуэтом крест на могиле Бунина мог, будто статуя Командора, затащить Астафьева в царство теней. Но потом до меня дошло: напротив – Писатель черпал силу в шероховатом камне, теплом от ленивого осеннего солнца. Всю свою жизнь он

шел на встречу с Буниным, и вот она состоялась.

Белесые, желтые, красные листья падали на присыпанные кирпичом дорожки, на тесные ряды надгробных плит. Просеменил мимо отец Силуан – ангельская душа, кладбищенский священник-эмигрант. Прошумела стайка мальчишек-французов, собирающих грибы, которые обильно растут на русских могилах...

Когда я вернулся, Писатель стоял все в той же позе, прикрыв глаза. Лишь шевелились губы. Услыхал мои шаги и очнулся:

– Нет ли случайно бумажки? Клочка какого-нибудь?

У меня оказался в кармане блокнотный листок. Писатель взял его и начал перерисовывать могилу Бунина. Шариковая ручка дрожала, рисунок получался весьма приблизительный, но основные контуры выходили верными.

– Э-э-э, позор какой! Надо было мне, старому дураку, прихватить из дома хоть горсть земли, хоть веточку какую-нибудь, чтобы на могиле оставить... Дома будут спрашивать, как там Иван Алексеевич. – Писатель надвинул колпачок на ученическую ручку и опять погрузился в молчание. Мы постояли в тишине, изредка прерываемой клаксонами недалеких автомобилей, и Писатель принялся прощаться:

– Спи спокойно, Иван Алексеевич! Прощай, русская душа.

Он перекрестился, преклонил колено здоровой ноги и прикоснулся губами к камням гранитной окантовки:

– Прощай, дорогой наш человек!.. Прости – за свои страдания и за наши!

Астафьев прилетел в Париж по приглашению издательства «Альбен Мишель», где его переводчиками были Люся и Жан Катала, мои хорошие друзья. Получилась добрая зацепка, чтобы поближе познакомиться

с сибирским классиком. И контакт между нами возник моментально... Из Сент-Женевьев-де-Буа мы поехали в корпункт «Литературки». Я не мог, не имел права оставить Астафьева одного в этот день. Это был, сдаётся мне, сороковой день после смерти его дочери. Ирина умерла при странных обстоятельствах: официальная версия – скоропостижная ишемическая болезнь, однако со слов Виктора Петровича все больше смахивало на самоубийство.

Так или иначе, Астафьев заметно чувствовал себя не в своей тарелке. Потом он признается мне, что подавленное состояние преследовало его все последние дни. О многом в судьбе Писателя я узнаю потом, гораздо позже – о его детском сиротстве, о потерях близких, о трудной «любви навек» с женой Марией и о детях, родившихся у него от параллельных, подпольных романов... А тогда я ощущал только его пронзительное одиночество в нашем мире. В том самом, о котором он скажет в завещании: «Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощание».

Пили мы сначала, не чокаясь, поминали безвременно ушедшую дочь Виктора Петровича. Потом много и долго говорили, запивая это всем найденным в доме спиртным подряд. «Старый солдатик» – так называл себя Астафьев – рассказывал о внуке-сироте Витьке, которого он воспитывал («Пока наша страна такая, она погибнуть детям не даст, даже если нас не будет»), о домашних тапочках, которые трогательно купил в Париже жене, о войне, которой был отмечен навсегда и которую ненавидел («Тот, кто врет о войне прошлой, приближает войну будущую»)... Он поведал, что заканчивал книгу о войне. О такой войне, которая

вовсе не была героической и высокопарной Отечественной, как гласят политики и придворные историки. О войне, горечь которой он испил до дна и которую проклял. В девяностые годы я узнаю, что это был роман «Прокляты и убиты», Астафьев не успел его закончить.

Виктор Петрович должен был подписывать свои книги в «Глобусе», магазине советской книги. Мы приехали туда, на улицу де Бюси, и ужаснулись: кроме нас, никого не было у прилавков. К сожалению, такое случается: подписание книги – это страшное испытание для автора, не принадлежащего к сонму избранных, раскрученных. А для французов фамилия Астафьева ничего не говорила, кроме ее русских корней. Представляю, что бы происходило, если бы Виктор Петрович раздавал автографы в книжном магазине в Москве, Ленинграде или Красноярске... А в Париже – тишина и покой.

Что ж, ничего не поделаешь!.. Мы подождали для приличия и сообрались уходить вместе с Астафьевым, как к нему приблизилась француженка из числа тех чудиков, которых порой называют «городскими сумасшедшими». Она не купила французского издания книги Астафьева о мальчике, выжившем в тайге. Она не приобрела книг Писателя, изданных в СССР, не попыталась узнать у Виктора Петровича о его творчестве, планах на будущее... Она только мельком спросила, шаря блеклыми, близорукими глазами по корешкам стоящих на стеллажах книг:

– А вы не пишете сказок для детей? Мне очень нравятся русские сказки...

Виктор Петрович вскинул голову. Зажмурился единственным здоровым глазом, как будто бы ему нанесли пощечину. И отрезал:

– У нас вся жизнь – как сказка. Только все более и более грустная.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

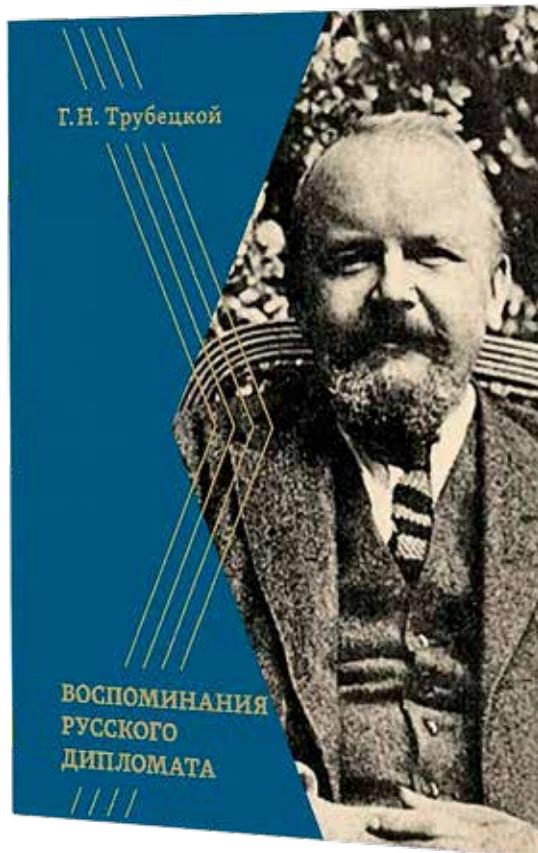
КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье
(продолжение, начало в № 159/01–02 и 160/03–04)

ЕВГЕНИЙ ЕФРЕМОВ

Нужно сказать, что Мария Константиновна имела опыт организации помощи раненым: у себя в имении Васильевское она устроила лазарет для легкораненных солдат, которых набиралось до 50 человек (потом прибавился приют для детей, которые в беженстве потеряли родителей). За короткий срок после своего обращения княгиня Трубецкая собрала 14 987 рублей 76 копеек. Кроме того, ею была получена часть сборов от Сербских дней, которые прошли 11–12 января 1915 года в Москве. Московская городская дума передала 50 тысяч рублей. Все эти пожертвования позволили в короткий срок сформировать санитарный отряд на две сотни кроватей и 35 человек персонала: с 4 врачами, а также сестрами и санитарями. Отряд был прекрасно оснащен, у него даже имелся рентгеновский кабинет.

Его прибытие в Ниш состоялось 25 января 1915 года, в разгар эпидемии тифа в стране. Он получил название «Московского», им руководил хирург С. И. Сиротин. Сербское правительство предоставило для лазарета, который

в случае необходимости мог принять до 250 раненых, большое здание сербской королевской гимназии. Несмотря на принятые меры, только в Нише, по данным Трубецкого, за первые четыре месяца эпидемии умерло 35 тыс. человек, причем из них больше трети приходится на пленных, которые,

по словам дипломата, пользовались полной свободой. Практически сразу из состава Московского госпиталя был выделен эпидемиологический отряд Надежды Марцинкевич. Сербское правительство предложило для госпиталя пять бараков за городом. Один был приспособлен под амбулаторию, аптеку и кухню, два больших барака – для стационара по 50 коек в каждом, два маленьких – для медицинского и обслуживающего персонала. Во всей Сербии было 445 врачей, включая стариков и недоучившихся лекарей, многие из которых заболели и умирали при исполнении своего долга. «Без помощи извне Сербия очутится в критическом положении», – сообщал русский посланник 26 января в МИД¹.

Координирующую роль в распределении помощи российской общественности оказывал наш МИД через созданный Трубецким примерно в начале февраля Комитет помощи Сербии и Черногории при российской миссии. Его возглавила княгиня Трубецкая. В комитет вошли епископ Нишский Досифей, супруга сербского

преьера Джорджина Пашич, секретарь миссии В. Н. Штрандтман, советник миссии Б. П. Пелехин; хозяйственной частью ведал подполковник Новиков, медицинской – приват-доцент С. К. Софотеров. Для планирования и распределения расходов в Русско-Азиатском банке в Петрограде был открыт счет Комитета, на который поступали средства на его деятельность. Часть средств, по просьбе Трубецкого, хранилась в Сербской королевской миссии в Петрограде. Комитет имел целью объединить и ввести стройную планомерность в деятельность всех русских санитарных и благотворительных учреждений, работающих в Сербии, а также оказать посильную помощь черногорцам. По мере накопления средств и ознакомления с положением вещей на местах, работа Комитета развешивалась все шире. Надо сказать, что, судя по воспоминаниям сербского королевича Георгия, основная помощь пришла от англичан и французов, но мы развернули свою гуманитарную деятельность первыми.

«Почти одновременно с образованием этого Комитета, чрез который из России чрез Дунайскую флотилию под управлением адмирала [М.М.] Веселкина стали поступать санитарные материалы, белье, медикаменты не только вагонами, а целыми пароходами (я получил в октябре 1915 г. вторую партию медицинского материала в количестве 15 вагонов), в Нише образовался Международный санитарный отдел, и стали прибывать иностранные санитарные организации, русский госпиталь на 400 заразных больных под управлением пр[иват]-доц[ента] Н.[С.] Спаского, отряд русских врачей, затем

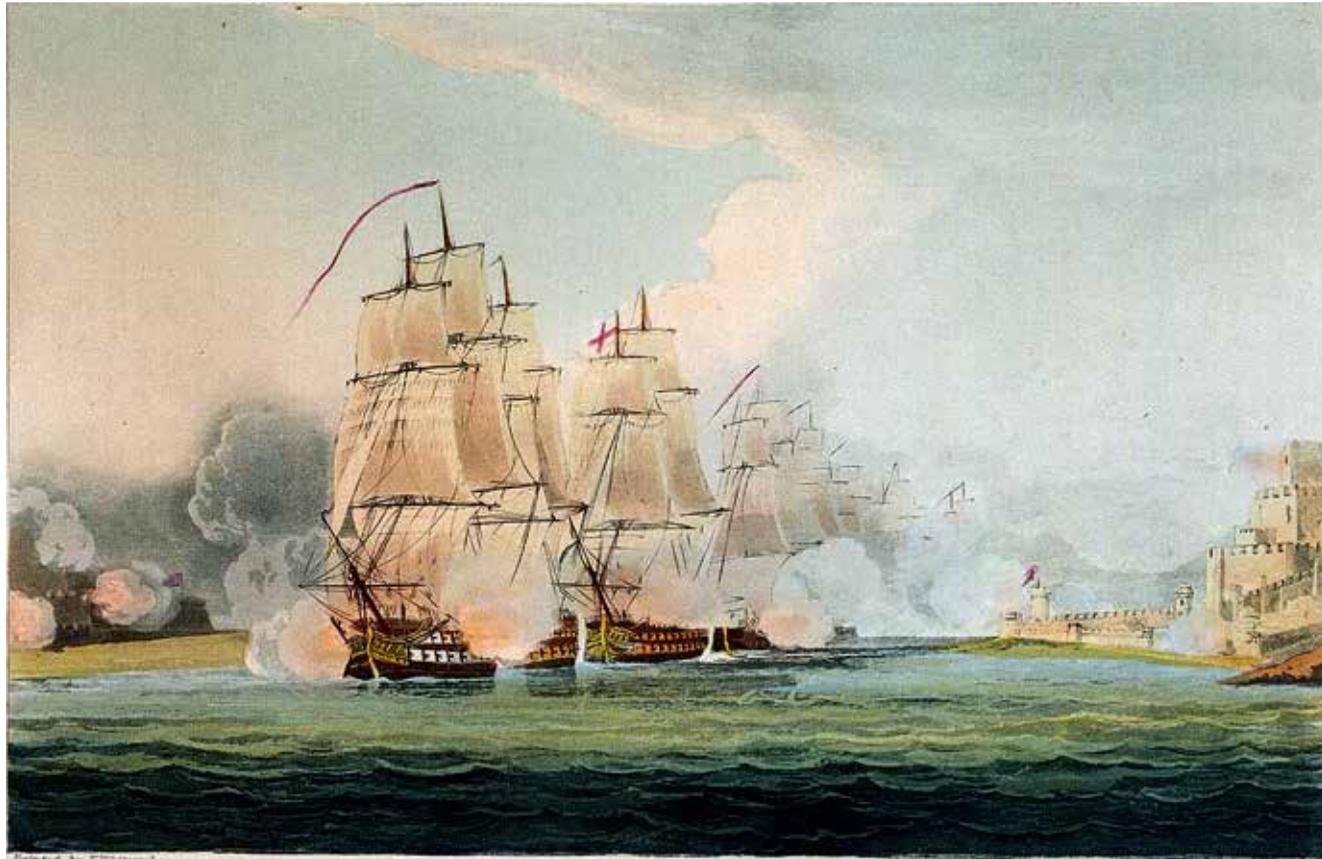
отряды французский, английский и американский»².

Русские медики пытались координировать усилия на этом гуманитарном фронте, для чего

на объединенные совещания приглашались главные врачи всех медицинских учреждений, представители сербских властей. Г. Н. Трубецкой предложил

¹ Каширин В. Б. Неотвращенная катастрофа союзника. Борьба на Балканском фронте в 1914–1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской Верховной Команде. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. III. М.: Модест Колеров, 2006. С. 204.

² Письмо доктора С. К. Софотерова по поводу деятельности русских медицинских служб в Сербии во время Балканских войн и Первой мировой войны, 26 декабря 1925 г. // Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг. / Сост. А. Ю. Тимофеев, Д. Кремич. М.: Вече, 2014. С. 254.

Томас Уйткомб. «Эскадра под командованием сэра Дж. Т. Дакворта форсирует пролив Дарданеллы». 1807

и добился назначения приват-доцента С. К. Софотерова начальником санитарной организации г. Ниша и консультантом всех русских отрядов в Сербии. Больных было очень много, мест в больницах не хватало. Тогда было решено открыть бесплатный амбулаторный прием. Г. Н. Трубецкой свидетельствует о том, что такой способ медицинской помощи был внове для Сербии. Ежедневно приходили люди из окрестных деревень за советом и лекарством. Только Н. В. Марцинкевич принимала ежедневно до 100 человек.

Один из ведущих врачей амбулатории Русского общества Красного Креста, доктор А. А. Солонский, воспроизводя по памяти картины того времени, писал: «Вблизи

амбулатории создан целый беженский лагерь на территории трамвайного парка. Здесь беженцы помещались как могли: одни под крышей трамвайных сараев, другие в палатках, а некоторые просто под открытым небом. Тут можно было найти офицеров, генералов, простых солдат, врачей, бывших судей, инженеров; женщины, дети, подростки, потерявшие своих родителей, – все было перемешано. По темпу жизни и обстановке это помещение получило название «Дома чудес». В амбулатории лечились, получали свидетельства и пособия. Склад Красного Креста выдавал продукты питания и бесплатные чаи»³.

Не ограничиваясь лечением больных, Комитет счел своим долгом содействовать широкой

и решительной борьбе с эпидемией. Г. Н. Трубецкой поручил С. К. Софотеру разработать план мероприятий для улучшения санитарного состояния Ниша и его окрестностей (приблизительно 60 км), который был представлен 8 февраля 1915 года для обсуждения правительству Сербии. Было решено разделить город на четыре участка, поручив каждый надзору особого врача с помощником. Каждый из них обладал соответствующими полномочиями и был усилен бригадой дезинфекторов с дезинфекционными аппаратами.

По соглашению с сербским правительством в Нише был создан особый городской Совет из пяти лиц, куда вошли представители военных и гражданских властей,

епископ Нишский Досифей, председатель городской общины и приват-доцент С. К. Софотеров. Совет был наделен обширными полномочиями и в его функции входил надзор за проведением санитарных мероприятий в рамках намеченного плана. Этот Совет находился в тесной связи с Комитетом при миссии, ведающим всеми русскими учреждениями. На санитарную организацию города российский посланник предполагал выделить 20 тысяч рублей.

Российскому медицинскому персоналу приходилось работать в тяжелых условиях. Поэтому Трубецкой по совету Софотерова 16 февраля обратился в ГУ РОКК с просьбой застраховать персонал Московского санитарного отряда и членов другого небольшого отряда, доставленного в начале войны супругой покойного посланника А. П. Гартвигом. 26 марта ГУ РОКК проинформировал Отдел Ближнего Востока МИДа, что для служащих этих отрядов установлено обеспечение на случай смерти в размере 20-кратного месячного содержания. Затем эти условия были распространены на все отряды русского Красного Креста, а также и на личный состав лазаретов Славянского благотворительного общества.

«Для материальной помощи населению средства стекались из России со всех сторон, посылали решительно все, кто что мог: одежду, белье, даже детские игрушки, книги, врачебные инструменты, – стекались в Комитет в огромном количестве. Был устроен специальный склад, вмещавший к концу года более 50 вагонов разного имущества. Особенно богато был обставлен медико-санитарный отдел, и русская центральная

аптека широко раздавала населению все медикаменты, которые врачи прописывали. На долю санитарной организации Ниша, во главе которой я имел честь быть почти год, выпала почетная роль быть первым инициатором по проведению в сербскую жизнь чисто русского принципа санитарной организации, именно принципа медицинской помощи населению земско-участкового.

Дело так хорошо привилось, так отвечало местным потребностям и самому складу народной жизни, что приходится только жалеть, почему этот принцип совершенно игнорируется в настоящее время. В городе с 4 участками врачебной помощи врач не только лечил и дезинфицировал, но и выдавал карточки на бесплатный обед и ужин всем нуждающимся. Как только в базарный день устанавливалась та или другая болезнь у приехавших в город крестьян, специально разъездной врач отправлялся в село и на месте боролся с источником заразы, оставляя после себя или фельдшера, или сестру. Вокруг Ниша было таким образом объезжено нашими врачами 125 сел по радиусу до 80 километров. О деятельности врачей, приехавших в села с медикаментами и всем необходимым для ухода за больными, слух расходился далеко по селам, и нам не нужно было разыскивать прячущихся больных, как то имело место в соседних районах. Наш метод скоро был даже принят американцами, а англичане скопировали наш способ выдачи бесплатных обедов»⁴.

Наряду с прямыми методами борьбы с инфекционными заболеваниями Комитет придавал огромное значение усилению питания беднейшего населения для повышения его иммунитета. Нишское

городское управление приняло активное участие в этом деле и составило списки наиболее нуждающихся, а также выдавало особые карточки на право получения обедов. В четырех районах города были открыты столовые, в которых в этот период было подано 283 000 обедов. Около вокзала было оборудовано специальное помещение, где всякий проходящий мог получить горячий чай. Трубецкой подчеркивает, что кормление населения сослужило немалую службу в деле прекращения эпидемии, так как среди беженцев было большое количество людей, которые несколько месяцев не имели горячей пищи.

Г. Н. Трубецкой в своих воспоминаниях говорит о том, что приток пожертвований деньгами и вещами из России был настолько велик, что Комитету удалось открыть в Белграде такие же столовые, как в Нише, на средства, пожертвованные Петроградским городским комитетом по оказанию помощи Сербии. В итоге в Белграде было выдано свыше 230 000 обедов. Кроме того, был послан вагон вещей и деньги (около 6000 рублей) российским консулам в Скопье и Битоли, которые смогли оказать серьезную помощь различным сербским организациям.

К концу мая, когда приехал эпидемиологический отряд Александриной общины РОКК, эпидемия начала стихать⁵. В июне Григорию Николаевичу, находившемуся тогда в отпуске, через императорский МИД было передано, что эпидемия в Нише благодаря санитарной организации почти прекратилась⁶. Трубецкой в своих мемуарах не мог не отметить, что «вся эта громадная работа, совершенная русскими

⁴ Там же. С. 256–257.

⁵ По прибытии он назывался госпиталем №3 комитета «Христианская помощь», при развертывании получил название «11 резервная больница».

⁶ Подробности санитарно-медицинской деятельности описаны на основании: Шевцова Г. И. Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М.: 2010.

³ Косик В. И. Русская Сербия. Ч. 1. URL: <http://bulgarianews.today/russkayaserbija/> (дата обращения 14. 05. 2018 г.).

Русский философ, историк, экономист, политик и публицист Петр Бернгардович Струве

людьми, могла быть осуществлена только благодаря необыкновенной отзывчивости нашего Красного Креста и различных общественных учреждений, городов, земств, союзов, от которых мы получали обильные

пожертвования. Кроме того, нашлись и подходящие люди для осуществления этих задач»⁷.

Большую помощь в организации сербской части транзитного маршрута русских грузов в Салоники

для нужд союзников оказывали посланник Г. Н. Трубецкой, военный атташе полковник В. А. Артамонов и агент Российского Дунайского пароходного общества в Прахово⁸.

Союзные переговоры в начале 1915 года привели к планам занятия Стамбула силами Антанты. Трубецкой выражал свое мнение министру иностранных дел 26 февраля 1915 года так: «Проливы для нас не только средство, но и конечная цель, кою осмысливается вся нынешняя война и приносимые ей жертвы. Для меня борьба с Германией и Австрией и союз с Францией и Англией только средства для достижения этой народной цели. С этой точки зрения не может быть безразлично, мы или наши союзники завладеем Проливами... Завладение же Проливами без нас было бы прямо пагубно, и в этом случае Константинополь стал бы в будущем могилою нынешнего нашего союза»⁹.

В 30 марта Трубецкой получил телеграмму от Сазонова с пометкой Государя «Согласен», в которой он был назван будущим Верховным комиссаром города со стороны России¹⁰. В это же время англо-французский флот предпринял обстрел османских фортов: так началась Дарданельская операция. Князь поставил условием принятия поста комиссара свою предварительную короткую поездку в Петроград в связи с участием в этом грандиозном деле, которое тогда же в телеграмме назвал личной «заветной мечтой»¹¹. Туда он отправился в самом начале мая. Его совместный с коллегой А. М. Петряевым проект управления Константинополем был передан Государю и получил его пометку, что он разделяет положения

предложенного документа. Для согласования будущих действий с военными Трубецкой предпринял поездку в Ставку и заручился поддержкой главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича, который для управления района крепостей на проливах наметил генерала от кавалерии А. В. Каульбарса¹². По возвращении в Сербию князь оказался встревоженным будущим своей страны, вот что передает более позднее письмо Штрандмана: «Помнится мне, как во время одной прогулки летом в окрестностях Ниша Князь, после своего возвращения из Петербурга, говорил мне о нарастающих настроениях в России и о вероятности внутренней русской катастрофы до окончания войны. На его лице я мог гораздо яснее читать его мысли, чем воспринимая их из произносимых слов. Никогда, ни до, ни после, я его не видел в таком глубоком отчаянии по поводу хода событий в России. А между тем то, что он мне говорил, были в то время только предположения и предчувствия, впрочем, основанные на реальных данных»¹³.

Вместе с Трубецким оказался встревоженным нашим внутренним положением его давний друг П. Б. Струве. 3 июля по настоянию Трубецкого он отправил письма министру Сазонову, главноуправляющему землеустройством и земледелием А. В. Кривошеину и министру торговли и промышленности В. Н. Шаховскому, в которых наметил программу неотложных экономических реформ. Среди предлагаемых шагов перечислялись упрощения правил, регламентирующих создание частных предприятий; участие

правительства в оборонном производстве; создание условий для оперативного перемещения трудовых ресурсов; организация системы социальной защиты; допуск к земским и городским выборам прав из-за высокого имущественного ценза¹⁴. В июле 1915 года он писал о своей уверенности в том, что если тыл России будет мобилизован, то перелом в ходе войны станет делом ближайших месяцев. Но голоса Трубецкого и Струве оказались одиночками в общественной среде. И все случилось иначе и в русском тылу, и на проливах, и в стране представительства.

Крайне осложняли пропагандистскую деятельность России тенденции в российской печати, которая с лета 1915 года становилась все более оппозиционной по отношению к властям. Трубецкой в августе 1915 года выражал возмущение материалами русской прессы по внутриполитическим делам, в том числе в «Новом времени», которые прямо печатались в Германии и распространялись на нейтральные страны. «Вместо того, чтобы поддержать хотя бы нравственный авторитет России, работают на руку нашим врагам, вынося наружу личные счеты и затемняя образ единой перед врагом Родины, – сокрушался известный деятель «Великой России». – Если нарушится вера в единение власти и народа в России, мы ничего не в состоянии будем противопоставить усилиям наших врагов в нейтральных государствах, и наше положение на Балканах было бы бесповоротно проиграно»¹⁵.

6 октября 1915 года началось наступление германских

и австро-венгерских войск, 14 октября к ним присоединились две армии Болгарии, после чего положение Сербии стало критическим. Московский госпиталь покинул Ниш 12 октября, вскоре после получения приказа об эвакуации от начальника санитарной части. Медицинское имущество вывезти не успели. В краткой заметке от 14 декабря 1915 года в «Московских ведомостях» содержалась информация, что часть отряда княгини Трубецкой, 13 человек, возвратилась в Россию из Ниша. Путь их лежал через Албанию, Италию, Францию и Англию. В той же заметке говорилось, что отряд вынес все невзгоды военного времени, самоотверженно исполняя свои обязанности. А две сестры милосердия – М. В. Горяйнова и Л. Е. Гальцева – добровольно остались в Нише, не пожелав бросать своих больных. И не все врачи и сестры остались живы. А часть персонала госпиталя Александринской общины РОКК (11 резервная больница) под руководством приват-доцента Спасского осталась 8 октября сначала в прифронтовой полосе для приема раненых сербов, а с 23 октября продолжила свою миссию и на занятой болгарскими территориями Ниша, который, к слову, начал обстреливаться уже сербами. Персонал большей частью стал поддерживаться болгарским Красным Крестом и меньшей – оккупационными силами болгар. В середине января все больные были эвакуированы, а персонал переведен в Болгарию и там незаконно задерживался до 19 октября 1916 года¹⁶.

Князь Трубецкой и далее в 1916 году продолжал опекать Александринскую больницу и миссию доктора Спасского,

⁷ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 121.

⁸ Тимофеев А. Ю. Оборона Сербии 1914–1915 в контексте интересов России на Балканах: стратегия, тактика, логистика. // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. Сб. ст. М.: Институт славяноведения РАН. 2016. С. 98.

⁹ Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Т. I. С. 77.

¹⁰ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 126.

¹¹ Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел Т. II. 1926. С. 340.

¹² Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 127–133.

¹³ Князь С. Г. Трубецкой. Семейные хроники. Солар Винд Пресс. США. 2013. С. 143.

¹⁴ Красный архив. 1933. №4 (59). С. 148.

¹⁵ Асташов А. Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. – М.: Спецкнига, 2012. URL: http://propagandahistory.ru/books/Aleksandr-Astashov_Propaganda-na-Russkom-fronte-v-gody-Pervoy-mirovoy-voyny/3 (дата обращения: 30.03.2018 г.).

¹⁶ Спасский Н. С. История госпиталя №3 комитета «Христианская помощь» в Сербии (машинопись). С. 8–12.

Премьер-министр Сербии Никола Пашич

оставшуюся в Нише. Но когда он писал в феврале этого года в МИД, он еще не знал, что болгары задержали членов русской миссии. После долгих переговоров и личного заступничества князя Трубецкого, удалось добиться освобождения задержанных, и они переехали из Болгарии в Стокгольм, а затем возвратились на Родину. Во все время своей деятельности князь

Трубецкой не забывал и о другой дружественной державе – Черногории, а МИД России оказывал ей посильную помощь.

Русская миссия присоединилась к покидавшей Сербию армии и правительству. Общий путь лежал через Черногорию на юг. Российский посланник Трубецкой 26 октября, констатируя медленное отступление сербов на болгарском

фронте, передавал в Петроград мольбы сербского правительства о помощи. При этом он выразил свою точку зрения, на удивление схожую с мнением французского премьер-министра Бриана и сербского – Пашича, что «русская высадка могла бы иметь огромное моральное значение, если бы она была произведена скоро, ибо уже начались политические преследования противников войны в Болгарии»¹⁷. Как видим, все трое, да и не только они, все еще находились в плену иллюзии, что болгарские солдаты не будут сражаться против русских. Примечательно, что в тот же день Радославов направил циркуляр болгарским миссиям за рубежом с указанием разоблачать выдумку о якобы выступлениях в Болгарии противников войны со славянами.

Но сербы не могли ждать, пока русская военно-пропагандистская бюрократическая машина наберет обороты – для них это был вопрос жизни и смерти. Они сами оперативно составили на русском языке прокламацию, предназначенную для болгар. Уже 19 октября, т.е. на шестой день сербско-болгарской войны, один ее экземпляр случайно попался на глаза Трубецкому. Воззвание начиналось словами: «Долой предателя Болгарии и его продажных слуг, низких и коварных. Он опозорил Болгарию навсегда и забросал грязью ее народ». Заканчивалась прокламация так: «Если скоро не опомнитесь, народ ваш заплатит жизнью за то, что не сумел казнить вовремя Фердинанда и слуг его».

Трубецкой тотчас обратил внимание сербского МИДа на неуместность, не запрашивая Россию, выпустить русские прокламации, как бы от нее исходящие. Он попросил немедленно приостановить их распространение до получения указаний из Петрограда. Сазонов же

неделю спустя ответил, что считает нежелательным приостанавливать распространение прокламаций¹⁸.

В конце ноября 1915 года во время продолжавшегося отступления руководство страны собралось в албанском Скутари, где был смещен высший генералитет сербской армии. Там же прошел знаменитый парад этой армии, который потрясенный французский журналист А. Барби назвал «дефиле живых трупов».

Секретная телеграмма министру иностранных дел С. Д. Сазонову посланника при Сербском дворе Трубецкого (29 декабря 1915 года):

«Вызвав сегодня, 29 декабря, посланников, Пашич заявил, что взятие Ловчена и Негуша открывает австрийцам дорогу на Скутари. Он настаивает на немедленной посылке в Дураццо, и особенно в Медую, возможно большего количества транспортов, дабы спасти сербскую армию, ибо австрийцы могут через несколько дней быть в Скутари. Сербская армия, лишенная боевых припасов, неспособна оказать сопротивление движению австрийцев, к коим, вероятно, присоединятся албанцы и болгары. Пашич заявил, что, пока значительная часть войск, от 20 000 до 30 000 не будет посажена на суда, правительство не может уехать. Мои коллеги и я единодушно оцениваем положение как крайне критическое, и мы считаем необходимым самым энергичным образом настаивать на безотлагательном принятии мер к немедленной отправке морем сербской армии».

На документе пометка Николая II: «Нужно продолжать всячески подталкивать союзников помочь сербам» (Царская Ставка.

4 января 1916 года¹⁹). Транспорты были выделены, и сербская армия вместе с руководством страны были эвакуированы на остров Корфу и таким образом избежали разгрома и пленения.

Трубецкой вспоминал:

«И тут нам предстала вся необычность нашего путешествия. Мы покидали берега Албании, оставляя за собой далеко Сербию. Тут были министры, генералы, командовавшие армиями, представители держав. Это было начало исхода целого народа, который не переставал верить в свою звезду, которая вернет в обетованную землю. Я чувствовал себя свидетелем великой исторической драмы, одного из самых трагических ее эпизодов»²⁰.

Оттуда восстановленная и не признавшая капитуляции сербская армия была переправлена на Салоникский фронт. Трубецкой же, оставив возглавлять миссию поверенного в делах Б. П. Пелехина, вместе с правительством, которое отправлялось в союзные страны, 2 марта 1916 года на французском эсминце отплыл в Италию²¹. Оттуда поезд доставил его в Париж.

Там в гостинице он встретил генерала Я. Г. Жилинского, который был представителем Государя при Французской главной квартире. Князь донес до знакомого мнение, что сдвиг на балканском театре военных действий может быть дан вступлением в войну Румынии против Болгарии с одновременным наступлением союзников от Салоник. Его собеседник и посол А. П. Извольский разделили эти взгляды и выступили с ними на конференции союзников. К сожалению,

нашим представителям удалось отстоять только минимум этой программы.

Путь домой лежал морем с остановкой в Лондоне, также на судне до Стокгольма и уже поездом до Петрограда; 26 марта Трубецкой прибыл в столицу. В министерстве он получил отпуск, и на том его служебная деятельность в 1916 году закончилась, увенчавшись чином действительного статского советника²². Звание поддерживали ордена: Св. Владимира 4 ст., Св. Станислава 3 ст., болгарского «За гражданские заслуги» 3 ст., черногорского Князя Даниила I 4 ст., сербского ордена Таковского креста 3 ст.; именная медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых²³.

На отдыхе, в имении он впервые взялся за мемуары, в печати получившие название «Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах» и которые были завершены 25 января 1917 года. Заканчивал он их уже дома, в Москве, где проживал по адресу: Трубниковский переулок, д.19, кв. 4. Они не отнимали у него всего времени; настоящее требовало своего: так, выражая крайнюю озабоченность сложившимся положением, он писал 5 октября 1916 года из Москвы в Кисловодск бывшему министру иностранных дел С.Д. Сазонову: «Одно несомненно – это общее недовольство, которое настолько велико, что стирает границы партий и дошло до острого напряжения <...> Все это, а главное – обостряющаяся продовольственная неурядица сгущает грозные тучи. Избави, Боже, нас от потрясений».

Продолжение следует

¹⁷ Шкундин Г. Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). М.: 2007. С. 42.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 240.

²⁰ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 244.

²¹ Писарев Ю. А. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М.: Наука. 1993. С. 46.

²² Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 522.

²³ Придворный календарь на 1915 год. С. 274.

«МИНУТА – И СТИХИ СВОБОДНО ПОТЕКУТ...»

Из статьи «Литературной газеты», № 8, 10 февраля 1937 года

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный,
Чета проходит за четой...

В самую что ни на есть простую строфу четырехстопного ямба Пушкин уместил пластическое изображение танца на три четверти, головокружительный, щемящий мотив. И тут же рядом, через десять строк, в следующей онегинской строфе – скачущий темп мазурки.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромном зале все дрожало,
Паркет трещал под каблучком...

О технологии пушкинской поэзии написаны тома исследований. Их анализ увлекателен и может многому научить. Нас интересует другое. Перед нами такая степень владения материалом, мыслью и чувством, когда могут и не возникать соображения о тренировке, о том, что «гармония» повернется «алгеброй». Перед нами результат, совершенство, так называемая простота. Чтобы понять и оценить эту простоту, надо знать дорогу, ведущую к ней. Где корни сокрушительной искренности Пушкина, его интонационной свободы, власти над языком, легучей и напряженной энергии? Чем объясняется его быстрый рост? Уже к двадцати годам было ясно, что он опередил и сверстников, и литературных учителей. Все ли относится на долю гениальности – свойства туманного и не подлежащего учету?

Мы можем отчетливо представить себе молодого Пушкина, его характер – живой, общительный, открытый всем страстям, высоким и низким. Мы знаем его ранние дружбы, влияние этих дружб на складывающееся сознание юноши. Мы знаем груды прочитанных им книг, беспорядочно и отрывисто освоенную культуру просветительного века. Он смело ориентировался среди всех этих античных, французских и русских имен. У него был безошибочный вкус. Начиная с первых опытов, он любил сталкивать высокое с низким, оду с эпиграммой, классическую мифологию с вольтерьянской иронией. Он по своему расправлялся со всеми ходкими поэтическими жанрами. Он перерабатывал все быстро и жадно, разгрызал крепкими зубами любую отвлеченную схоластику и снова требовал сырья, материала, топлива – идей, впечатлений, споров. Он сразу повел себя в поэзии как хозяин, чтобы организовать ее заново и образцово.

Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом,
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава...

Тяжкий пламенный недуг... устраивает ли нас такое определение творческой горячки, понятно ли оно? Да, устраивает. Да, понятно. Творчество дается нелегко, оно так же мучительно, как всякое

рождение. Чем тяжелее, чем пламеннее это рождение, тем выше вырастает поэт.

Но на что были направлены собственные усилия Пушкина, в чем он искал приложения своей энергии, чего он хотел в годы юношеского роста? Действенная воля, сознательно или полусознательно поставленные перед собой цели – вот что интересует нас прежде всего.

Двадцати трех лет он записал в дневник: «Только революционная голова, подобная Мар(ату) и Пестелю, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке». Это – программа революционного художника. Мы знаем, до какой степени она не случайна для Пушкина. Расширять пределы выразительности языка, сделать язык прямым и гибким орудием мысли и чувства, ломать языковые штампы, гнать из речи обветшалое, мертвое, наносное, максимально приблизиться к народной речи – с этими сознательными, последовательными усилиями Пушкина мы встречаемся на каждом шагу, во всех областях его деятельности, едва ли не с самого начала. Это поистине его страсть, страсть художника-революционера. В ней он был нетерпим, требователен, принципиален, как ни в чем другом.

Эту страсть можно обнаружить даже в его заметках на полях чужих книг. Общеизвестно, как встречали его поиски языка официальные старожилы, да и не только они одни. Пресловутая рецензия

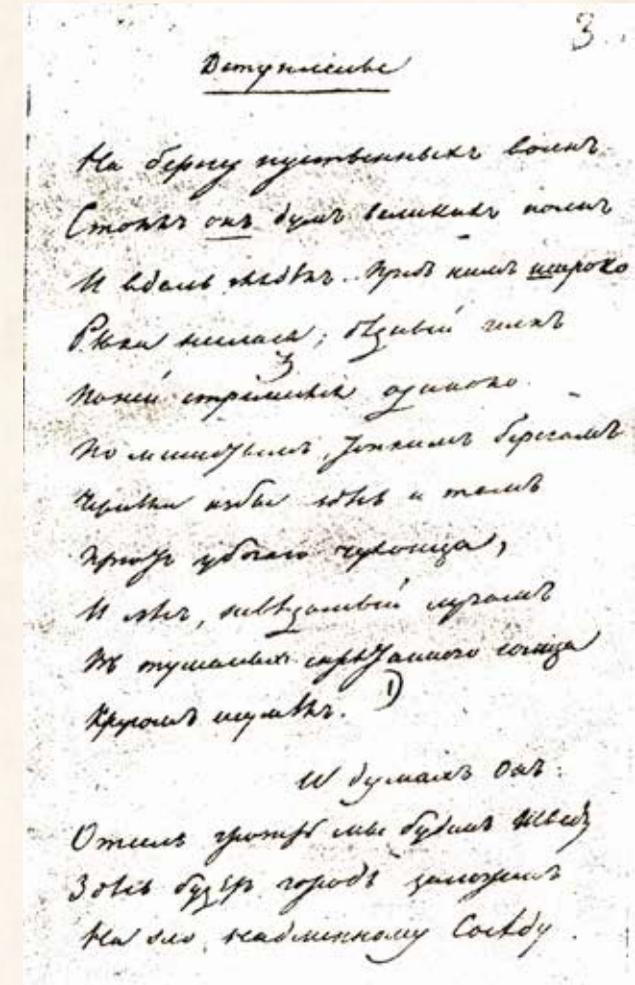
Рукопись А. С. Пушкина с рисунками (Татьяна, автопортрет Пушкина) ко II главе романа «Евгений Онегин» (рис. 1823–1824 гг.)

Каченовского на «Руслана и Людмилу» выражает взгляды очень значительной части светского и чиновного общества. И, конечно, дело было не только в соблюдении салонных приличий. Каченовского испугало вторжение в «Дворянское собрание» неожиданного гостя, «проказника» в армяке и лаптях, который вдруг крикнет зычным голосом: «Здорово, ребята!» Нам странно сегодня, что такую социальную опасность дворянский охранитель увидел в «Руслане и Людмиле». Но важно, что именно так, по Каченовскому, очень многие восприняли появление Пушкина, услышав его стихотворную речь.

За Пушкиным им мерещился гость в армяке, а может, и похуже – в пугачевском тулупчике.

Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песен с диким совершенством.

Так обращается председатель в «Пире во время чумы» к девушке. Мери начинает петь. По ее песне можно угадать и голос – не очень сильный, высокий и чистый, почти безличный в смысле тембра. Он вибрирует только потому, что Мери поет. Такой голос всегда кажется впаянным в пейзаж. Он – явление природы, как шум леса, ветер, морской прибой. Таким же представлял

Первые строки рукописи поэмы «Медный всадник» А. С. Пушкина

себе Пушкин голос Овидия, «голос, шуму вод подобный». И содержание песни – будь она весела или грустна, будь ее слова на любом языке мира, – всегда одно и то же содержание. Она – ЧЕЛОВЕЧНА.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика,
То разгулье удалое
То сердечная тоска.

И в песне лондонской падшей девушки, и в песне крепостного ямщика одно «дикое совершенство». Родственна им и та красавица, от которой Пушкин слышал «песен Грузии печальной». К этим

Илья Репин. «Дуэль Евгения Онегина и Владимира Ленского». 1899

народным и чистым голосам Пушкина всегда тянуло с неодолимой силой. Он и сам участвовал в их перекличке – может быть, прежде всего своими сказками, и среди них тою гениальной, калмыцкой, которую рассказывает Пугачев. Это сказка об ораинои, степной воле. Раз в жизни, хотя бы ценою жизни, эта воля должна быть добыта. Эта сказка повторяется Пушкиным все в новых и новых модуляциях. Об этом же услышал от орла узник: «Мы – вольные птицы, пора, брат, пора».

Неверно, что эта «вольность» условна и декоративна, что она перешла к Пушкину от байроновских корсаров, от шатобрианских дикарей, от любой другой книжной романтики. Неверно. Вся южная ссылка Пушкина говорит о другом. Цыганский табор – это его жизненный опыт. Разбойника Кирджали он знал и любовался им. Даже Дубровский и Швабрин-Шванчич – это неизжитые возможности его короткой и опасной жизни. Многого не рассказал о себе этот человек. Правда, многого он и не сделал. Но он нес в себе в скрытом виде неосуществленные возможности,

которыми наделал других. И если бы он прожил комнатной жизнью, об этом можно было бы и не упоминать. Но жизнь-то была далеко не комнатная!

Как часто расстилалась перед ним свинцовая снеговая равнина, подорожная дворянской и чиновной тоски. «Только версты полосаты попадают одне» ... Это была свинцовая даль империи, бесконечный ледяной каземат. Он считал себя обреченным на странствие по всем российским дорогам, и знал, что странствие кончится случайной гибелью.

Его освобождало одно только творчество и заложенная в творчестве безумная, непомерная, жадная тоска о воле.

«Онегин», «Годунов» и «Медный всадник» – три основных итога его жизни. Они уже почти легенды для нас. Это эпос, оторванный от самого создателя, – такая за ним глубина и свобода. Пушкин виднее и ощутимее в другом, менее монументальном – отчетливее всего в лирике и в сказках. Сказки – это его утопия, его мечта о будущем человечестве. Сказки Пушкина – это мир,

в котором море обязательно синее, рыбы и птицы – золотые, девушки – румяные. Это мир детства и первого прикосновения к искусству, хотя бы через коробку с цветными карандашами. Мир, увиденный в первый раз незаплаканными, неприщуренными глазами. Очертания и окраска точно врезаются в глаза. Даль не купается в синей воздушной перспективе, а так же рельефна и пластична, как первый план. Так видели мир наивные гении, художники Средних веков, с их пестрой, узорной, запутанной, как сама жизнь, фактурой. И это то же «дикое совершенство», что в песне Мери.

Отношением к Пушкину определялось многое в десятилетиях русского девятнадцатого века. Пушкиным измеряли себя, свою молодость, свое отношение к родине и революции – и поэты, и такие люди, как Герцен, и Чернышевский, и просто тысячи читателей. Нам незачем вступать в соревнование ни с каким прошлым. Пушкин наш, только наш – по праву, которое не требует доказательств, по праву первородства нашей культуры, созидательной и народной. Но мы знаем, что Пушкин существовал и существует во времени, и этим он только дороже для нас.

Наша любовь к Пушкину – это любовь к истории родной страны, к ее страстному и мужественному языку, к ее песням и вьюгам, к бодрому октябрьскому холоду, к звенящему зною летних полдней, к рекам и лесам, и дорогам России. Наша любовь к Пушкину – это любовь каждого к собственной работе, это горячка бессонного труда, нетерпение строителей, знающих, что мечта близка к осуществлению, знающих, что всякая смелая мечта осуществится. Наша любовь к Пушкину – это любовь к детям, к их школам и праздникам. Легкой походкой вступают они в жизнь. Пожелаем им счастливой встречи с Пушкиным!

«ОНЕГИН, ДОБРЫЙ МОЙ ПРИЯТЕЛЬ...»

Как родилось самое знаменитое произведение А. С. Пушкина

НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВА,
академик Российской академии образования

Онегин, главный герой главного и любимого произведения Пушкина, «родился на берегах Невы» в Петербурге. «Евгений Онегин», роман в стихах, родился 201 год назад в Кишиневе. «9 мая», «28 мая ночью» – такие пометки сделал Пушкин в 1823 году возле чернового варианта первой строфы первой главы «Евгения Онегина». 26 мая (по старому стилю) 1823 года автору романа исполнилось 24 года...

Первую строфу первой главы «Евгения Онегина» мы со школьных лет помним наизусть:

*«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог...»*

Да, конечно, помним. Но обратим внимание на то, что в тексте пушкинского романа первая его строфа – в кавычках. Это прямая речь не автора, а героя. И об этом мы узнаем в первой же строке следующей, второй строфы:

Так думал молодой повеса...

Молодой повеса – это Онегин. Это он, Онегин, эпатирует читающую публику, сокрушаясь о том, как скучно «полуживого забавлять», поправлять ему подушки, подносить ему лекарство и при этом думать: «Когда же черт возьмет тебя?»

Любопытно, что первую строфу романа в дружеском кругу могли воспринимать как озорную шутку

«Пушкин и Онегин на берегу Невы». Рис. А. С. Пушкина. 1824

племянника, адресованную дядюшке, – Василию Львовичу Пушкину. Это вполне возможно предположить, так как Василий Львович, известный в начале XIX века

стихотворец, которого Александр Пушкин комплиментарно называл своим парнасским отцом, дядей на Парнасе, не раз жаловался в своих стихах и письмах на одолевавшие

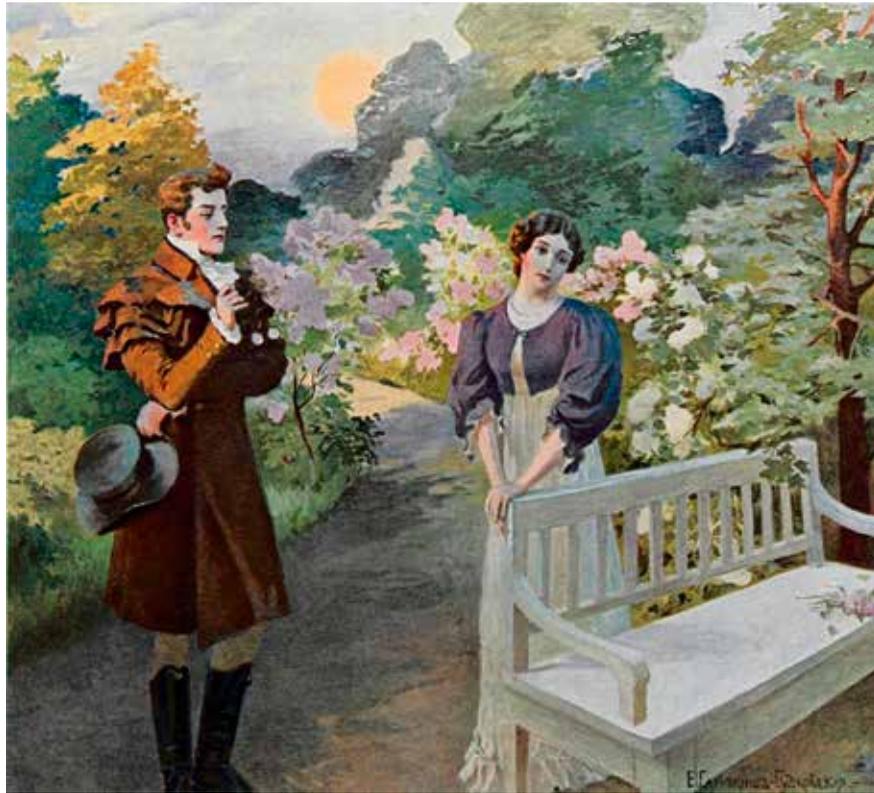

Иллюстрация Елены Самокиш-Судковской к роману «Евгений Онегин». 1908

его болезни и, будучи человеком весьма простодушным и наивным, забавным в своих житейских слабостях, часто становился мишенью дружеских шуток.

В 1815 году его родственник А. М. Пушкин распространил слух о том, что Василий Львович умер. Василий Львович ответил стихами «На случай шутки А. М. Пушкина, который утверждал, что я умер»:

*Однофамилец мой, я слышу,
утверждает,
Что я оставил белый свет,
Что думать здесь никто
о мертвом не желает
И что красавицам во мне
и нужды нет.
Но я живу еще для искренних друзей,
Душе и сердцу милых;
Живу еще для Муз, и в хижине моей
Не знаю скуки я, не вижу дней унылых.*

Стихи В. Л. Пушкина были напечатаны в 1815 году в «Российском

музеуме» и уже тогда могли быть известны его племяннику.

В 1816 году друзья вновь распространили слух о смерти В. Л. Пушкина, у которого якобы «несчастный стих» «засел в горле».

Н. М. Карамзин в письме к П. А. Вяземскому признавался: «Я чуть было не поверил смерти дяди-поэта. Хорошо, что вы скоро оживили его...»

Василий же Львович к письму П. А. Вяземскому сделал стихотворную приписку: «Я жив. И этот слух не лжив».

В 1821 году слух о мнимой смерти В. Л. Пушкина стал курсировать между Москвой, Петербургом и Варшавой, и к этой шутке вновь был причастен А. М. Пушкин.

Стихотворения и письма свидетельствуют о том, что шутка о смерти В. Л. Пушкина стала фактом литературного быта, который был известен Пушкину и мог отразиться в первой строфе первой главы его романа.

Заметим, что уже во второй главе Пушкин создает портрет дяди Онегина – деревенского старожилы, читателя единственной книги – «Календаря осьмого года», любителя наливок и яблочной воды. Занемогший не в шутку дядя главного героя ни в чем не сходствует с занемогшим в шутку дядей автора – путешественником, библиофилом, ценителем шампанского. И, быть может, главное: у дяди Онегина «нигде не пятнышка чернил», у дяди автора, по собственному признанию Василия Львовича: «Чернильница, перо – вот все мое добро!»

Но вернемся к началу, к первой главе пушкинского романа. Здесь представлен один день Онегина – с поздним пробуждением, прогулкой, обедом у французского ресторатора Талона, театром, балом. Описания изобилуют выразительными подробностями. Вспомним хотя бы гастрономический натюрморт с вином кометы (то есть дорогостоящим шампанским урожая 1811 года, когда в небе появилась яркая комета), трюфелями, страсбургским пирогом (паштетом из гусиной печени, который в консервированном виде привозили в Петербург из Страсбурга), лимбургским сыром и золотым ананасом.

Пушкин знакомит читателя и с некоторыми фактами биографии своего героя: его детством и юностью, образованием и воспитанием. Постепенно перед нами вырисовывается герой времени – разочарованный, равнодушный к жизни и ее наслаждениям, отличающийся «преждевременной старостью души» (Пушкин называл это чертами современной ему молодежи). Но ведь и сам Пушкин принадлежал к современной ему молодежи. И ему порой были свойственны разочарованность и скептицизм. Не случайно он сблизился со своим героем:

*Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой фортуны и людей
На самом утре наших дней.*

Сходство автора и героя было настолько заметно, что Пушкин в первой же главе поспешил «заметить разность» между собой и Онегиным:

*Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет...*

Онегин «вписан» Пушкиным в петербургский быт. В. Г. Белинский назвал пушкинский роман энциклопедией русской жизни. Первую же главу романа можно назвать энциклопедией Петербурга. Пушкин показывает Петербург светский: петербургские балы, где дамы демонстрируют обдуманные наряды, где модные чудаки соседствуют с офицерами; петербургский театр, где блистательная, полувоздушная танцовщица Истомина летит по сцене «как пух от уст Эола»; петербургский ресторан Талона, где Онегина ждет приятель Пушкина, офицер П. П. Каверин. Но Пушкин показывает и Петербург простолюдинов: с кувшином молока по утреннему снегу спешит охтенка, «на биржу тянется извозчик», хлебник – «немец аккуратный» открывает свою лавку, по улице идет разносчик, встает поутру купец...

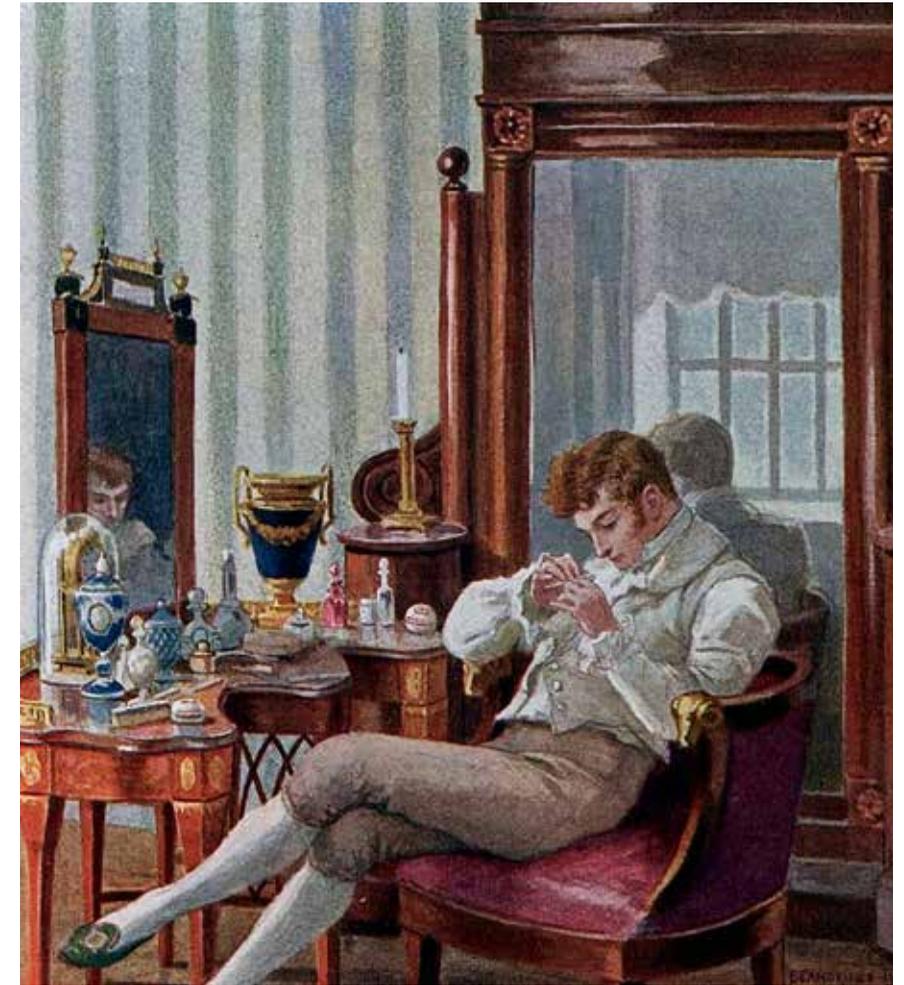

Иллюстрация Елены Самокиш-Судковской к роману «Евгений Онегин». 1908

Принцип энциклопедического изображения жизни найден Пушкиным уже в первой главе. В первой главе счастливо найден и принцип повествования – легкого непринужденного рассказа с лирическими отступлениями от сюжета, но не от темы (а общая тема – русская жизнь). В повествовании звучит голос автора, его задушевные переживания, его веселость и грусть, его судьба... И еще – онегинская строфа, счастливая находка, строфа, которой будет написан весь роман.

Во второй главе появятся поэт, мечтатель Ленский, Татьяна, «милый идеал» автора, картина жизни провинциальной России. А потом – письмо Татьяны, гибель Ленского на дуэли, Москва, где

решится судьба любимой героини Пушкина. А потом – встреча Онегина с Татьяной-княгиней, письмо Онегина, трагическое расставание пушкинских героев, путешествие Онегина по России.

Но все это будет потом – и восторженные отклики первых читателей, и отзывы критиков. А пока – 9 мая 1823 года – начало работы над романом в стихах. «Octobre 22 (1823) Одесса» – дата под последней строфой черновика текста первой главы «Евгения Онегина». Какое же это счастье, что в далеком 1823 году был начат главный и любимый роман Пушкина, роман, которому было суждено стать главным произведением русской культуры.

ВЕЧНО ЖИВАЯ ДУША АВТОРА «МЕРТВЫХ ДУШ»

Н. В. Гоголь: «Часто сквозь видимый миру смех льются невидимые миру слезы»

ОЛЕГ ОЗЕРОВ

Портрет Николая Гоголя кисти Александра Иванова. 1841

Мало кто знает, что первый перевод повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» на английский язык был сделан неким Б. Баскервилем в 1907 году – к 270-летию казачьего восстания в Запорожье. В предисловии к изданию говорится: «В повести “Тарас Бульба” Гоголь подарил нам казачью эпопею. Эти дикие, грабящие орды, с их товариществом и фанатизмом, их храбростью и суровым правосудием, нашли Гомера в степях, чтобы воспеть их славу; ибо Гоголь, сам малоросс, любил степи так же, как и они, и, поскольку вся поэзия и тоска казака сосредоточены в этом зеленом океане, он рас-

сказал о них и их жизни словами, которые очаровывают как англосаксов, так и славян, и обращены ко всем, кто любит смелый поступок или верного друга». Оставим на совести автора предисловия слова о «диких, грабящих ордах»; он, видимо, представлял себе запорожцев как гуннов или варваров. Но поразительно другое: в этом предисловии отсутствует слово патриотизм, а ведь на свете не так уж много литературных произведений, в которых так выпукло, так ярко нашла бы свое отражение

тема борьбы за национальное освобождение. И особенно громко она звучит, когда поляки сжигают Тараса на костре: «...уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Николай Васильевич Гоголь родился 20 марта (1 апреля) 1809 года в семье украинского помещика на Полтавщине. Среди предков писателя значатся несколько человек,

отмеченных в истории. Один из них – казачий гетман Остап Гоголь; его имя упоминается в связи со сражением в 1655 году. Отец писателя, Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, не был успешен в служебной карьере и вышел в отставку в звании коллежского асессора. Поселился он в скромном наследственном имении Васильевке (или Яновщине). И здесь он влюбился в четырнадцатилетнюю дочь соседа-помещика Марию Косировскую, и отец ее согласился на их брак. Через четыре года после свадьбы родился сын Николай.

Отец его был не только образованным человеком, но и не чужд сочинительству: он написал несколько небольших комедий, в постановке которых участвовала вся семья.

Первоначальное образование будущий писатель получил дома. Вместе со своим младшим братом Иваном он брал уроки у одного семинариста.

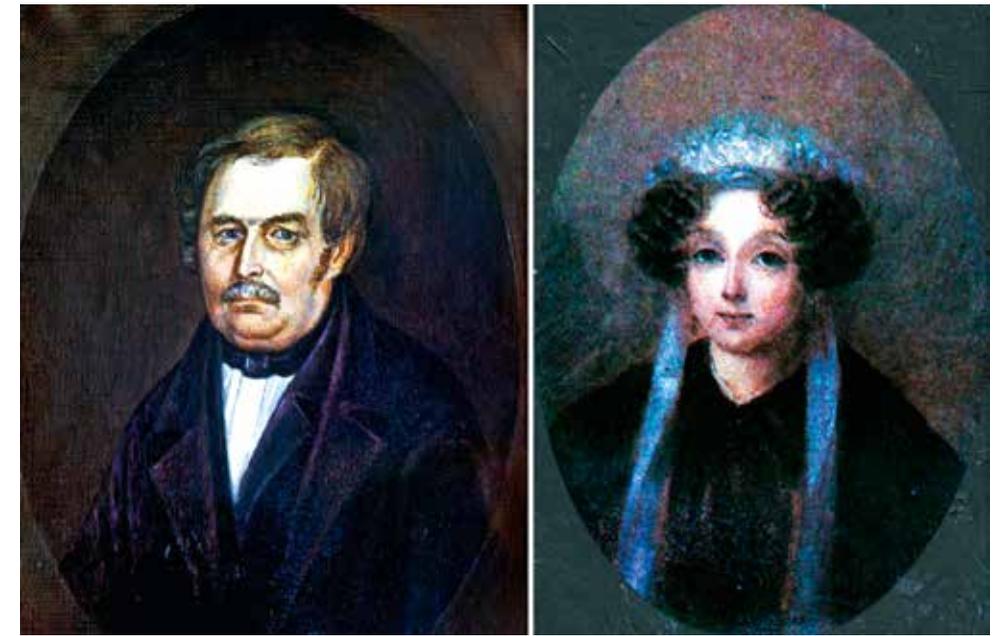
В 1820 году в Нежине открылось новое учебное заведение – Гимназия высших наук князя Безбородко. Она была основана на деньги, завещанные для этой цели князем Александром Андреевичем Безбородко.

В начале 1821 года был объявлен первый набор воспитанников. Это было привилегированное учебное заведение, сюда принимали далеко не всех детей. Гоголь смог поступить в гимназию только благодаря протекции бывшего министра и члена Государственного совета, Дмитрия Прокофьевича Трощинского, который приходился родственником Гоголям-Яновским.

Николая зачислили «сверхштатным пансионером». Это означало, что родителям его надо было ежегодно платить за право учения около 1200 рублей. Столь значительная сумма легла тяжким бременем на бюджет семьи Гоголя, и Василий Афанасьевич стал добиваться перевода сына на «казенное содержание». Специальное ходатайство влиятельного Трощинского и на этот раз возымело действие. В 1822 году Гоголь был переведен в число воспитанников, «содержимых на гимназиальном иждивении».

В Нежине проявилась разносторонняя одаренность Гоголя: он увлекался живописью и был одним из главных участников драматического кружка гимназии. Представления любительской труппы обычно происходили в актовом зале. Перед спектаклем здесь сооружались деревянные подмости; гимназисты сами рисовали декорации, делали костюмы. С большим успехом ставились пьесы Фонвизина, Озерова, западноевропейских авторов. Спектакли привлекали зрителей со всей округи: съезжались видные чиновники и помещики. Слава о любительском театре вскоре вышла за стены гимназии.

Неизменным любимцем публики был Гоголь: он обладал ярко выраженным дарованием комического

Родители Николая Гоголя

актера, владел искусством сценического перевоплощения, умел имитировать голоса стариков, старух, девочек. Громадным успехом пользовался шестнадцатилетний Гоголь в пьесе Фонвизина «Недоросль» в роли госпожи Простаковой.

Интерес к литературе также пробудился у Гоголя рано – причем вопреки занудным лекциям учителей. Первым любимым поэтом стал Пушкин. Гоголь даже переписывал в свою школьную тетрадь поэмы «Цыганы», «Полтава», «Братья-разбойники», главы из «Евгения Онегина». Вскоре Гоголь обнаружил страсть к литературному творчеству. Он пробовал себя в самых различных жанрах: стихотворных, прозаических, драматургических. Он написал множество лирических стихов, поэму «Россия под игом татар», сатиру «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», трагедию «Разбойники», повесть «Братья Твердославичи». Эти первоначальные опыты Гоголя, к сожалению, не сохранились.

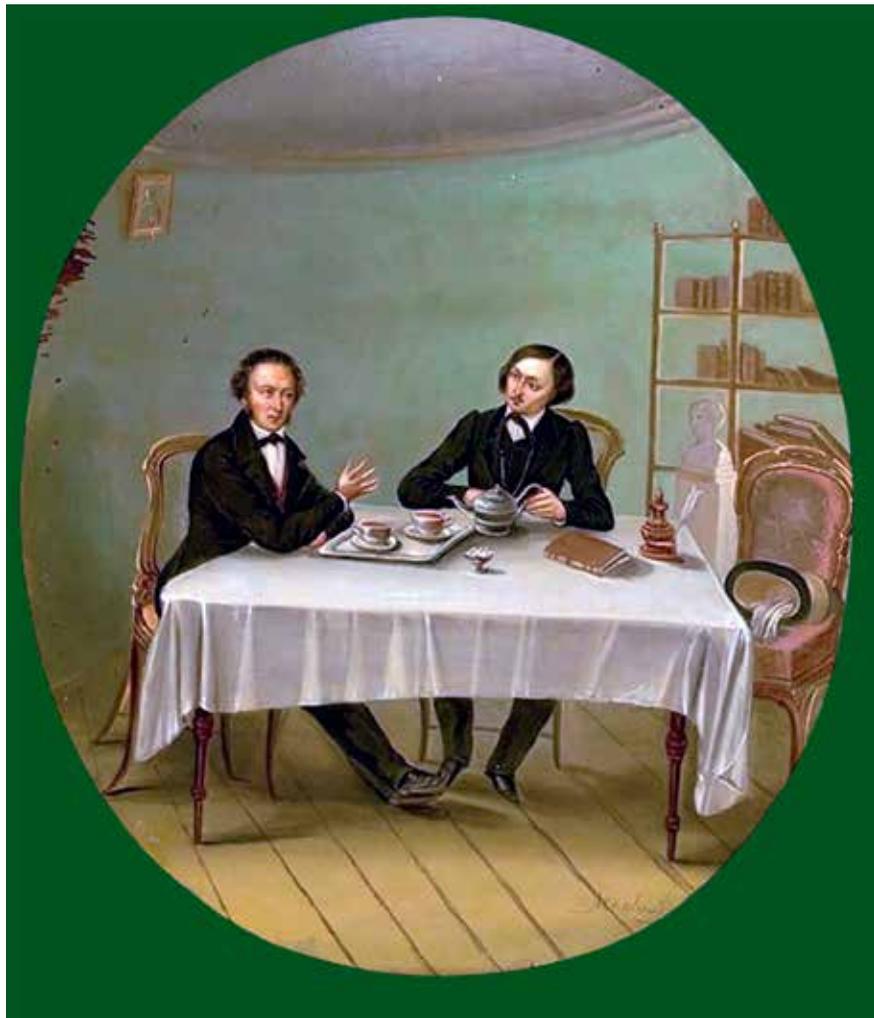
Интерес к учебе в гимназии у него пропал – главным образом из-за схоластики в преподавании

и конфликтов с учителями. А вступив в самостоятельную жизнь, Николай Гоголь стал задавать себе вопрос, который мучил его несколько лет: какую стезю себе избрать. Службу? Театр? Работу в газете? Меньше всего он думал тогда о карьере профессионального литератора; в своих мыслях он отдавал предпочтение государственной службе.

В 1828 году выпускник Нежинской гимназии Николай Гоголь-Яновский приехал в Петербург вместе со своим товарищем по нежинской гимназии Александром Данилевским. Тот собирался поступать в школу гвардейских подпрапорщиков.

Первые же недели пребывания в столице принесли Гоголю горечь разочарования. Его юношеские иллюзии сразу же пришли в столкновение с суровой прозой жизни. «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал», – сообщает он родным в Васильевку.

Скудные деньги, которыми снабдила его в дорогу мать, быстро таяли. Между тем мечта о службе оказалась трудноосуществимой.

«Пушкин и Гоголь». Работа Николая Алексеева. 1847

Рекомендательное письмо Трощинского, на которое возлагалось много надежд, никаких практических результатов не дало.

Тогда Гоголь решил устроиться работать в театр. В присутствии нескольких актеров Гоголь держал экзамен. Ему дали прочитать монолог из трагедии, затем другой, третий. В представлении актеров и режиссеров старой школы трагический актер должен был исполнять свою роль с аффектацией. Слова надо было не произносить, а с пафосом декламировать. Гоголь же читал просто, без завываний и «драматической икоты». Его реалистическая манера исполнения явно противоречила вкусам экзаменаторов,

воспитанных на театральные традиции XVIII века. Гоголь не выдержал испытания. Это было настолько очевидно, что он даже не явился за ответом.

Гоголь едва не впал в отчаяние. После смерти его отца жизнь семьи стала трудной. Появились долги. Небольшое имение пришлось неоднократно закладывать. Помощь от матери становилась все менее регулярной. Приходилось терпеть жестокую нужду.

Так прошло еще несколько мучительных месяцев, пока Гоголь не получил наконец службу в одном из департаментов министерства внутренних дел. Место было незавидное: скучная и утомительная

работа мелкого канцеляриста. Через три месяца Гоголь не вытерпел и написал прошение об отставке. Он перешел в другой департамент. Должность писца была столь же неинтересной, но зато тут хотя бы платили немного больше. Кроме того, начальство обещало скорое повышение по службе.

Гоголь продолжал внимательно приглядываться к жизни и быту своих коллег-чиновников. Эти наблюдения позднее легли в основу его знаменитых повестей «Нос», «Записка сумасшедшего», «Шинель».

Прослужив год, Гоголь решил навсегда покончить с мыслью о чиновничьей карьере. В феврале 1831 года он подал в отставку. К этому времени относится знакомство Гоголя с критиком П. А. Плетневым, занимавшим пост инспектора так называемого Патриотического института, в котором обучались дочери офицеров. С помощью Плетнева Гоголь получил в этом институте место учителя истории и с увлечением вступил на новое поприще.

Между тем интерес к искусству не только не угас в Гоголе, но с каждым днем все более сильно овладевал им. Продолжительное время он увлекается живописью, регулярно посещает занятия в Академии художеств. Постепенно, однако, в нем начинает созревать убеждение, что именно литературное творчество является главным его призванием. Горечь неудачи с первыми его произведениями забывается, и Гоголь снова начинает писать, посвящая любимой работе весь свой досуг.

В течение 1830 и 1831 годов в журналах и газетах стали появляться произведения Гоголя. В февральской и мартовской книжках «Отечественных записок» за 1830 год была напечатана его повесть «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала». Гоголь задумал большой исторический роман «Гетьман» (о прошлом Украины),

повесть «Страшный кабан». Несколько отрывков из этих произведений были вскоре опубликованы в альманахе «Северные цветы» и «Литературной газете». Кроме того, появляются в печати и большие статьи Гоголя.

Через три месяца, 20 мая 1831 года, на вечере у Плетнева состоялось столь желанное для Гоголя знакомство с Пушкиным. Осуществилась наконец заветная мечта молодого писателя, в литературной судьбе которого Пушкину довелось сыграть большую роль.

Учительская работа, хотя и потеряла для Гоголя свое прежнее обаяние, была, однако, привлекательнее мучительного сидения в министерских департаментах. Гоголь был не только материально лучше обеспечен, но, что более существенно, имел много свободного времени для литературных занятий.

В письмах к матери Гоголь часто намекает на «обширный труд», над которым он упорно работает и который должен принести ему известность.

Этот труд был, по-видимому, задуман Гоголем давно. Уже вскоре после приезда в Петербург он начинает донимать своих родных просьбами: регулярно присылать ему сведения и материалы об обычаях и нравах «малороссиян наших», образцы украинского народного творчества: песни, сказки, предания, всякого рода старинные вещи – шапки, платья, костюмы. Для большего успеха дела Гоголь даже советовал матери обзавестись корреспондентами «в разных местах нашего повета».

Эти материалы были использованы Гоголем в большом цикле повестей, вышедших под общим названием «Вечера на хуторе близ Диканьки». По совету Плетнева Гоголь издал обе части этого сборника под интригующим псевдонимом – наивного и лукавого рассказчика пасечника Рудого Панька.

Первая часть «Вечеров» увидела свет в начале сентября 1831 года. В нее вошли четыре повести: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь» и «Пропавшая грамота». Книга имела огромный успех. Она поразила читателей яркостью и свежестью художественных красок, удивительным знанием быта и образов простых людей, замечательно тонким юмором.

Героями повестей Гоголя являются простые и честные люди, влюбленные в жизнь, искренние и благодарные. Писатель щедро вводит в свое повествование элементы украинской народной мифологии, легенды. Но было и самое важное: впервые в русской литературе появилось столь вдохновенное и поэтическое изображение простого человека. Повествование Гоголя пронизано лукавым юмором, острой усмешкой. Эти черты будут плодотворно углублены во второй части «Вечеров» (март 1832), особенно в повестях «Ночь перед Рождеством» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка».

Пушкин высоко оценил «Вечера на хуторе близ Диканьки», и это очень обрадовало Гоголя. Эта оценка в известном смысле стала подтверждением правильности избранного им пути. Пушкин в глазах Гоголя был первым авторитетом в вопросах литературного искусства. Он с юных лет благоговел перед этим именем: приехав в Петербург, первым делом бросился к дому, где жил Пушкин.

Знакомство Гоголя с Пушкиным было закреплено частыми встречами в Царском селе. Постепенно их отношения становились все более дружественными. В 1832 году Гоголь начал работать над статьей «Несколько слов о Пушкине» (позднее вошедшей в состав гоголевских «Арабесок»), в которой дан глубокий анализ творчества великого поэта.

В июне 1832 года Гоголь решил навестить своих родных. Проездом он остановился в Москве. Повести пасечника Рудого здесь были уже хорошо известны. У Гоголя появилось много новых знакомых – семья Аксаковых, актер Щепкин, историк Погодин и другие. С некоторыми из них он сохранил близкие отношения до конца своей жизни.

1833–1834 годы были для Гоголя временем мучительных раздумий о своей дальнейшей деятельности. Уже будучи прославленным автором двух книг под общим названием «Вечера на хуторе близ Диканьки», он продолжал терзаться сомнениями в серьезности своего художественно-литературного призвания и был близок к тому, чтобы окончательно избрать себе поприще историка. «Ничто так не успокаивает, как история», – пишет он в конце 1833 года.

Особый интерес для Гоголя представляла история Украины. Он погружается в изучение специальной литературы и летописей, тщательно исследует памятники народно-поэтического творчества. Кроме того, Гоголь мечтал о пьесе, в которой можно было бы поставить самые важные, общественно значимые вопросы современности. В октябре 1835 года он просит в своем письме Пушкину, чтобы тот подсказал ему какой-нибудь сюжет комедии. И Пушкин подсказал ему сюжет «Ревизора».

19 апреля 1836 года в Александринском театре Петербурга состоялось первое представление этой комедии. Зал был полон блистательнейшей публики. В ложах и креслах партера сияли ордена министров и высшей знати. Перед самым началом в театр прибыл и царь Николай I с наследником.

Публика ожидала увидеть обычный на сцене в Александринском театре веселый фарс или забавный водевиль. Эти ожидания были тем более естественны, что роль

Последняя сцена „Ревизора“.
(Съ рисунка Н. В. Гоголя.)

Хлестакова поручили популярнейшему водевильному актеру Н. О. Дору. Вначале в зрительном зале вспыхивал раскатистый смех. Но чем дальше, тем все более подозрительным казалось избранной публике то, что происходило на сцене. Уже после первого акта, свидетельствует очевидец, недоумение было написано на лицах всех зрителей, сидящих в партере и ложах. Смех становился все более робким. К концу спектакля недоумение перешло во всеобщее негодование. Министр финансов граф Канкрин разводил руками: «Стоило ли ехать смотреть эту глупую фарсу!»

Многие выражали неудовольствие тем, что комедию вообще допустили на сцену. Только сейчас понял истинный смысл «Ревизора» и Николай I. Выходя из ложи, он заметил: «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне – больше всех!»

Но на этом дело не кончилось. Элита поняла истинную силу сатиры Гоголя – страшную силу, обнажающую все пороки тогдашнего общества! Эффект, произведенный

«Ревизором» на петербургское общество, вызвал невиданный шок. Гоголь даже не сразу разобрался в том, что, собственно, произошло; ему начало казаться, что он совершенно одинок, что против него восстали решительно все. «Все против меня», – так прямо и пишет он своему близкому другу и единомышленнику Михаилу Щепкину.

Письма Гоголя в эту пору полны горьких жалоб на трагические условия, в которые поставлен русский писатель. «Теперь я вижу, – отмечает он, – что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины – против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия».

Гоголь принимает решение уехать за границу. «Еду разгулять свою тоску, глубоко обдумать все свои обязанности авторские, свои будущие творения», – пишет он.

6 июня 1836 года Гоголь вместе со своим старым другом Данилевским, с которым семь с лишним лет назад приехал в Петербург, сел на пароход и покинул Россию.

Он побывал во многих городах Германии, Швейцарии, Франции, жил несколько лет в Италии. Быстрая смена впечатлений, разнообразие пейзажей, встречи с интересными людьми на короткое время успокоили писателя. Гоголю казалось, что он сможет забыть о тех горестных впечатлениях, с которыми были связаны последние месяцы его пребывания в России.

Говоря о необходимости в тиши обдумать свои «буду-

щие творения», Гоголь имел в виду прежде всего произведение, над которым давно уже начал работать, – «Мертвые души». Считается, что сюжет поэмы также был подсказан Пушкиным, о чем говорил и сам Гоголь. Но тут надо иметь в виду, что писатель настолько преклонялся перед Пушкиным, настолько его боготворил, что даже намеки или невзначай брошенные идеи поэта Гоголь невольно экстраполировал в свои собственные сюжеты и литературные воплощения, при этом искренне веря в то, что сюжет подсказан Пушкиным.

В октябре 1835 года он сообщил своему кумиру, что закончил работу над книгой и отправил ее на рассмотрение Московского цензурного комитета.

В письме к Плетневу от 7 января 1942 года Гоголь сетует на то, как воспринял книгу цензурный комитет: «Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название “Мертвые души”, – закричал голосом древнего римлянина: “Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души

не может быть, автор вооружается против бессмертия.” <...> Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензоры, что мертвые значит ревизские души, произошла еще большая кутерьма. “Нет, – закричал председатель и за ним половина цензоров. – Этого и подавно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревизская душа, – уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права”».

Гоголь в конце концов забрал свою рукопись из цензурного комитета...

В январе 1842 года в Москве гостил Белинский. Гоголь обратился к нему с просьбой захватить с собой рукопись в Петербург и посодействовать скорейшему прохождению ее через тамошние цензурные инстанции. Критик охотно согласился выполнить поручение писателя.

Композиционный план «Мертвых душ», как известно, гениально прост: поэма строилась как история «похождений Чичикова», который разъезжает по Руси и встречается с различными представителями помещичьего и чиновничьего мира. В своей «Авторской исповеди» Гоголь писал: «Пушкин находил, что сюжет “Мертвых душ” хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров».

Действительно, такое построение сюжета «Мертвых душ» позволило Гоголю показать Россию в ее социальном разрезе, во всем разнообразии ее общественных типов и характеров. Отсюда поразительное богатство портретной галереи Гоголя: Манилов, Собакевич, Коробочка, Ноздрев, Плюшкин, чиновники губернского города NN, Чичиков... С самых различных сторон раскрыта перед читателем моральная опустошенность, гнилость общества в тогдашней России. Недаром Пушкин, прослушав в чтении Гоголя несколько первых

глав «Мертвых душ», заметил: «Боже, как грустна наша Россия!»

Между тем, не только «казенная», чиновничья Россия, но и значительная часть российской интеллигенции восприняла творение Гоголя как издевку над российским обществом, как всеобщее его унижение. Писателя упрекали в том, что он намеренно вывел в своей книге одни только отрицательные, вызывающие отвращение образы, и в итоге читатель питает больше отвращения не к «жулику Чичикову», а ко всем остальным персонажам поэмы.

Обрушившиеся на Гоголя упреки и обвинения в конце концов привели к тому, что в нем стали происходить процессы психологического надлома, появилось чувство вины перед обществом. Гоголь оказался не в состоянии противодействовать тому давлению, которое все сильнее оказывало на него общество и особенно консервативные круги.

Трагедия великого писателя углублялась. В июле 1845 года он пишет письмо Смирновой-Россет, в котором признается: «... я не люблю своих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно “Мертвых душ”».

В таком настроении Гоголь продолжал работать над второй частью поэмы, но его не оставляли сомнения. Он даже отправился в Иерусалим, чтобы «прикоснуться к истокам веры». Правда, иногда у него наступали минуты просветления: художник словно брал в нем верх над «раскаявшимся грешником». Он уничтожал написанное, но затем вновь принимался за работу.

После Иерусалима Гоголь находился в Петербурге около месяца, а затем уехал в Москву, где снова засел за работу над второй книгой «Мертвых душ». Работа продвигалась медленно. Гоголь чувствовал, что для завершения книги ему необходимо освежить свои впечатления о России, ее людях, ее природе, словом, пополнить свои жизненные

наблюдения. Он совершает длительные поездки по стране. Затем снова садится за книгу. И еще больше испытывает горькую неудовлетворенность написанным.

Гоголь чувствовал, как с каждым днем иссякают его творческие силы. Изнуренный постоянными болезнями, он начинает думать о приближении смерти. Десятого февраля 1852 года Гоголь обратился к отставному генерал-майору А. П. Толстому, в доме которого жил в Москве, с просьбой спрятать у себя его рукопись. «На меня находят часы, когда все это хочется сжечь, – сказал он. – Но мне самому это было бы жаль».

Толстой, почитатель Гоголя, отказался взять рукопись, чтобы не утвердить Гоголя в мысли о приближающейся смерти. И напрасно: Гоголь сжег в камине почти все свои бумаги, среди которых находилась и рукопись второй книги «Мертвых душ». Из нее чисто случайно уцелело несколько черновых глав.

Болезнь Гоголя катастрофически прогрессировала. Он стал морить себя голодом, страдал от бессонницы, отказывался от медицинской помощи. Доведенный до крайней степени истощения, Гоголь скончался 21 февраля (4 марта) 1852 года в доме Толстого на Никитском бульваре. Там, в доме номер 7, до сих пор сохранился в нижнем этаже камин, в котором сгорели неопубликованные автором главы «Мертвых душ».

Его хоронили в Москве при огромном стечении народа. Как сообщал в письме один современник, жандармы предполагали, что умер какой-то важный граф или князь; они не могли представить, что хоронят писателя. Миллионы почитателей великого мастера скорбели о невозможной потере для отечественной литературы, но лишь один из них, писатель Владимир Сологуб, нашел слова утешения: «Гоголь ушел, но его живая душа осталась с нами».

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ...

К 135-летию со дня рождения А. А. Ахматовой,
одной из наиболее значимых фигур русской литературы XX века

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН

Осенью 1993 года в газете «Русская мысль», выходящей в Париже, был опубликован материал о Венецианской биеннале современного искусства, на которой впервые продемонстрировались работы Амедео Модильяни, в том числе двенадцать рисунков «ню» из коллекции его друга Александра Поля, в свое время оценившего талант молодого художника. И хотя под всеми этими рисунками стояла подпись «Неизвестная», люди, знакомые с русской литературой XX века, без труда узнали в изображенной женщине Анну Ахматову...

Не сразу, но благодаря усилиям специалистов, а также в немалой степени «Русской мысли» в лице ее редактора Арины Гинзбург, справедливость восторжествовала – мир узнал, кто вдохновил Амедео на создание этих рисунков. Иначе и быть не могло – ведь почти на каждом из них Ахматова изображена в профиль, не узнать который просто невозможно.

Встреча будущего знаменитого художника и молодой Анны Ахматовой произошла в мае 1910 года, спустя всего месяц после ее венчания с Николаем Гумилевым. Вероятно, с ее стороны это не был брак по любви – слишком долго она не решалась принять предложение

Анна Ахматова

поэта, а после согласия, данного в начале 1910 года, убеждала себя в том, что сделала правильный выбор: «Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Гумилева. Он любит меня уже три года, и я верю, что моя судьба – быть его женой. Люблю ли я его, не знаю, но кажется мне, что люблю».

Молодожены отправились в свадебное путешествие, и, видимо, именно в Париже, в знаменитом кафе «Ротонда», где собиралась литературная и художественная богема французской столицы, Анна

и Амедео впервые увидели друг друга.

Молодой художник не мог не обратить внимания на Ахматову. Была в ней какая-то особенная красота, и даже не красота в обычном понимании этого слова, а, скорее, необыкновенная выразительность и притягательность всего ее облика.

Вот какой видел ее литературовед и писатель Николай Недоброво: «Просту красивой назвать ее нельзя, но внешность ее настолько интересна, что с нее стоит сделать и леонардовский рисунок, и гейнсборговский портрет маслом, и икону темперой, а пуще всего поместить ее в самом значащем месте мозаики, изображающей мир поэзии...»

«Она была очень красива, все на улице заглядывались на нее. Мужчины, как это принято в Париже, вслух выражали свое восхищение, женщины с завистью обмеривали ее глазами. Она была высокая, стройная и гибкая... На ней было белое платье и белая широкополая соломенная шляпа с большим белым страусовым пером – это перо ей привез только что вернувшийся тогда из Абиссинии ее муж – поэт Н. С. Гумилев», – вспоминала Надежда Чулкова, которая была дружна с Ахматовой. Кстати, ахматовское стихотворение «Перед весной бывают дни такие»

родилось из спора поэтессы с Чулковой о том, что настоящий поэт должен писать не только о любви, но и на другие темы.

Модильяни тоже выделялся среди посетителей «Ротонды» – и не только потому, что на нем были куртка и брюки невысшимого яркого желтого цвета. «У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами, – он был совсем не похож ни на кого на свете», – запишет позже Ахматова.

Художник решил попросить у Ахматовой разрешения написать ее портрет и получил согласие. Так начался роман будущего великого художника и начинающей поэтессы.

Потом, после возвращения в Россию, были письма Модильяни, ревность Гумилева и внезапная поездка-побег Ахматовой в Париж, где она проведет три месяца и навсегда сохранит в своей памяти бодлеровский Париж Амедео...

Ахматова о Модильяни

Я очень верю тем, кто описывает его не таким, каким я его знала, и вот почему. Во-первых, я могла знать только какую-то одну сторону его сущности (сияющую) – ведь я просто была чужая, вероятно, в свою очередь, не очень понятная двадцатилетняя женщина, иностранка; во-вторых, я сама заметила в нем большую перемену, когда мы встретились в 1911 году. Он весь как-то потемнел и осунулся.

В 10-м году я видела его чрезвычайно редко, всего несколько раз. Тем не менее он всю зиму писал мне. Что он сочинял стихи, он мне не сказал.

Как я теперь понимаю, его больше всего поразило во мне свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли. Он все повторял: «*Op communique*» (О, передача мыслей). Часто говорил:

«*Il n'y a que vous pour realiser cela*» (О, это умеете только вы).

Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь: все, что происходило, было для нас обоих предисторией нашей жизни: его – очень короткой, моей – очень длинной. Дыхание искусства еще не обуглило, не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом. И все божественное в Амедео только искрилось сквозь какой-то мрак.

У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами, – он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его ничем, и было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания.

Жил он тогда (в 1911 году) в *Impasse Falguiere* (в тупике Фальгьера). Беден был так, что в Люксембургском саду мы сидели всегда на скамейке, а не на платных стульях, как было принято. Он вообще не жаловался ни на совершенно явную нужду, ни на столь же явное непризнание. Только один раз в 1911 году он сказал, что прошлой зимой ему было так плохо, что он даже не мог думать о самом ему дорогом.

Он казался мне окруженным плотным кольцом одиночества. Не помню, чтобы он с кем-нибудь раскланивался в Люксембургском саду или в Латинском квартале, где все более или менее знали друг друга. Я не слышала от него ни одного имени знакомого, друга или художника, и я не слышала от него ни одной шутки. Я ни разу не видела его пьяным, и от него не пахло вином. Очевидно, он стал

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.
Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странную
И застывшей улыбаемся?
Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

1911 г.

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!
Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»
Эта песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

1911 г., Париж

В синеватом Париж тумане,
И наверно, опять Модильяни
Незаметно бродит за мной.
У него печальное свойство
Даже в сон мой вносить
расстройство
И быть многих бедствий виной.
Но он мне – своей Египтянке...
Что играет старик на шарманке?
А под ней весь парижский гул.
Словно гул подземного моря, –
Этот тоже довольно горя
И стыда и лиха хлебнул.

Из черновика
«Поэмы без героя»
(1940–1962)

Анна Ахматова на рисунке Модильяни. 1911

пить позже, но гашиш уже как-то фигурировал в его рассказах. Очевидной подруги жизни у него тогда не было. Он никогда не рассказывал новелл о предыдущей влюбленности (что, увы, делают все). Со мной он не говорил ни о чем земном. Он был учтив, но это было не следствием домашнего воспитания, а высоты его духа.

В это время он занимался скульптурой, работал во дворике возле своей мастерской (в пустынном тупике был слышен стук его молотка) в обличии рабочего. Стены его мастерской были увешаны портретами невероятной длины (как мне теперь кажется – от пола до потолка). Воспроизведения их я не видела – уцелели ли они? – Скульптуру свою он называл *la chose* («вещь») – она была выставлена, кажется, у *Independants* («Независимых») в 1911 году. Он попросил меня пойти посмотреть на нее, но не подошел ко мне на выставке, потому что я была не одна, а с друзьями. Во время моих больших пропаш исчезла и подаренная им мне фотография этой вещи.

В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр

смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное (*tout le reste*) недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц и казался совершенно захвачен великим искусством Египта. Очевидно, Египет был его последним увлечением. Уже очень скоро он становится столь самобытным, что ничего не хочется вспоминать, глядя на его холсты. Теперь этот период Модильяни называют *Periode negre*.

Он говорил по поводу моих африканских бус: *«Les bijoux doivent etre sauvages»* (Драгоценности должны быть дикарскими), – и рисовал меня в них. Водил меня смотреть *le vieux Paris derriere le Pantheon* (старый Париж за Пантеоном) ночью при луне. Хорошо знал город, но все-таки мы один раз заблудились. Он сказал: *«J'ai oublie qu'il y a une ile au milieu»* (Я забыл, что посередине находится остров {Святого Людовика}). Это он показал мне настоящий Париж.

По поводу Венеры Милосской говорил, что прекрасно сложенные женщины, которых стоит лепить и писать, всегда кажутся неуклюжими в платьях.

В дождик (в Париже часто дожди) Модильяни ходил с огромным очень старым черным зонтом. Мы иногда сидели под этим зонтом на скамейке в Люксембургском саду; шел теплый летний дождь, около дремал *le vieux palais a l'Italienne* (старинный дворец в итальянском стиле), а мы в два голоса читали Верлена, которого хорошо помнили наизусть, и радовались, что помним одни и те же вещи.

Я читала в какой-то американской монографии, что, вероятно, большое влияние на Модильяни оказала Беатриса Х., та самая, которая называет его *«perle et porceau»* (жемчужина и поросенок). Могу и считаю необходимым засвидетельствовать, что ровно таким же просвещенным Модильяни был уже задолго до знакомства с Беатрисой Х., т. е. в 10-м году. И едва ли дама, которая называет великого художника поросенком, может кого-нибудь просветить.

Люди старше нас показывали, по какой аллее Люксембургского сада Верлен, с оравой почитателей, из «своего кафе», где он ежедневно витийствовал, шел в «свой ресторан» обедать. Но в 1911 году по этой аллее шел не Верлен, а высокий господин в безукоризненном сюртуке, в цилиндре, с ленточкой «Почетного легиона», – а соседи шептались: «Анри де Рень!»

Для нас обоих это имя никак не звучало. Об Анатоле Франсе Модильяни (как, впрочем, и другие просвещенные парижане) не хотел и слышать. Радовался, что и я его тоже не любила. А Верлен в Люксембургском саду существовал только в виде памятника, который был открыт в том же году. Да, про Гюго Модильяни просто сказал: *«Mais Hugo – c'est declamatoire?»* (Но Гюго – декламатор?).

Как-то раз мы, вероятно, плохо поговорились, и я, зайдя за Модильяни, не застала его и решила подождать его несколько минут. У меня

в руках была охапка красных роз. Окно над запертыми воротами мастерской было открыто. Я, от нечего делать, стала бросать в мастерскую цветы. Не дождавшись Модильяни, я ушла.

Когда мы встретились, он выразил недоумение, как я могла попасть в запертую комнату, когда ключ был у него. Я объяснила, как было дело. «Не может быть – они так красиво лежали...»

Модильяни любил ночами бродить по Парижу, и часто, заслышав его шаги в сонной тишине улицы, я, оторвавшись от стола, подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами...

То, чем был тогда Париж, уже в начале 20-х годов называлось *«vieux (старый) Paris»* или *«Paris avant guerre»* (довоенный). Еще во множестве процветали фиакры. У кучеров были свои кабачки, которые назывались *«Au rendez-vous des cochers»* («Встреча кучеров»), и еще живы были мои молодые современники, которые скоро погибли на Марне и под Верденом. Все левые художники, кроме Модильяни, были признаны. Пикассо был столь же знаменит, как сегодня, но тогда говорили: «Пикассо и Брак». Ида Рубинштейн играла Соломею, становились изящной традицией дягилевские *Ballets Russes* (Стравинский, Нижинский, Павлова, Карсавина, Бакст).

Мы знаем теперь, что судьба Стравинского тоже не осталась прикованной к десятым годам, что творчество его стало высшим музыкальным выражением духа XX века. Тогда мы этого еще не знали. 20 июня 1910 года была поставлена «Жар-птица». 13 июня 1911 года Фокин поставил у Дягилева «Петрушку».

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер,

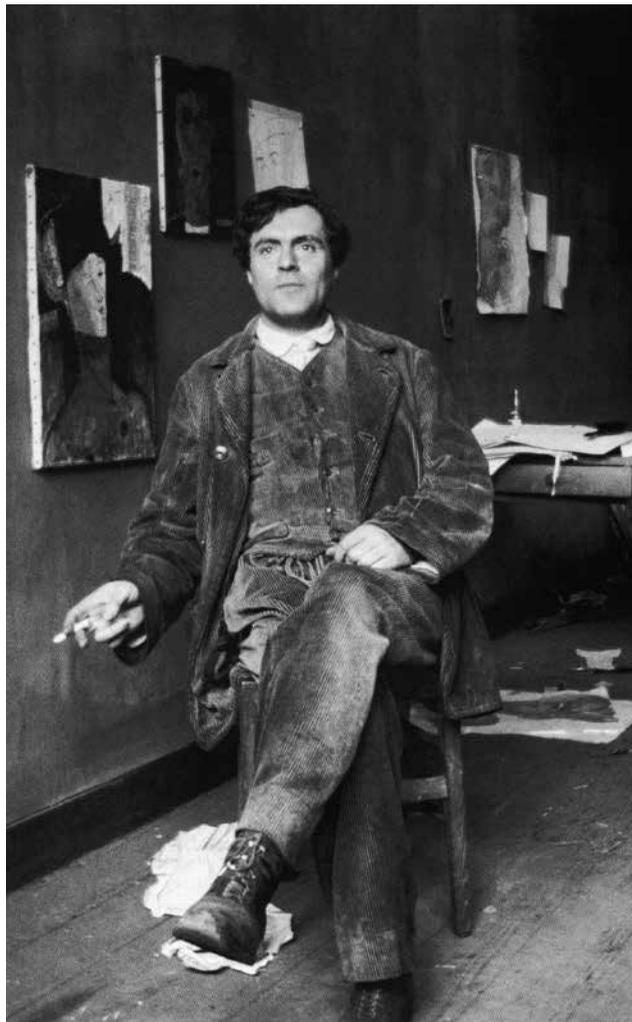

Автопортрет Амедео Модильяни. 1919

друг Эдисона, показал мне в *Taverne de Pantheon* (кабачке Пантеон) два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы – тут большевики, а там меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (*jupes-culottes*), то почтительно пеленали ноги (*jupes entravees*).

Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Рене Гиль проповедовал «научную поэзию», и его так называемые

Амедео Модильяни в своей парижской мастерской в 1915 году

ученики с превеликой неохотой слушали мэтра.

Католическая церковь канонизировала Жанну д'Арк.

*Et Jehanne, la bonne Lorraine,
Qu'Anglois brulerent a Rouen...*
(И добрая Жанна из Лотарингии,
сожженная англичанами в Руане...)

Я вспомнила эти строки бессмертной баллады, глядя на статуетки новой святой. Они были весьма сомнительного вкуса, и их начали продавать в лавочках церковной утвари.

Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи,

и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса, а это были только первые робкие попытки (например, в «Аполлоне» 1911 г.). Над «аполлоновской» живописью («Мир искусства») Модильяни откровенно смеялся.

Меня поразило, как Модильяни нашел красивым одного заведомо некрасивого человека и очень настаивал на этом. Я уже тогда подумала: «Он, наверно, видит все не так, как мы».

Во всяком случае, то, что в Париже называют модой, украшая это слово роскошными эпитетами, Модильяни не замечал вовсе.

Рисовал он меня не с натурой, а у себя дома, – эти рисунки дарил мне. Их было шестнадцать. Он просил, чтобы я их окантовала и повесила в моей комнате. Они погибли в царскосельском доме в первые годы революции. Уцелел один, в нем, к сожалению, меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие «ню»...

Больше всего мы говорили с ним о стихах. Мы оба знали очень много французских стихов: Верлена, Лафорта, Малларме, Бодлера.

Данте он мне никогда не читал. Быть может, потому, что я тогда еще не знала итальянского языка.

Как-то раз сказал: *“J'ai oublié de vous dire que je suis juif”* (Я забыл вам

сказать, что я еврей). Что он родом из-под Ливорно – сказал сразу, и что ему двадцать четыре года, а было ему двадцать шесть.

Говорил, что его интересовали авиаторы (по-теперешнему – летчики), но когда он с кем-то из них познакомился, то разочаровался: они оказались просто спортсменами (чего он ждал?).

В это время ранние, легкие и, как всякому известно, похожие на этажерки аэропланы кружились над моей ржавой и кривоватой современной башней. Она казалась мне похожей на гигантский подсвечник, забытый великаном среди столицы карликов. Но это уже нечто гулливеровское.

... а вокруг бушевал недавно победивший кубизм, оставшийся чуждым Модильяни.

Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск, а по парижским бульварам разгуливало в качестве неизвестного молодого человека еще не взошедшее светило – Чарли Чаплин. «Великий немой» еще красноречиво безмолвствовал.

«А далеко на севере»... в России умерли Лев Толстой, Врубель, Вера Комиссаржевская, символисты объявили себя в состоянии кризиса, и Александр Блок пророчествовал в стихах: *«О, если б знали, дети, вы // Холод и мрак грядущих дней...»* и *«Земле несущий динамит...»* и в прозе: *«Когда Великий Китай двинется на нас...»* (1911 г.).

Три кита, на которых ныне покоится ХХ век, – Пруст, Джойс и Кафка – еще не существовали как мифы, хотя и были живы как люди.

В следующие годы, когда я, уверенная, что такой человек должен просиять, спрашивала о Модильяни у приезжающих из Парижа, ответ был всегда одним и тем же: «Не знаем, не слышали». Его не знали ни А. Экстер (художница, из школы которой вышли все

«левые» художники Киева), ни Б. Анреп (известный мозаичист), ни Н. Альтман, который в эти годы (1914–1915) писал мой портрет.

Только раз Н. С. Гумилев, когда мы в последний раз вместе ехали к сыну в Бежецк (в мае 1918 г.) и я упомянула имя Модильяни, назвал его «пьяным чудовищем» или чем-то в этом роде и сказал, что в Париже у них было столкновение из-за того, что Гумилев в какой-то компании говорил по-русски, а Модильяни протестовал. А жить им обоим оставалось примерно по три года, и обоим ждала громкая посмертная слава.

К путешественникам Модильяни относился пренебрежительно. Он считал, что путешествие – это подмена истинного действия. *“Les chants de Maldoror”* («Песни Мальдорора») постоянно носил в кармане; тогда эта книга была библиографической редкостью. Рассказывал, как пошел в русскую церковь к пасхальной заутрене, чтобы видеть крестный ход, так как любил пышные церемонии. И как некий, «вероятно очень важный господин» (надо думать – из посольства) похристосовался с ним. Модильяни, кажется, толком не разобрал, что это значит...

Мне долго казалось, что я никогда больше о нем ничего не услышу... А я услышала о нем очень много...

В начале нэпа, когда я была членом правления тогдашнего Союза писателей, мы обычно заседали в кабинете Александра Николаевича Тихонова (Ленинград, Моховая, 36, издательство «Всемирная литература»). Тогда снова наладились почтовые сношения с границей, и Тихонов получал много иностранных книг и журналов. Кто-то (во время заседания) передал мне номер французского художественного журнала. Я открыла – фотография Модильяни... Крестик... Большая статья типа некролога; из нее я узнала, что

Памятник Анне Ахматовой в Санкт-Петербурге

он – великий художник ХХ века (помнится, там его сравнивали с Боттичелли), что о нем уже есть монографии по-английски и по-итальянски.

Потом, в тридцатых годах, мне много рассказывал о нем Эренбург, который посвятил ему стихи в книге «Стихи о канунах» и знал его в Париже позже, чем я. Читала я о Модильяни и у Карко, в книге «От Монмартра до Латинского квартала», и в бульварном романе,

где автор соединил его с Утрилло. С уверенностью могу сказать, что это существо на Амедея десятого-одиннадцатого годов совершенно не похоже, а то, что сделал автор, относится к разряду запрещенных приемов.

Теперь у нас его знают все люди, интересующиеся современным искусством, а за границей он так знаменит, что ему посвящен фильм «Монпарнас, 19».

Болишево, 1959 – Москва, 1964

АЛХИМИК СЛОВА

Владимир Набоков: «Многообразие изображает, должно быть, следы на цыпочках ушедших слов»

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Памятник Владимиру Набокову в швейцарском городе Монтре, где писатель провел последние годы своей жизни

Черный бархат стихов Набокова... Узоры на шелке таинственно мерцающих текстов... Тайна в нежность окрашенных слов, вспыхивающих сложно составленными огнями. Красиво. Очень красиво.

Строгие и изящные, стихи Набокова возвращены умело, и, красиво встроенные в российский поэтический космос, мерцают они холодновато-медовым огнем...

Исполненные со свободой полета бабочки, они отчасти оранжерейны: не столько жизнь плещется в них, сколько плетутся литературные тени. Но как красиво это плетение!

Отблески символизма, покорившего молодого Набокова, и вспышки акмеизма, где конкретика важнее ощущений... Или ощущение и есть основа всего? Разве стихи должны быть наполнены, загромождены

жизнью? Пусть в них играет скрипками и органами литература – так ярче проявляется вся красота мироздания.

Но раскрываются лепестки боли и отчаяния, показывая сердцевину маленького шедевра:

*Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
я сам с собою говорю.
И в разговоре каждой ночи
сама душа не разберет,
мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка растет...*

Ибо таинственный рост музыки и есть сущность всякого стиха – музыки, обогащенной смыслом, умноженной на реальность, известную писателю, и только ему.

И вдруг – ритмы ломаются, кубизм раскалывает реальность, наполняя ее собственными видениями:

*Сложим крылья наших видений.
Ночь. Друг на друга дома углами
валяются. Перешиблены тени.
Фонарь – сломанное пламя.
В комнате деревянный ветер косит
мебель. Зеркалу удержат трудно
стол, апельсины на подносе.
И лицо мое изумрудно.*

Два варианта отношения к детству: утраченный волшебный рай, как у Набокова, и школа неуверенности, как у Бродского.

Конечно, варианты слишком разнятся, чтобы можно было найти общие линии: в первом случае хочется вернуться, чтобы остаться

там навсегда (кто ж добровольно из рая-то бежит?), во втором – поскорее уйти и забыть.

Одно из косвенных доказательств того, что бытие определяет сознание, в то время как сознание влияет на него довольно слабо, если вообще как-то влияет, – это роскошное, барское, предельно теплое и радужное детство Набокова, и коммунальный, полунищий кошмар, выпавший на долю Бродского.

Кажется, рассказ более соответствовал причудливо-изогнутому, изощренному мастерству Набокова: роман все же должен вдвигаться в пространство действительности большею силой, чем может предложить бесконечный бисер слов, сколь бы красиво он ни был организован и рассыпан по страницам.

«Игра в бисер», безусловно, была чужда Набокову, хотя сам он играл отменно – затмил бы Йозефа Кнехта легко. А вот в «Истреблении тиранов» плотная фактура исследования феномена власти, данная с такой же стилистической изощренностью, как во всех набоковских вещах, великолепа: хоть и не просматривается выход – не смех же, право слово, считать тираноборцем...

Но какова крутизна черной лестницы и бессмыслица железной жакеты, показанные им в рассказе: дух захватывает от плотных панорам гипотетической жизни властителя.

И совершенно феноменально показано зарождение фашизма в рассказе «Королек» – тут язык якобы проще, нет того космического, невероятного словесного витя, а персонажи, наплывающие на читателя, Антон и Густав, нуждаются только в смене одежды на форму СС...

Всякое насилие ненавистно: жестокость, ксенофобия, преклонение перед богатенькими – от всего этого дорога к торжествующему фашизму прокладывается быстро, народ не успеет заметить как.

Эстетизм Владимира Набокова носил этический окрас: вне поля

эстетики не может быть ничего высокого, благородного, чистого, светлого...

У него много героев, самых разных: стержневых, проходных, часто эпизодических (как в финале «Дара», где внушительный паноптикум собирается на заседании литераторов). И все они представлены с такой яркостью, что увидишь их отчетливее, нежели собственного соседа. Однако глобальных образов – вровень с Чичиковым и Раскольниковым нет. Не хватает чего-то, на волос, может быть, отделяющего от подобного воплощения.

В «Ульгима Тхуле» даются рассуждения о сущности вещей: читай мира – с таким софистическим блеском, что кажется Набоков разгадал тайну самого главного. Однако софистика оставляет за бортом возможность разгадки...

В книгах Набокова много печали и много бодрости, избыточно фантазии и деталей мира, всегда увиденных так, как не видел никто. Бесконечное витие словес – красивое, изощренное, дающее столько деталей, открытий, иногда и откровений там, где не ждешь. Как неистово он строит, выписывает свой мир, как втягивает читателя в этот водоворот...

Мнится, и прочая литература ему была не очень нужна: ему, громоздившему свой дворец: роскошный, пусть с некоторыми изъянами, но чего не бывает при таком размахе строительства!

Платоновских каменных, либо из глины сделанных людей Набоков не знал, и знать не хотел... Барин, ученый, эстет, интеллектуал, мелиоратор, прогрызающий словарь ради волшебных глубин, которые непременно должны открыться.

Феномен цветового восприятия литературы не объяснить, он не докажем, но достаточно перечитать книгу рассказов Набокова «Весна в Фиальте», чтобы убедиться

в реальных связях текста и цвета. Все переливается лилово, играет фиолетовыми оттенками, то смугло мерцает литым золотым, то льется лепной небесной синью.

Каждая улочка, выливающаяся из любого рассказа, солнечно оживает или падает в глубину траурной пустоты; каждый автомобиль (красный автокар из фантазмагорического «Посещения музея», к примеру) словно проезжает перед вами, храня свою начинку так, что и она становится ощутимой.

Роман-скандал, роман о запретной любви, роман – словесная симфония, роман о Лолите... Хорошо ли сделаны Гумберт и Лолита? Совершенно неважно: важны завихрения фраз, их повороты, их комбинации; важны предметы, возникающие внутри повествования, бабочки эпитетов и причудливые метафоры. Важно волхование, словесное волшебство, алхимические сосуды слов.

Набоков гуще и плотнее раскрывался в рассказе: роман – в традиционном русском понимании – требует большой идеи, осмысления истории или построения персонажа как отдельной, великолепной истории (Обломов, например), а Набоков – щеголь и чародей – всего этого терпеть не мог, так как мешало частному предпринимательству его языка, приносившему немислимые дивиденды словесной красоты. Была ли в этом гармония? Сложно сказать, но до чего же увлекательно следить за тончайшими извилями и поворотами словесных каналов...

Набокову не хватает многого до громады, всевидения и большой совести Толстого, до не любимого им провидца и мученика Достоевского, до кристаллов ясности Чехова, равно как и до взвихренной, сверхвыразительной прозы Гоголя... Но едва ли кто-то писал по-русски более роскошно, чем Владимир Набоков.

ВЫБОР ЮРИЯ БОНДАРЕВА

«Литература – это вторая действительность, но созданная человеком»

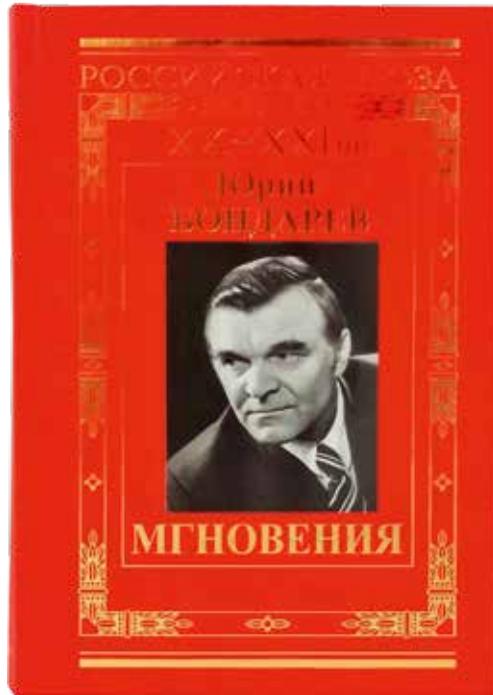
Беседу вел ВАЛЕРИЙ СДОБНЯКОВ
(«Литературная газета», № 24, 2009)

В просторном, светлом кабинете на даче Юрия Васильевича Бондарева, где мы беседуем, среди книг, картин, фотографий по-домашнему уютно. Здесь были написаны романы, которые в 70–80-е годы прошедшего века читала вся страна, по которым ставили спектакли, снимали фильмы.

– Юрий Васильевич, я из того поколения, которое входило в литературу, находясь под огромным впечатлением от ваших военных повестей «Последние залпы», «Батальоны просят огня», романов «Тишина», «Горячий снег», а затем «Берег», «Выбор». В них центральная тема – война. Почему она оказала такое влияние на нашу литературу?

– Война всколыхнула весь мир, а после глобальных катаклизмов возникает движение и в искусстве. Это непреложный закон. После таких потрясений искусство ускоряет движение, ибо человеческие чувства предельно обостряются, и свобода, мужество, жертвенность, ненависть, любовь, святость, нравственность, сопротивление несправедливости начинают являть собою главную ценность жизни. И тогда человек многое по-иному оценивает. По моему убеждению, периоды мировых катаклизмов способствуют побуждению человека к познанию истины, свободы и безопасности, к защите от несправедливости.

– Человек еще и духовен. И все его проблемы идут от духовных смут, духовной неустроенности и духовных заблуждений.

– Да, есть духовные составляющие человеческой жизни. Мужество, любовь, самопожертвование – это духовные качества, которые питают совесть и нравственность. Без нравственности немислимы самопознание и совершенствование человека, о чем всегда, кстати, говорил Лев Николаевич Толстой. Но сейчас мы не будем углубляться в философию Толстого. Скажем лишь, что нет литературы без писательского опыта, памяти и воображения. Если есть опыт, но нет воображения – то нет и литературы. Если есть воображение, но нет опыта – тоже литературы нет. Если же попытаться дать определение единой формулой, то литература – это вторая действительность, но созданная человеком. Однако

действительность эта не зеркальная, а напоминающая отражение леса в воде. Согласитесь: лес в воде – это не совсем тот лес, который на берегу. Почему? Да потому что это рождает мысли. Вспомните сейчас берег и лес, отраженный в воде. Это же какое-то чудо, правда?

– Конечно. Потребность человека в настоящей литературе была всегда и останется навсегда. То, что происходит сегодня, – это целенаправленное понижение значимости художественного слова. Как сейчас обращаются с языком, как его коверкают, сколько в печатных текстах ненормативной лексики... В то же время литературе истинно художественной и глубоко нравственной чинятся всевозможные препоны.

– Совершенно верно. В свои юбилейные дни я получил много писем от читателей (интервью проводилось в связи с 85-летним юбилеем писателя. – Прим. ред.). Из одного района пишут, что в библиотеках смогли отыскать лишь несколько моих книг. А они в Советском Союзе изданы были в общей сложности в двадцати пяти миллионах экземпляров. И сейчас потребность в нашей литературе есть, люди читают. Но вот что грустно – из множества писем только десятком написан молодыми людьми. В основном читают люди старшего поколения. Молодежь, и в этом вы правы, уже сильно развращена телевизором, коммерческими средствами массовой информации, которые ни о чем не стесняются рассказывать. А в молодые

годы все воспринимается чрезвычайно остро, с доверием.

– Юрий Васильевич, ведь вот вы, как и все ваше поколение, вошли в литературу с очень жесткими, даже жестокими произведениями, в которых описывалась война с ее кровью, смертями, разрушениями... Но как они духовно поднимали, возвышали людей, делали их нравственно чище, возвышеннее... Когда я перечитывал вашу первую повесть, то невольно задавался вопросом – откуда это все у вас, как вы смогли справиться с навалившимся на вас материалом?.. Ведь вы написали «Батальоны просят огня», будучи очень молодым человеком.

– А вы разве знаете, откуда приходят слова?.. Все начинается с какого-то одного, возможно, случайно услышанного слова. За ним возникает второе, третье, двадцатое и так далее, и так далее. Это невозможно объяснить. Но я думаю, что процесс писания имеет и какое-то мистическое свойство. Ведь трудно объяснить порой, как написано то или иное стихотворение. Может быть, оттого, что возникло какое-то настроение, затем – мысль. Да, главное все-таки настроение.

– Талант – это чудо и великая тайна. Что вы думаете по этому поводу?

– Составляющие таланта – смелость, великодушие, мужество, честность и т.д. Все это уже есть в человеке, в его генах. Оно уходит [корнями] к прадедам нашим и дальше, дальше... Скажем, давным-давно жил человек, который воспринимал лес не как дрова, а еще и несколько иначе. Тоньше, любовнее, красочнее. У пишущего же человека происходит в определенном возрасте толчок, благодаря которому заложенное очень давно в генах должно однажды пробудиться. Я очень обязан своей маме за то, что она с детства приучала нас, своих детей, которых у нее было трое, к литературе. Она читала

нам сказки, детские книги, много рассказывала. Затем мне повезло и со школьной учительницей. Где-то в шестом или седьмом классе она дала задание написать сочинение о прошедшем лете. И вдруг на уроке русского языка эта учительница зачитывает классу мое сочинение. А затем после урока в коридоре она мне говорит: «Юра, у тебя есть литературные способности. Поэтому, когда читаешь книги, то присматривайся, как описывается природа, выстраивается сюжет». Я, конечно, этого не делал, но все-таки учительница что-то во мне пробудила. Ну а потом, после войны, вечерами отдыхая от не очень трезвых встреч, на которых мы, фронтовики, праздновали Победу, я написал первый свой рассказ. Так началась эта моя «болезнь», которая продолжается и по сию пору.

– После первого рассказа дальнейший путь оказался предопределенным?

– Да, потом я написал повесть о войне, которая была потеряна. Она была ученической, но в смысле конфликтов и в отношениях героев было все правдиво, как на войне. Литературный институт, который я окончил, писать никогда и никогда не научит. Я учился в семинаре Паустовского. Это был замечательный человек. Я до сих пор отношусь к нему с глубоким почтением. Он научил нас любить слово. И еще вот что было одним из самых главных – Паустовский приучал нас начинать рассказ только тогда, когда мы понимали, что уловили настроение... И я глубоко убежден: главное для писателя – это работать, работать и еще раз работать. А работать надо даже тогда, когда не очень хочется. Не заставлять себя, нет. Но стол – это магнит. Стоит за него сесть, написать несколько фраз, и написанные фразы уже заставляют тебя двигаться дальше, думать.

– А страх перед чистым листом бумаги вы испытываете,

когда начинаете писать новое произведение?

– Одно время я это переживал очень серьезно, месяца два ничего не мог писать. Тогда мне казалось, что все, что я делаю, не то и не так. Потом это состояние прошло. Но эти периоды пустоты и сомнений, видимо, неизбежны и бывают почти у каждого пишущего.

– Можно ваше творчество разделить на три определенных периода? Я понимаю всю условность этого деления, но все-таки. Первый – это ваша военная проза до «Горячего снега». Второй, где кроме войны показана современная действительность – «Берег», «Выбор». В третьем периоде вы полностью уходите в «кипучую современность» – «Игра», «Искушение», «Бермудский треугольник», «Без милосердия».

– Можно так, конечно, разделить. Хотя война у меня присутствует практически во всех романах. Разве что в самых последних ее нет. И это потому, что сюжеты слишком далеко ушли от того времени.

– Юрий Васильевич, и в заключение несколько слов напутствия нашим читателям.

– Я хотел бы сказать только одно. Как только человек отстраняется от литературы, он теряет очень многое в самом себе. Потому что литература – не только познание внешнего мира, внешней жизни. В первую очередь это познание самого себя. Если литература никак не воздействует на читателя (а такая есть), это литература пустоты. Поэтому читать надо хорошие книги, находить для этого время, отрывать его даже от сна, от любимого многими телевизора и прочих атрибутов современной цивилизации, которые рожают в человеке инертность мышления и поступков, ленивое отношение к жизни и ожидание, что кто-то за нас все сделает. Потому я призываю любить книгу, великую русскую литературу.

ЗНАМЕНИТЫЙ ЖИТЕЛЬ БОЛЬЕ ВСЕЛЕНСКОГО МАСШТАБА

С 1 апреля 1889 года монумент, воздвигнутый на Марсовом поле, носит имя Эйфеля, хотя сам он до конца жизни называл его «трехсотметровой башней»

АЛИСА ДАНШОХ

Почти у каждой страны есть некий национальный архитектурный символ, который известен подавляющему большинству жителей планеты. Например, Биг-Бен в Великобритании, Кремль в России, Запретный город в Китае, статуя Свободы в Америке и Эйфелева башня во Франции. Однако далеко не все знают, что лишь одному-единственному человеку удалось поучаствовать в создании сразу двух национальных символов – статуи Свободы в Нью-Йорке и трехсотметровой железной башни в Париже. Интересно, что к внешнему облику обоих сооружений он не имел никакого отношения, зато отвечал за внутренние конструкции. Десять лет отделяет появление первого памятника от второго. Можно сказать, что американская 46-метровая металлическая леди стала прелюдией к следующему замыслу и в какой-то степени его генеральной репетицией.

За обеих дам ответственность несет инженер Эйфель, спроектировавший и построивший сотни мостов и виадуков. В первую очередь

Александр Гюстав Эйфель. 1893

он всегда думал о необходимости своих работ для окружающих, и если потребность мостов ни у кого не вызывает сомнений, то какая польза от двух железных штуквин, даже если одна посвящена свободе, а другая – завоеванию революционных демократических ценностей? Эйфель сделает все возможное, чтобы обе служили человеку и обществу. Один только престиж чего

стоит! Мне кажется, что Гюстав Эйфель заслужил несколько добрых слов в свой адрес.

Итак, 15 декабря 1832 года в городе Дижоне в благопорядочной буржуазной семье родился мальчик Гюстав Эйфель. Родни с обеих сторон у него было предостаточно, и некоторые дядюшки, тетуски и кузены оказали на Гюстава весьма положительное влияние. Например, кузен Ребуль, работавший в Парижской обсерватории, заинтересовал юношу астрономией, что привело впоследствии к возведению Эйфелем в Ницце самого большого в ту пору купола обсерватории. От дяди-винодела, в доме которого Гюстав часто бывал и где вкусно кормили, он унаследовал вкус к хорошему вину и изысканной еде.

Юный Эйфель учился легко, ему одинаково хорошо давались как гуманитарные, так и естественные дисциплины. Дополнительно он брал уроки рисования, математики, танца, ибо мальчики из приличных семей непременно должны были уметь танцевать. С особым удовольствием Гюстав занимался

в спортивном зале. Родители любимому единственному сыну ни в чем не отказывали и тратили на него денег значительно больше, чем на дочерей. Благодарный сын ценил материальную помощь и к отцу и матери относился с глубоким почтением. Он мог служить образцом преданного семейным ценностям сына и брата, что не мешало ему манипулировать родичами. Гюстав легко со всеми ладил, обладал уравновешенным характером и прекрасным чувством юмора, без всякой злости, поэтому никто на него не обижался. Поступки его всегда были обдуманны и взвешенны. От матери ему досталось невероятное трудолюбие, от отца – честность, верность долгу, а от далеких немецких предков – основательность и настойчивость. Гюстав тактично никогда не показывал

своего превосходства и всегда подчеркивал заслуги других.

После окончания лицея в Париже Гюстав два раза пытается поступить в престижную Ecole Polytechnique и оба раза неудачно. Он останавливает свой выбор на Ecole Centrale, которая готовила инженеров широкого профиля, и заканчивает ее с прекрасными результатами.

На середину XIX века приходится бурный рост технического прогресса. В моду входят всемирные индустриальные выставки, где можно познакомиться с новейшими достижениями, увидеть все собственными глазами, а заодно и «пощупать», образно говоря. Как никогда профессия инженера становится и модной, и престижной, так что Гюстав Эйфель сделал правильный выбор. У него есть все качества, чтобы

преуспеть, и единственное, чего ему не хватает, так это деньги, чтобы основать собственную фирму. На помощь приходят родители. Их средства помогают купить недалеко от Парижа участок земли, построить собственные мастерские и организовать свое конструкторское бюро. Эйфель специализируется на строительстве мостов и виадуков. На его счету десятки километров мостов по всему миру: в Испании, Португалии, Грузии, Алжире, в Индокитае, Поднебесной и повсюду в Латинской Америке. К сожалению, из-за интриг завистников в Петербурге отказались от проекта Эйфеля, предложившего свой вариант Троицкого моста. Однако «русский подарок» Парижу – мост Александра III – не обошелся без его помощи и очень украсил город на Сене.

Портрет Гюстава Эйфеля работы Эме Мора. 1905

Само собой разумеется, что наибольшее количество переправочных сооружений, сконструированных Эйфелем, находится во Франции. Однажды нам с друзьями выпала возможность воспользоваться уникальным мостом гениального инженера. Мост помог нам пересечь реку Луару во время путешествия по Бриарскому каналу, соединяющему Сену с Луарой. Поскольку мы передвигались по каналу на барже, напоминающей комфортабельный мини-отель, то по мосту Эйфеля мы не прошли и не проехали. Мы по нему проплыли под аплодисменты шагавших рядом пешеходов и остановившихся велосипедистов, с любопытством наблюдавших за плывущим посередине моста суденышком. Не знаю, как у окружающих, но у нас от шестисот шестидесяти двух метров Бриарского

внимания, и, судя по взглядам, нам очень даже завидовали. Пока пешеходы, разомлевшие от августовской жары, с трудом переставляли ноги, мы восседали в креслах под тентом на палубе баржи с бокалами холодного белого вина. Поравнявшись с группой усталых туристов, с изумлением нас разглядывавших, мы перегнулись через борт, вручили им бутылку охлажденного вина и предложили выпить за прекрасную Францию. Они радостно приняли дар и, с невероятной скоростью разлив содержимое бутылки по бумажным стаканчикам, крикнули: «Vive la France!» Если бы знакомство с Бриарским мостом, имеющим вполне уловимое сходство с парижским братом, носящим имя русского царя, произошло сегодня, то я бы обязательно воскликнула: «Да здравствует Гюстав Эйфель!»

моста остались восторженные воспоминания. Нас сопровождало ощущение не реальности происходящего. Казалось, мы случайно попали на съемки рекламного сюжета о достопримечательностях французской провинции.

Ежедневное тестирование местного вина с посещением уютных погребков, включенное в программу путешествия, способствовало положительно восприятию происходящего. На время движения по мосту наша компания оказалась в центре

Про Эйфеля можно сказать, что он всегда оказывался в нужном месте, в нужное время и с нужными людьми. Перефразируя термин «карьерный дипломат», хочется сказать, что Эйфель был «карьерным инженером» и достиг в профессии неслыханных высот. Что касается личной жизни, то к тридцати годам Гюстав окончательно решил, что хочет иметь семью и детей. Дело за небольшим – найти подходящую кандидатуру на роль жены. Она должна быть из хорошей семьи, с приличным приданым, приятной внешности, с покладистым характером, неглупой, хозяйственной и т.д., а также непременно из Дижона. Требования оказались слишком высокими и обернулись пятью отказами, которые унизили его, уязвили гордость, но не поколебали решимости жениться. Он написал отцу: «Будущее старого холостяка меня не прельщает... Необходимо, чтобы вы без промедления нашли в вашем окружении подходящую для меня девушку. Неважно, сколько за ней дадут денег, главное – добрый нрав и здоровье...» Перебрав множество вариантов, родители остановили выбор на юной девице с весьма скромным приданым, зато с ее семьей они давно были знакомы. Гюстава смутил совсем уж юный возраст претендентки, но после недолгих колебаний он все же согласился с предложением родителей, и 8 июня 1861 года состоялось венчание в родном городе жениха и невесты.

Эйфель увез жену в Париж, где он к тому времени обосновался и открыл собственную контору. В свой тридцатый день рождения Гюстав узнает, что скоро станет отцом. Он абсолютно счастлив: он любит свою жену, она отвечает ему взаимностью. Увы, их браку не суждено было продлиться долго. В возрасте тридцати двух лет молодая женщина умерла от неизлечимой болезни, оставив мужа с пятью маленькими детьми. Старшей дочерью Клер

только что исполнилось пятнадцать, и именно она убедила отца не вступать в новый брак. Гюстав больше никогда не женился, а рядом с ним всегда была любящая и любимая Клер. Она взвалила на свои хрупкие плечи все заботы о доме и семье. Она стала не только личным секретарем отца и незаменимой помощницей, но, что самое главное, его верным и надежным другом.

В своем завещании Эйфель не забыл никого, но большая часть его огромного состояния досталась Клер, которая оставалась рядом с отцом до его последнего дня. К изъявлению последней воли Гюстав сделал приписку: «... В случае, если мои дети, недовольные тем, что их старшая сестра получает львиную долю наследства, решат оспорить завещание, то тогда они не получают ничего...» Волю отца никто не посмел нарушить. Клер стала очень состоятельной женщиной. Помимо ценных акций, счетов в банке, объектов недвижимости ей досталась и вилла в Болье, но не от отца, а от мужа. Дело в том, что вилла на Лазурном Берегу была свадебным подарком Эйфеля и он записал ее на имя мужа Клер – Адольфа Салля. Одобрив брак любимой дочери с подающим надежды инженером, Эйфель поставил условие: молодые люди всегда будут жить рядом с ним. Возражений не последовало. Более того, вскоре после свадьбы Салль высказал желание работать в фирме тестя, и без малого сорок лет они не только жили под одной крышей, но и трудились бок о бок.

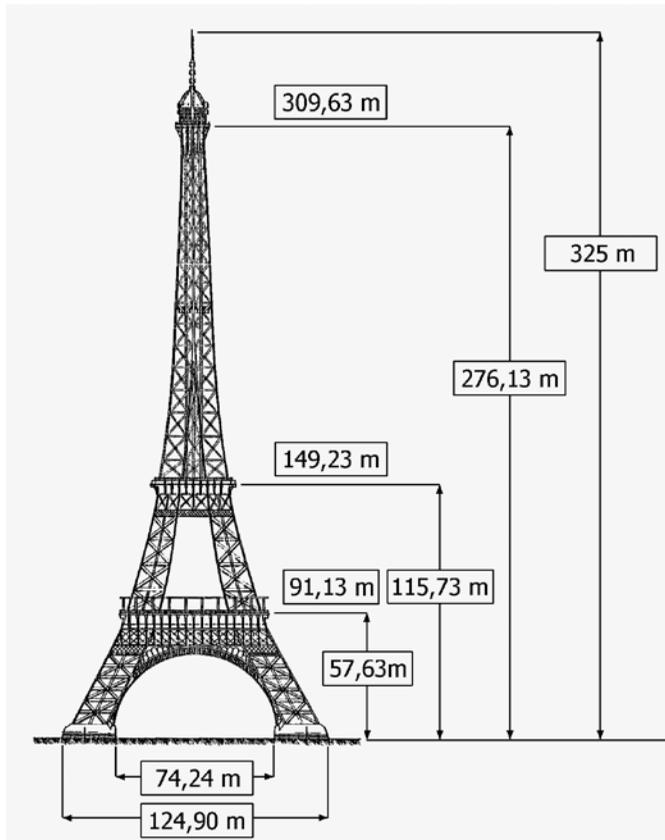
1885 год был отмечен в жизни Эйфеля не только свадьбой любимой дочери, но и другим событием, повлиявшим на его судьбу даже больше, чем замужество Клер. 30 марта Эйфель впервые представил обществу гражданских инженеров доклад, название которого в то время звучало так же неправдоподобно, как и романа Жюль Верна

«Двадцать тысяч лье под водой». Он был озаглавлен: «Железная башня высотой в триста метров для международной промышленной выставки 1889 года». Годом ранее Франция приняла решение торжественно отметить столетний юбилей Великой революции, уничтожившей монархию и приведшей к установлению Республики. Воздать должное «Свободе, равенству и братству» должна была демонстрация технических и интеллектуальных достижений, а следовательно, надо провести эксклюзивную международную индустриальную выставку и удивить весь мир. И тогда в ученых инженерных кругах стала бродить идея возведения супербашни. Сама по себе идея новизной не блистала. Люди все время пытались вознестись повыше, хотелось оторваться от земли. Дохристианская Вавилонская башня до наших дней не дожила, а Пизанская под тяжестью времени наклонилась. Каждый уважающий себя замок непременно обладал башней, а Божий храм – колокольной. Пришла пора возвести нечто доселе невиданное.

Еще в 1833 году англичанин Ричард Тревитик предложил проект строительства башни из металла высотой в 324 метра и даже объявил подписку по сбору средств на нее. Увы, два месяца спустя инженер умер, однако идея его продолжала жить. Американцам очень хотелось отметить в 1876 году столетие декларации своей независимости подобным металлическим колоссом, да средств не нашлось. Прошло всего восемь лет, и на сей раз французы к своему революционному юбилею вознамерились отгрохать нечто подобное. В большом количестве появились разнообразные проекты. Однако до финиша удалось добраться лишь двум. Оба предлагали построить башни высотой в 300 метров: первый – из камня, второй – из железа. Из интриг во круг высоток мог бы получиться

захватывающий драматический сериал с огромным количеством действующих лиц. С одной стороны, наряду с автором проекта это государство и город, а с другой – разноликая общественность, возглавляемая культурной элитой страны. Мне кажется, что ни один национальный проект не вызывал таких яростных споров, такого количества заседаний разных комитетов, научных и общественных, таких протестов с подписанием петиций знаменитыми гражданами. Противники требовали не допустить осквернения прекрасного города Парижа. Нельзя впустить уродливую железяку в высшее общество собора Парижской Богоматери, Триумфальной арки, Лувра, Дома инвалидов... И все же «уродина» поселилась в центре столицы на левом берегу Сены, напротив Трокадеро, в углу Марсового поля. Она свысока поглядывала на весь город, не обращая никакого внимания на суетящееся внизу население.

Каким же образом в предъюбилейных гонках победил проект Эйфеля? Похоже, что без вмешательства высших сил не обошлось. В данном случае это была позиция государственных кругов, решивших написать гимн французскому техническому прогрессу. Конечно, не все политики разделяли подобную точку зрения. Некоторые примкнули к «культурному» движению. Многие литераторы, художники, архитекторы и просто эстеты считали, что демонстрацией новых моторов, машин и кухонных приспособлений нынче никого не удивить. Надобно подчеркнуть события и эмоции, пережитые за истекшие сто лет, и сделать «сентиментальную выставку». Эта экспозиция рассказывала об эволюции гражданского революционного духа. Колеблющееся большинство наблюдало за противостоянием индустриальных авангардистов и интеллектуальных сентименталистов.

его пропуск в бессмертие, доподлинно неизвестно. Однако уже в декабре того же 1884 года Эйфель выкупил у партнеров их доли и таким образом стал единоличным владельцем будущего сооружения.

В первом официальном докладе о проекте башни Эйфель с невероятной точностью указал ее стоимость (3 миллиона

155 тысяч франков), ее приблизительный вес (4800 тонн) – и ошибся. Металлическая конструкция обошлась в два раза дороже и потянула на 7800 тонн. Зато обещание уложиться в 26 месяцев строительства Гюстав сдержал. Одним из главных аргументов в защиту своего проекта Эйфель выдвинул неоспоримую пользу, которую принесет Железная Дама. Она не только станет аттракционом и развлечением для посетителей во время выставки и после нее, но будет служить науке и городу. Несмотря на протесты и интриги одних, колебания других и медлительность третьих, 8 января 1887 года было подписано трехстороннее соглашение между государством, городом и Эйфелем. Оно давало строительству башни юридический и финансовый зеленый свет. Ровно через две недели началась великая стройка конца XIX века.

Сегодня все привыкли к облику Железной Дамы и не могут представить, что 135 лет тому назад ее возведение являлось техническим и человеческим подвигом. Каким надо было быть гениальным организатором, чтобы без единой осечки, точно по графику закончить объект в указанные сроки! И не только организатором, но и выдающимся инженером, чьи расчеты оказались безошибочными, а технические решения явились новым словом в строительстве. На стройке царил образцовый порядок и неподдельный энтузиазм рабочих. При ознакомлении с отчетами о ходе работ в Париже невольно приходит сравнение с репортажами с ударных комсомольскихстроек времен Советского Союза. Искренний энтузиазм людей делает стройки похожими, только во французской столице рабочие никогда не простаивали. Двадцать шесть месяцев парижане и гости столицы участвовали в реалити-шоу, наблюдая за ходом работ на Марсовом поле. Каждый мог прийти и посмотреть на рождение металлического чуда.

Эйфель грамотно использовал интерес публики к проекту. Он не упускал ни единой возможности выступить с докладом или отчетом на собраниях, заседаниях, в беседах, в газетах и даже на митингах. Он рассказывал о сложных технических вещах так, что даже те, кто никогда в жизни не слышал о сопротивлении материалов, его прекрасно понимали и начинали следить за ходом работ. Он всегда был скромным и не выпячивал собственных заслуг, зато не уставал подчеркивать вклад других, отдавая должное тем ученым и инженерам, которые ушли из жизни. Сегодня мы бы сказали, что Эйфель блестяще провел пиар-кампанию своего творения.

В день завершения стройки над башней взвился триколор и в честь рождения Железной Леди для рабочих и друзей был устроен первый

торжественный прием. Эмоции захлестывали собравшихся. В последний момент на праздник пришли политики, чиновники и журналисты. На высоте трехсот метров гости подняли бокалы с шампанским и, произнося тосты, постарались выразить переполнявшие их чувства. На следующий день в газетах процитировали некоторые тосты: «Я пью за господина Эйфеля, за рабочих и за муниципалитет Парижа. Да здравствует Республика!» – сказал один из представителей власти. Рабочий, находившийся на стройке все двадцать шесть месяцев, от имени товарищей вручил Эйфелю цветы и, обращаясь к нему, произнес: «Пробил час, когда стало возможным созерцать воплощение вашей грандиозной идеи и восторгаться этим шедевром... Спасибо от имени всех моих друзей. Теперь мы сможем передать нашим правнукам, что мы работали над созданием самого грандиозного памятника в мире!»

Официально с 1 апреля 1889 года монумент, воздвигнутый на Марсовом поле, носит имя Эйфеля, хотя сам он до конца жизни называл его «трехсотметровой башней». Несмотря на продолжавшиеся протесты представителей культуры, муниципалитет принял решение установить табличку с именами всех строителей башни и выпустил памятные медали из бронзы и серебра. Также город не поскупился на денежные премии, а президент Республики подписал указ о присвоении г-ну Эйфелю звания офицера Почетного легиона.

В 1892 году вышла первая серьезная книга о башне. Ее автор Жорж Барраль написал много хорошего про Эйфеля: «Этот человек обладает упорной волей, железной хваткой... и при этом он доброжелательный, мягкий и даже застенчивый... Гюстав Эйфель всегда умел окружать себя командой трудолюбивых и смелых инженеров.

У него чутье на таланты и возможности других людей. Его окружали те, кто целиком и полностью разделял его взгляды, его идеи, как в теории, так и на практике... Подобно Наполеону, который в своих военных битвах нашел генералов-единомышленников, так и Эйфель сумел окружить себя специалистами, достойными его идей и талантов».

Однако далеко не все разделяли восторги Жоржа Барраля или г-на Жансена – члена академии наук, директора Парижской обсерватории. Теперь противники башни требовали немедленного ее сноса. Несчастный Ги де Мопассан бежал из Парижа, заявив, что она сводит его с ума. Позиция автора популярных рассказов и романов не слишком задела Эйфеля, тогда как негативное мнение престарелого и очень уважаемого Гюставом архитектора Гарнье больно ранило. Эйфель даже написал ему письмо, на которое поклонник помпезности и эклектики не счел нужным отвечать.

Пройдет совсем немного времени, каких-нибудь 10–15 лет, и представители помолодевшей богемы полностью откажутся от сопровождавших башню слов их предшественников. Нет больше «оскорбления городу», и не надо разрушать «уродину, несуряницу, нелепость, безвкусицу, недоразумение» на Марсовом поле. Новое поколение творческих деятелей и примкнувшие к ним изготовители сувенирной продукции провозгласили башню «источником вдохновения», назвали ее «триумфом воображения» и стали соревноваться, кто придумает самое оригинальное для нее сравнение. Вот некоторые из них: Гордый жираф, Пастушка облаков, Колокольня Парижа, Часовой Франции...

«Триумф воображения» стал триумфом ее создателя и кульминационной точкой карьеры инженера Эйфеля. Он устал от железа. Его

подкосил скандал вокруг Панамского канала, когда его обвинили в получении взятки и даже приговорили к тюремному заключению. Процесс длился несколько лет и постепенно сошел на нет. Эйфель отошел от строительных дел и занялся метеорологией и аэродинамикой. Он стал чаще бывать на Лазурном Берегу. Прикупил паровую яхту «Аида» и частенько выходил на ней в море. Эйфель любил верховую езду, его часто видели на лошади на Кап-Ферра. Свой берлутанский сад Гюстав превратил в метеологическую лабораторию, где из земли торчали многочисленные термометры, гигрометры, дождемеры и прочие психрометры. С результатами своих исследований Эйфель выступил в Ницце на конгрессе климатотерапии, и специалисты высоко оценили его доклад.

В 1912 году Эйфель купил в Болье соседний участок, что позволило ему значительно увеличить площадь парка. Теперь 80-летний Гюстав ежедневно объезжал свои берлутанские владения на симпатичной лошадке. Ему вдруг захотелось перестроить виллу, и он пригласил двух архитекторов. Они рьяно взялись за дело, и не успели местные сплетники глазом моргнуть, как терраса, выходящая к морю, превратилась в галерею флорентийского стиля с мраморными колоннами и многочисленными статуями. Возможно, предпринятые Эйфелем работы по благоустройству дома явились основанием для рождения нового лазурийского мифа: мол, на старости лет инженер Эйфель подрабатывал тем, что строил нуворишам роскошные виллы. Увы, жаль, конечно, лишать местные агентства по недвижимости соблазнительной легенды. А может быть, и не стоит этого делать. Почему бы не приписать герою еще одно деяние?

Во славу Вечности Гюстав Эйфель воздвиг трехсотметровую башню, а она отблагодарила его бессмертием.

ЛЮСЬКА

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира МАЛЫШЕВА из книги «Возвращение», вышедшей в 2022 году в московском издательстве «Вече»

Дед Николай с внуком Степой, приехавшим на каникулы из столицы, сидели на берегу залива и ждали, когда малиновый диск вечернего солнца свалится за горизонт. Каждый вечер они приходили сюда вдвоем, купались и зачарованно наблюдали за тем, как дневной свет сначала медленно

покрывается сумраком, а потом все быстрее и быстрее уступает место темному бархату ночи. Это действо, к удивлению внука, всегда происходило по-новому и не повторяло вчерашнего. Теплое лимонное солнце едва заметно вдруг подергивалось стыдливым румянцем, а затем плавно начинало сползать с верхней

точки небосклона, по мере движения остывая и покрываясь багряной медью. Буквально через минуты оно касалось водной глади и стремительно погружалось в морскую пучину. Поражало Степу это вечернее таинство тем, что происходило оно в торжественной тишине, не нарушаемой клекотом чаек, смехом курортников, лаем бездомных собак и гудками автомобилей. Все в эти мгновения замирало и прощалось с уходящим днем.

– Дед, а почему всегда так тихо вокруг? – шепотом спросил внук.

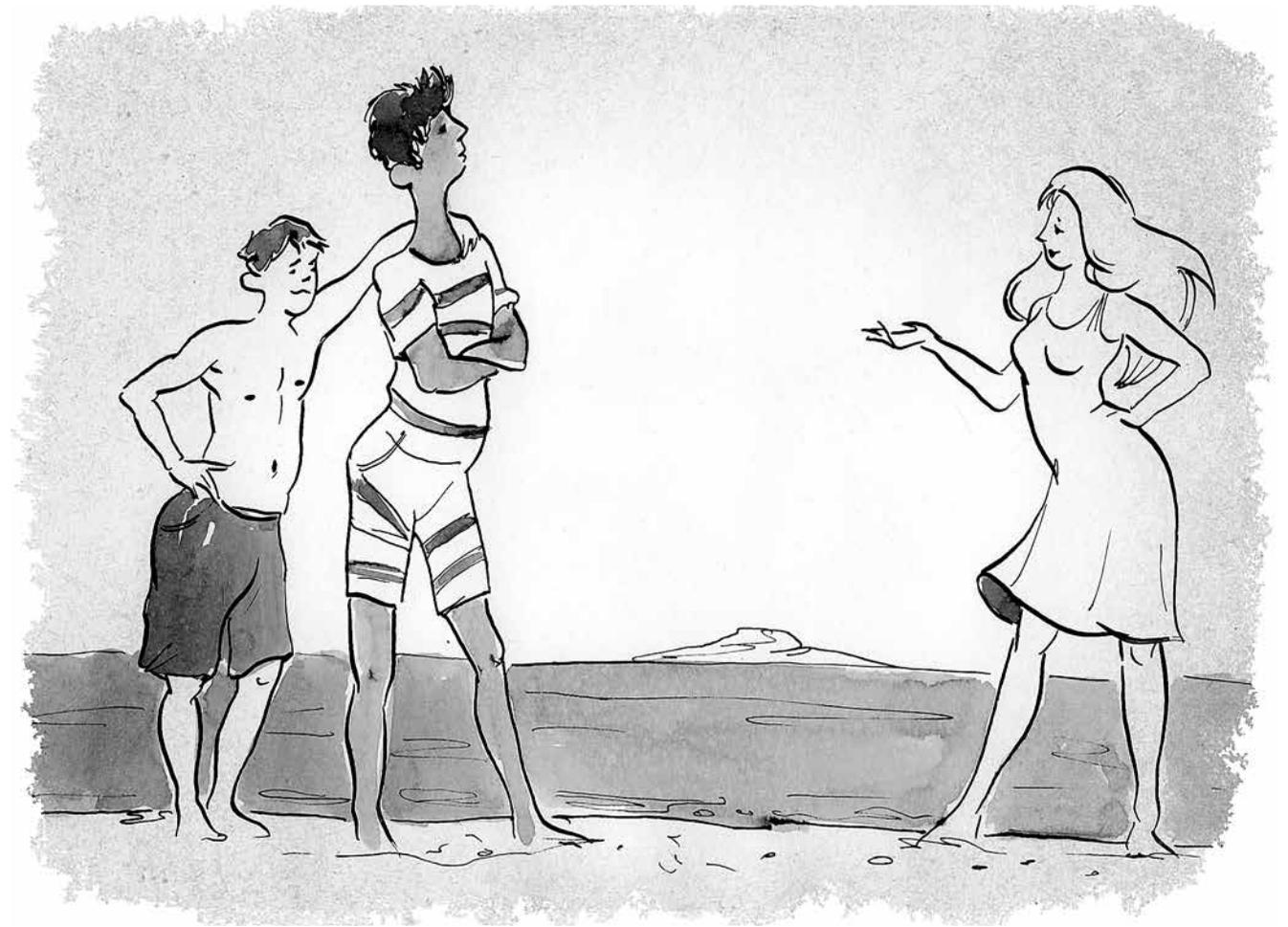
– Да кто его знает. Видимо, законы такие у природы, – помолчав, ответил дед, – вот ведь и все живое на Земле, в том числе и человек, расстаётся с жизнью молча, без суеты. Ну да тебе об этом думать пока рано, вато, пойдем-ка лучше домой, а то бабушка, наверное, заждалась нас на ужин, – сказал Николай вставая.

– Давай еще посидим. Расскажи мне что-нибудь о себе, – попросил Степа, – я ведь совсем мало про твою жизнь знаю. А ты же всю войну прошел и работал много.

– Что ж тут рассказывать? Ну воевал, ну работал, особо и вспомнить нечего. Как все, так и я, – ответил дед.

– А мне все интересно, – настаивал внук, – ну вот хотя бы, где ты так плавать научился? Плаваешь-то ты будь здоров. Хотя полруки нет, а тебя не догонишь. В воде по часу бултыхаешься, я уж замерзну, а тебе хоть бы хны.

– Да уж, учитель по плаванию хороший мне достался, – задумчиво ответил дед и, помолчав, продолжил: – Было это еще до войны. Я вот такой же, как ты, малец был, только что десятый класс закончил и приехал сюда к бабушке на каникулы.

Плавать, конечно, почти не умел – ни реки, ни моря рядом не было. Помню, пришел первый раз на берег, а там мальчишки местные купаются – все коричневые от загара. Ну я тоже майку снял, зашел по пояс в воду, проплыл немного, как тогда говорили – «по-собачьи», и лег на песок. Слышу – ребята хихикают и понимаю, что надо мной смеются. Один из них подошел и спрашивает: – Слышь, бледнолицый, ты откуда такой взялся?

Я ему:

– Из Москвы.

А он:

– Зовут-то тебя как?

– Николай, – отвечаю.

– Колек, значит, по-нашему, – говорит, – ну так и будем тебя звать Колек-Москалек.

В общем, познакомились. Ну а дальше все дни вместе проводили. Однажды сидим на пляже и смотрим – по тропинке к морю девчонка спускается, такая вся легкая и воздушная. Идет, словно земля не касается – длинноногая, голенастая, и волосы на ветру развиваются. Прошла мимо нас, глазами зелеными зыркнула, бросила на ходу:

– Здрассте, мальчики, – платье сняла и в воду. А у нас у всех челюсти отвисли.

Стали обсуждать меж собой кто такая, да откуда. Один паренек поведал, что к их соседке племянница из райцентра на лето приехала. Ну, естественно, мальчишки в море – поближе к ней. Я тоже за ними в воду полез. Слышу – уже познакомились, Люськой ее зовут. Смех, гогот стоит, а она и предлагает всем: поплыли,

мол, до дальнего острова, и первая рванула, мы за ней. Я сгоряча метров пятьдесят проплыл, но силы быстро иссякать стали. Повернул назад, а руки как ватные – не слушаются. Чувствую – тону, захлебываться начал. Очнулся уже на берегу, глаза открываю, а надо мной лица гогочущие и, что особенно обидно, Люська смеется, дельфинчиком обзывает.

Еле я тогда до дома добрался. Потом уже узнал, что никто из ребят так до острова и не доплыл. Не выдержали и они, сойдя по очереди с дистанции. А Люське хоть бы что – сплавала туда и обратно, и еще целый час купалась.

Я после этого случая целый месяц на берег не ходил – боялся, что смеяться будут. Но каждое утро, пока все спят, брал с собой еду, пробирался за мыс и в одиночестве

учился плавать, тренировался с утра до вечера.

Лето заканчивалось, и скоро мне предстояла обратная дорога в Москву. В последний перед отъездом день я вновь появился на берегу и влился в ватагу сверстников. Теперь мой загар уже ничем не отличался от местного. Да и тело оформилось мышцами, потеряв городскую припухлость. Мы лежали и болтали о всякой всячине, свободно перепрыгивая с темы на тему. Наконец появилась Люська, все такая же яркая и веселая, какой я ее запомнил в первый раз.

– Привет, мальчики, – с улыбкой сказала она и насмешливо спросила: – Ну, кто сегодня со мной?

В ответ все промолчали.

– А может, тогда ты, дельфинчик? – обратилась она ко мне.

Все заржали, а я молча встал и пошел за ней. Один из ребят крикнул вдогонку:

– Давай-давай, Москалек! Ты лучше сразу по дну шагай, так вернее будет.

Дружный смех раздался за спиной.

Мы поплыли, переговариваясь на ходу и все дальше удаляясь от берега. А когда его уже не было видно,

реальность отступила. Были только вода, небо и мы. Чувство неописуемого восторга охватило меня. Эта прекрасная девчонка звонко смеялась и болтала только со мной. Иногда мы переворачивались на спины и замирали, полностью доверяясь морю. Наконец через полчаса показался остров, который встретил нас прогретым солнцем песком и первобытной природой.

Время пролетело незаметно. Вернулись мы ближе к вечеру, когда на пляже уже никого не было. Я проводил Люську до дома и на прощанье, осмелившись, неловко чмокнул ее в щеку.

– Ну ты даешь, Москалек, – улыбнулась она и упорхнула в темноту.

Наутро я уехал, а меньше чем через год началась война. Меня призвали, обучили и направили к месту боев как раз в те места, где я провел прошлое лето.

Добираться туда надо было морем. Нас, человек триста, погрузили на какую-то посудину и ночью отправили. Однако беда пришла откуда не ждали. Оказывается, фашисты к вечеру прорвали нашу оборону и заняли прибрежный район порта, куда сразу же стали подтягиваться вражеские корабли. Вот один из них и вышел в ночи прямо на нас и шарахнул по нам из всех калибров.

Десяти минут не прошло, как все мы оказались в воде. Кто-то сразу ко дну пошел, а кого-то из пулеметов потом добились. В живых осталось человек двадцать – тех, кто успел подальше отнырнуть.

Поплыли мы не зная куда. Только недолго вместе продержались. Друг за другом молча стали исчезать в пучине. В конце концов один я остался и погреб медленно, экономя силы.

А когда рассвет забрезжил, почувствовал, что и у меня мочи нет. Да еще и рука раненая совсем отказала. Ну, думаю, конец приходит. Перевернулся на спину и стал дрейфовать бревно-бревном в сером

тумане. С жизнью начал прощаться, родителей вспомнил. Даже к Богу обратился с какой-то молитвой, хотя и не знал ни одной. И вдруг то ли в беспамятстве, то ли наяву увидел я, как из тумана лодка выплыла, а в ней фигура в плаще с капюшоном. В этот момент сознание меня и покинуло. Очнулся уже в лодке от кашля. Оказалось, в рот мне спирта влили для сугрева. Смотрю – а передо мной лицо такое знакомое, дорогое, и глаза зеленые блестят.

– Люська, – выдохнул я, – ты как здесь?

– Да вот, рыбу ловлю, – ответила она, – сеть приплыла снимать, а тут ты, Москалек, пришвартовался. Сейчас перевяжу тебя и к берегу подадимся. Там немец караулит, но мы аккуратненько. Ты потерпи.

Дальше что было – плохо помню. Одним словом, оказался я на чердаке в Люськином доме. Лечился долго, но выходила она меня. Правда, рана на руке загноилась, пришлось местному доктору укоротить ее по локоть. А когда выздоровел, к партизанам в горы подался. Там и воевал до прихода наших, до Берлина дошел, а после учительствовал до самой пенсии.

Дед замолчал, погрузившись в воспоминания, а потом сказал:

– Так что плавать я вовремя научился благодаря такому тренеру. Если бы не эта девчонка, не сидели мы сейчас с тобой. И ты учишь, авось пригодится. Давай-ка, Степка, до дома двигать, а то бабка, наверное, уж вся изворчалась. И ужин давно остыл.

Дед с внуком поднялись и пошли по тропинке в гору. На ходу Степа спросил:

– А Люська-то куда потом делась? Что с ней-то случилось?

– Люська-то? А что с ней может случиться? – лукаво ответил дед. – На лавке у калитки, поди, моя Людмила Ивановна сидит и нас с тобой дожидается.

Они молча, не спеша направились к дому. Дорогу освещала яркая луна, на черном небе золотом мерцали звезды, а им в спину спокойно дышало бескрайнее море.

Иллюстрации Елизаветы Катыховой, студентки II курса факультета анимации и мультимедиа ВГИК, мастерская М. В. Курчевской

БУНИНСКИЕ МЕСТА НА ЛАЗУРНОМ БЕРЕГУ

По маршрутам книг «Грасский дневник» и «На берегах Сены»

ВАСИЛИЙ ЗУБАКИН,
доктор экономических наук, писатель

Ресторан папаши Бутто

В «Грасском дневнике» Галины Кузнецовой несколько раз упоминаются посещения И. А. Буниным ресторана «У Бутто» в Ницце. 2 мая 1928 года писателя туда привел Марк Алданов. «Кабачок под землей, в лабиринте улиц, узких, как коридоры. Вход через кухню. Хозяин наигранно напевает, называют его *pere* (папаша) Бутто, на меню написано, что заведению 60 лет. Обедать только Марк Александрович, а мы ели спаржу и пили розовое вино. Говорили о литературе, о молодых писателях».

По-видимому, место понравилось, начались ежедневные завтраки с Алдановым у Бутто.

Снова описание кабачка Бутто в записи от 24 мая, когда Бунин и Кузнецова приезжают в Ниццу. «Хозяин, *pere* Бутто, конечно, паясничает. У него наигранная манера фамильярничания с клиентами, припевания, прибаутки. Дешево, но порции на таких крохотных тарелочках, что Иван Алексеевич всего брал себе по два раза. Он внушил себе, что там готовят хорошо и что можно есть только там, хотя макароны нам не раз давали полусырые, за что дома досталось бы всем. Алданов однажды после рыбы страдал два дня – подавился маленькой костью дрянной маленькой рыбешки».

На этом описании авторитет Кузнецовой в глазах читателя мгновенно рушится: правильная подача пасты – «аль-

денте» (от итальянского *al dente* – «на зуб»), состояние полуготовности макаронных изделий. И папаша Бутто был, несомненно, прав.

Прошло два года, ресторан Бутто переехал в новое помещение, и 15 октября 1930 года Кузнецова дает подробное описание меню: «Я ела камбалу и мули, а И. А. – спрута в соусе, каких-то жареных мелких рыбок, жигу и телятину с горошком. Все это подается на маленьких тарелочках, и все вкусно. Заклучилось все это грушами и вином. Не удалось – кофе. Сам папаша Бутто слегка постарел и будто погрустнел с тех пор, как перешел в новое помещение. “Забот больше!” – решили мы».

После такого описания читателю обязательно захочется найти этот ресторан и повторить «Бунинский завтрак», но Интернет не выдает ничего по запросу «Ницца, ресторан Бутто» ни на русском, ни на французском языках. К счастью, Кузнецова оставила некоторые ориентиры в тексте своих воспоминаний: «... в старом городе, на углу улицы с пышным названием Колонна д’Истрия. Дверь этого провансальского ресторанчика – старинная, орехового дерева, затянутая изнутри красной материей, с фигурной ручкой – открыта прямо на маленькую базарную площадь у старой церкви».

После таких четких ориентиров задача поиска ресторана упростилась, хотя трудности остались:

улица Колонна д’Истрия проходит мимо всего одной лишь церкви – кафедрального собора Святой Репараты, но на ближайших к собору углах улицы нет никаких ресторанов. Площадь Россетти рядом с собором – не рыночная, на ней продают только мороженое (в том числе необычное – томатное, розмариновое, лавандовое, тимьяновое, базиликовое). Может быть, Кузнецову подвела память?!

Долгое хождение по всем ресторанчикам вокруг собора и на площади Россетти наконец увенчалось успехом: попала старинная резная дверь! Некрашенная, потемневшая, скорее всего декоративная, она была наглухо закрыта. А рядом – современная дверь ресторана «*Le Romarin*» («Розмарин»).

За дверью ждала удача: на стене под стеклом висело меню ресторана «Бутто» – рукописное, на пожелтевшей бумаге. Значит, это именно тот ресторан, в котором бывал И. А. Бунин. Интерьер, в том числе черные от времени деревянные балки потолка, соответствовал описанию в «Грасском дневнике».

Находка эта была сделана автором 10 лет назад, а в 2022 году этим «открытием» заинтересовался известный коллекционер и исследователь искусства Русского зарубежья Ренэ Герра. Возникла идея посетить ресторан «Розмарин» и попытаться повторить «Бунинский завтрак».

Первое, что нас насторожило, это – отсутствие старой резной ореховой двери; вместо нее была

новая современная дверь. Предчувствие беды оправдалось: внутри оказался современный интерьер в стиле «евроремонт» с обилием пластика, и старое меню «У Бутто» исчезло со стены! В глазах Рене было недоумение: «Куда мы пришли? При чем тут Бунин?!»

Тут нужно обязательно сказать, что в последние годы своей жизни Кузнецова очень много общалась с молодым ученым-славистом Герра и оставила ему в наследство свою библиотеку и архив, поэтому наш визит в ресторан, описанный подробно в «Грасском дневнике», был не просто походом на обед в Старом городе...

На наше счастье, пожилой бармен с семью усами подтвердил, что и ореховая дверь, и старое меню под стеклом были и это именно тот ресторан, который прежде, 90 лет назад, назывался «У Бутто». На вопрос «Где же все, что было здесь 10 лет назад?» – бармен ответил: «Ремонт, господи! Современный интерьер!»

«Русский дом» в Жуан-ле-Пене

О первой поездке И. А. Бунина в Жуан-ле-Пен в марте – июне 1947 года известно мало – из переписки В. Н. Буниной с М. С. Цетлиной можно узнать о плохом питании, болезни Бунина и об общении с посещавшими его Алдановым и Тэффи. Из-за недостатка денежных средств писатель ездил один, без Веры Николаевны, и это наряду с болезнью создавало дополнительный дискомфорт, поэтому и срок пребывания на курорте был чуть больше двух месяцев.

Второй (1947–1948 гг.) и последующие (1949–1950 гг.) приезды вместе с Верой Николаевной были более длительными, а подробности о них мы узнаем главным образом из воспоминаний Ирины Одоевцевой.

Бывший ресторан «У Бутто»

Книги Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены» – настоящая энциклопедия литературной жизни Серебряного века. Так случилось, что в 1947–1950 годах Одоевцева и ее муж поэт Георгий Иванов жили «в соседних комнатах» с семьей Буниных.

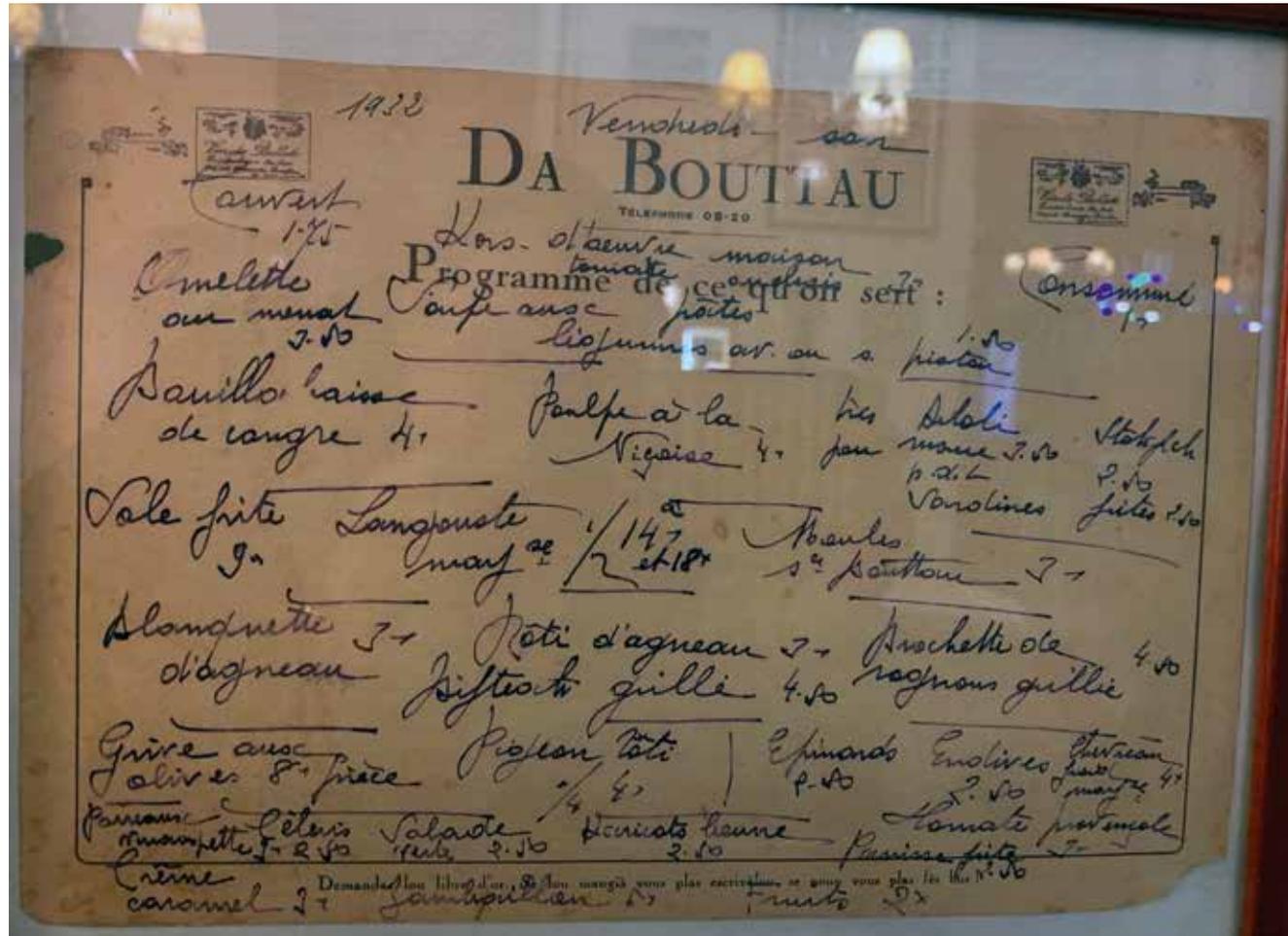
Знакомство Бунина с Одоевцевой состоялось в 1926 году на юбилее Б. К. Зайцева, хотя раньше, после публикации дебютного рассказа «Падучая звезда» (до этого была только поэзия), Иван Алексеевич прислал в редакцию газеты «Звено» открытку с весьма похвальным отзывом. В конце 20-х и в 30-е годы Одоевцева не раз встречалась в Париже с И. А. и В. Н. Буниными и Галиной Кузнецовой, но только три года жизни буквально *next door* в Жуан-ле-Пене привели к появлению воспоминаний, не уступающих по глубине и скрупулезности описаний знаменитым «Грасским дневникам».

В 1947 году Бунину – 77 лет, Одоевцевой – 52 года; место встречи – Жуан-ле-Пен, морской курорт в пригороде Антиба, на полпути между Ниццей и Каннами. Жуан-ле-Пен возник в конце XIX века, а известен стал только в 20-е годы XX века благодаря американским

инвесторам, строившим отели и казино, и таким писателям, как Фицджеральд и Хемингуэй (например, здесь обитают герои романа «Ночь нежна»).

Недорогой пансионат под названием «Русский дом» в конце 40-х годов был расположен в глубине городка, не на берегу с роскошными отелями, а среди невысоких домов на холме Фурнель, отгороженном от курортной части высокой насыпью железной дороги.

Вилла была окружена садом с ливанским кедром, пальмами и оливами, в двух жилых этажах над гостиной, столовой и кухней жили выходцы из России самых разных политических оттенков: от монархиста (как он сам себя называл) Георгия Иванова до литераторов левых убеждений Аркадия Руманова и Августы Даманской. Управляя домом бывший эсер, делегат Всероссийского Учредительного собрания В. Ф. Роговский, который постоянно жил в Ницце и свои обязанности исполнял спустя рукава. В доме процветало воровство персонала, было грязно и даже водились паразиты (клопы и блохи). Позднее Роговского сменила В. М. Дориа (Погребинская) – и все пошло на лад: во второй и третий

Рукописное меню ресторана «У Бутто» 1932 года

Окно комнаты Ирины Одоевцевой и Георгия Иванова в здании бывшего пансионата «Русский дом» в Жуан-ле-Пене

приезд В. Н. Бунина уже не жаловалась в своих письмах и дневниках на питание и уход в Русском доме.

У Бунина была тяжелая хроническая болезнь – эмфизема легких, а в «Русском доме» работал один из лучших врачей эмиграции Б. Н. Беляев, вдобавок литератор, печатавшийся под псевдонимом Щербицкий. Климат Жуан-ле-Пена с его соснами (*Pin* в названии переводится как «сосна») в сочетании с медицинским контролем доктора Беляева помогали поддерживать здоровье И. А. Бунина, поэтому и состоялись длительные поездки в «Русский дом» в период с 1947-го по 1950 год.

Первые месяцы осени 1947 года Бунин не выходил из своих комнат, причем не только из-за 49 ступеней

лестницы и болезней: была некоторая депрессия из-за скандала, связанного с выходом из Союза русских писателей, и многого другого. Писатели русской эмиграции раскололись на «друзей СССР» и «не друзей». Отказавшись вернуться в Россию Бунин вызвал восхищение у Тэффи: «Что Вы потеряли, отказавшись ехать? Что Вы швырнули в рожу советникам? Миллионы, славу, все блага жизни. И площадь была бы названа сразу Вашим именем, и станция метро, отделанная малахитом, и дача в Крыму, и автомобиль, и слуги. Подумать только! – Писатель, академик, Нобелевская премия – бум на весь мир! И все швырнули им в рожу. Не знаю другого, способного на такой жест, не вижу».

Постепенно Иван Алексеевич приходил в себя. Забота Веры Николаевны (несмотря на скверное питание и холод – «полтора франков ежедневно уходит на дрова для камина!») дала результаты, и началось ежедневное общение, хождение в гости в соседние двери – к Г. Иванову и И. Одоевцевой, многочасовые разговоры с ними, подробно описанные в книге «На берегах Сены». Работа за письменным столом, прогулки в саду, изредка – к небольшому берегу моря (за железной дорогой!) – вот повседневная жизнь Бунина в эти годы в Жуан-ле-Пене.

Круг общения Буниных в Жуан-ле-Пене, кроме Г. Иванова и И. Одоевцевой, – это живший в Ницце Марк Алданов,

предприниматель А. П. Клягин, приезжавшие иногда М. Балтрушайтис, Е. Таубер и другие.

Среди редчайших «светских мероприятий» – пасхальные блины, описанные Одоевцевой; прием в отеле Negresco в пользу «Русского дома»; наконец в 1950 году сам «Русский дом» устроил благотворительный обед для бедных («26 человек, закуски под водку, селедка, яйцо, картофель, борщ с мясом, сосисками и салом, телячьи котлеты с морковью под бешамелью, по два апельсина, вино»). Правильное управление В. М. Дориа дало результаты!

К сожалению, в переписке и в воспоминаниях никто и никогда не указывал адреса «Русского дома»; поисковый запрос «Русский дом

Жуан-ле-Пен» ни на русском, ни на французском языках не давал адреса, поэтому пришлось взять в руки книгу «На берегах Сены» и отправиться на поиски...

Первая подсказка в книге Одоевцевой – это то, что по дороге к морю нужно было преодолевать насыпь с железнодорожными путями. Так была отсечена южная, прибрежная, часть Жуан-ле-Пена, и появлялась дополнительная надежда: в южной части почти не осталось villas начала XX века – все застроено безликими современными домами в 5–9 этажей; в северной части много villas сохранилось.

Вторая подсказка – в одном из писем В. Н. Буниной к Тэффи: «Вот мы опять в фурнемской ссылке» – явно ошибка расшифровки

рукописного текста! В северной части Жуан-ле-Пена есть холм Фурнель (не Фурнем); значит надо искать именно в этом районе.

Третья подсказка – снова из книги Одоевцевой – это большой сад вокруг виллы; с помощью спутниковой съемки на карте Гугл были найдены несколько villas с садами.

Четвертая подсказка из той же книги – указание на второй жилой этаж (нижний хозяйственный не считается), значит снаружи вилла должна быть трехэтажной.

Пешеходная экспедиция заняла целый день, по всем приметам была найдена только одна вилла по адресу авеню Пьера Кюри, 4, с вывеской ATSCAF. Здесь оказалась гостиница на 22 номера, входящая в сеть Туристической,

Общий вид тюрьмы в Грасе

спортивной и культурной ассоциации финансовых администраций – что-то похожее на профсоюз финансистов Франции, а еще точнее – финансистов-пенсионеров.

Сомнения оставались до момента входа в здание: в холле висел старинный кованый металлический восьмигранный светильник совершенно русского вида! Молодой администратор гостиницы не знал всей истории виллы, но подтвердил, что светильник остался от прежних владельцев и сохранился при реконструкции в 1980-е годы, когда к главному зданию пристроили корпус в современном стиле (к северной стене, где были окна комнат И. А. и В. Н. Буниных). Фасад сохранился прежним, как и восточные окна, где у окна Иванова и Одоевцевой часто приходил и подолгу сидел Иван Алексеевич, чтобы видеть заснеженные вершины Альп на горизонте...

Находка была сделана на Пасху и отмечена в саду виллы символическими блинами по «бунинскому» рецепту: на блин наносится масло, потом икра, сметана и сверху второй блин. Кетовая икра была привезена из Москвы, сметана (с трудом) была найдена в супермаркете, а вот блины пришлось сделать из тонкого

армянского лаваша из этого же супермаркета...

Сегодня на пасху в «Бунинский» сад уже невозможно попасть: в 2020 году был объявлен инвестиционный конкурс, и вилла с садом была поделена на 14 апартаментов при условии сохранения исторического вида здания и основных деревьев в саду.

Теперь большая часть сада стала автостоянкой для владельцев апартаментов, а здание бывшего «Русского дома» можно увидеть только из-за забора, но адрес остался прежним: авеню Пьера Кюри, 4.

Что не так в современном Грасе?

Сто лет назад, когда Иван Бунин поселился в Грасе, это был престижный город, притягивающий аристократов, писателей, актеров. Удаление от побережья создавало возможность уединенного отдыха и условий для творчества, в то же время близости – в десятке километров – были Канны и Ницца. Через Грас проходит знаменитая Дорога Наполеона: после высадки 1 марта 1815 года в бухте Гольф-Жуан с армией в 1200 человек

Наполеон пошел на Грас, прошел через горы до Гренобля и после этого триумфально въехал в Париж. Дочь императора, принцесса Полина Бонапарт-Боргезе, британская королева Виктория, король Бельгии Альберт, баронесса Алиса де Ротшильд, Герберт Уэлс, Эдит Пиаф, Жерар Филип – множество знаменитостей обитало здесь.

Большинство туристов знает Грас как мировую столицу парфюмерии и посещает фабрики прекрасных ароматов, ставшие музеями; в небольшой степени популяризации Граса помог роман Патрика Зюскинда «Парфюмер» и прекрасный фильм по этой книге.

Поклонники творчества Ивана Бунина приезжают с книгой «Грасский дневник» в руках и ищут виллы «Бельведер», «Жаннет», «Монфлери», приносят цветы к памятнику писателю в парке Принцессы Полин, поднимаются в горы по Дороге Наполеона.

Автору этой публикации удалось на одной из этих вилл добыть плод хурмы со старинного дерева, были мечты вырастить такое дерево, но плод оказался без семечек...

К сожалению, в последние два десятилетия посетители Граса из России стали замечать явные изменения:

стоит отклониться от стандартного «парфюмерного» маршрута в центре города, как вдруг оказываешься в характерной для больших городов Франции среде: этническая музыка, грязные улицы, характерные персонажи, с интересом разглядывающие туриста. Ощущение дискомфорта на улочках старого Граса сейчас не покидает туриста, который приезжает туда из Ниццы, Антиба или Канны. В доступной статистике виден резкий рост населения в последние 20 лет и вдвое больший, чем в целом по Франции, уровень безработицы – этого нет в других сравнимых по размерам городах региона.

В чем же причина деградации прежде роскошного курортного города? Позволим себе высказать гипотезу, которая может показаться неожиданной, но, как минимум, достойна обсуждения.

В 1992 году над Грасом, в нескольких километрах дальше по Дороге Наполеона, была построена современная тюрьма, самая большая на Юго-Востоке Франции.

Важно отметить, что при этом по сверхчуждому французскому законодательству обвиняемые могут иметь не менее трех свиданий в неделю, осужденные – не менее одного свидания в неделю (!). С момента ввода в эксплуатацию тюрьмы в Грасе сразу же появились многочисленные родственники и друзья заключенных, а с учетом того, что в ней постоянно обитает не менее 600 человек, население Граса увеличилось на несколько тысяч человек (муж или жена, дети, родители заключенного). Кроме того, некоторые освобожденные из заключения остаются дальше жить в городе, где уже каким-то образом устроились прежде члены семьи, постоянно посещавшие тюрьму. С учетом культурно-этнической структуры преступности началось соответствующее изменение культурно-этнической структуры населения Граса...

Дополнительный толчок этому процессу дало возобновление в 2005 году железнодорожного движения до Граса (закрытое с 1944 года) – теперь город стал еще более доступен для тех, кто посещает заключенных в тюрьме.

Наиболее известным заключенным был актер Сами Насери из популярной кинофраншизы «Такси»; после освобождения он снимался и в России. В 2007 году другой заключенный сбежал из тюрьмы совсем как в боевике – на вертолете; сейчас на картах Гугл тюрьма отсутствует, на спутниковых снимках на месте расположения тюрьмы – размытое пятно.

Изменение структуры населения города, который становится все

более доступен для семей заключенных, приводит к снижению привлекательности инвестиций в престижную недвижимость (соседи имеют значение!).

Надо сказать, что мэрия Граса предпринимает серьезные усилия для того, чтобы изменить ситуацию: есть различные социальные и инвестиционные программы, стимулируется туристический бизнес (например, в 2022 и 2023 годах все центральные улицы и площади были украшены интересными инсталляциями в виде множества розовых зонтиков).

Остается надеяться, что когда-нибудь город, в котором Иван Бунин прожил более 20 лет, вернет свой прежний облик и престиж.

ОЧЕРК

ТВОРЧЕСКАЯ КОЛЫБЕЛЬ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Он остался в солнечногорской земле как светлое божество, гений места

АЛЕКСЕЙ ШУЛЬГИН

Шахматово. Усадьба

Шахматово... Творческая колыбель русского поэта Александра Александровича Блока. Для него это было не просто имение, где семья проводила летние месяцы. Шахматово для Блока – это Россия.

В записных книжках 1918–1919 годов встречаются записи: «Снилось Шахматово – а-а-а...», «Отчего я сегодня ночью так обливался слезами в снах о Шахматове?», «Сны, сны опять: Шахматово – по-особенному». А в более ранних записях: «Я бы очень хотел уехать в Шахматово» и «Я привязан к здешним местам».

Жизнь стремительно меняется, случается, что и пейзаж становится неузнаваем: его на свой лад уродует человек. Наверное, это обычный ход вещей... Я старался объездить и запечатлеть все доступные места подмосковного пребывания Блока.

Подсолнечная. Автостанция. С Ленинградского шоссе дорога сворачивает на Таракановское шоссе. Автобус едет мимо деревень Осипово, Вертлино, Сергеевка, Толстяково, Новый Стан. А дальше – Тараканово, от которого скоро дойдешь до усадьбы поэта в Шахматово.

Образнее и тоньше всех описал связь Блока с Шахматовым троюродный брат поэта, тоже поэт и религиозный философ С. М. Соловьев: «Гнездо, из которого вылетел лебедь новой русской поэзии, – Шахматово, – было основано дедом Блока по матери, ботаником А. Н. Бекетовым».

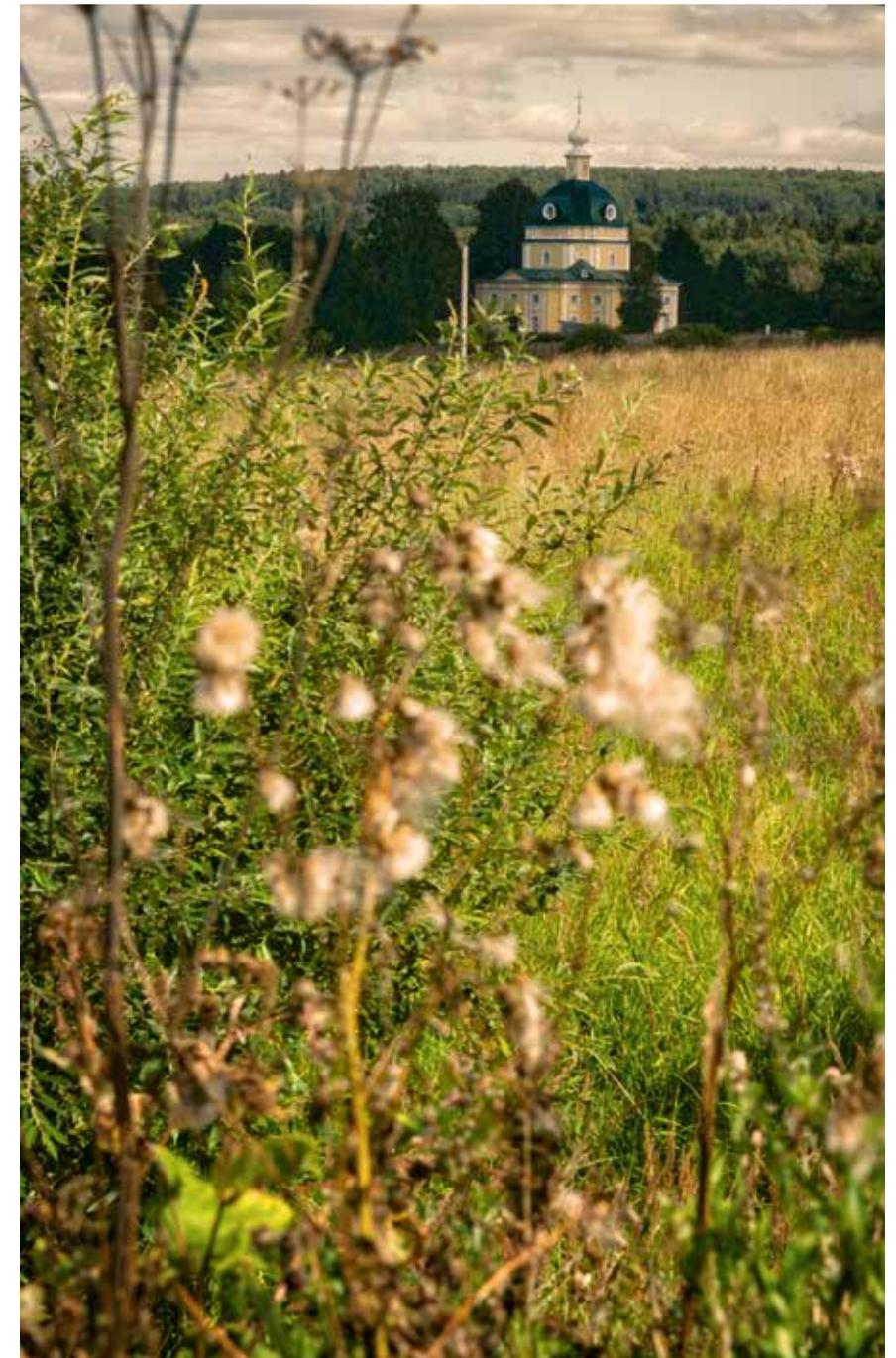
В поэме «Возмездие» есть такие строки:

*За грош купили угол рая
Неподалеку от Москвы.
Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шивовника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
И можно было ясно слышать,
Какая тишина царит.*

Усадьбу Шахматово надоумил купить своего друга А. Н. Бекетова другой великий русский ученый – Д. И. Менделеев. В автобиографии Блок так описывает эту семейную историю: «Дмитрий Иванович играл очень большую роль в бекетовской семье. И дед, и бабушка моя были с ним очень дружны. Менделеев и дед мой, вскоре после освобождения крестьян, ездили вместе в Московскую губернию и купили в Клинском уезде два имения – по соседству: менделеевское Боблово лежит в семи верстах от Шахматова, я был там в детстве, а в юности стал бывать там часто. Старшая дочь Дмитрия Ивановича Менделеева от второго брака – Любовь Дмитриевна – стала моей невестой. В 1903 году мы обвенчались с ней в церкви села Тараканова, которое находится между Шахматовым и Бобловым».

Все бывавшие в Шахматово друзья и знакомые Блока открывали для себя Россию, вдруг осознавали, как Андрей Белый, самое важное: «Сразу было видно, что в этом поле, саду, лесу он рос и что природный пейзаж – лишь продолжение его комнаты, что шахматовские поля и закаты – вот подлинные стены его рабочего кабинета...»

А своему приятелю В. А. Пясту Александр Александрович сообщил в письме от 24 мая 1911 года: «Вам было бы интересно и нужно, я думаю, увидеть эту Россию:

Тараканово. Храм Архангела Михаила

за 60 верст от Москвы, как за 1000: благоуханная глушь, и в земном раю – корявые, несчастные и забытые люди с допотопными понятиями, сами себя забывшие».

Анна Ивановна, вторая жена Дмитрия Менделеева, запомнила усадьбу в подробностях: «Трудно

представить себе более мирный, поэтичный и уютный уголок. Старинный дом с балконом, выходящим в сад, совсем как на картинах Борисова-Мусатова, Сомова. Перед окном старая развесистая липа, под которой большой стол с вечным самоваром; тут варились варенье,

собирались поболтать, полакомиться пенками с варенья – словом, это было любимым местом. Вся усадьба стояла на возвышенности, и с балкона открывалась чисто русская даль. Из парка, через маленькую калитку, шла тропинка под гору к пруду и оврагу, заросшему старыми деревьями, кустарниками и хмелем; а дно оврага и пруд покрывались роскошными незабудками и зеленью; дальше шел большой лес, место постоянных прогулок маленького Саши с бабушкой».

И сейчас все сохранилось почти точно таким же, как 150 лет назад. У пруда в овраге – всегда тишина, давящая, ветхозаветная и таинственная.

Церковь Михаила Архангела, где венчался поэт, я видел в Тараканове в разные времена года. Наиболее удачно смотрится храм через поле со стороны Бобловского холма. Обычный среднерусский пейзаж: поля, зубчатые еловые леса («от вершин зубчатых леса»), в долине течет река Лутосня. Но, поднимаясь на холмы (на Аладьинский), чувствуешь, как захватывает дух. Какая открывается даль! За далью даль...

*Река раскинулась. Течет,
грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!*

Многим знакомы эти строки из цикла «На поле Куликовом». Непрядвой для поэта стала Лутосня, Куликово поле он видел за Гудиным или Осинками, может быть, по дороге в Боблово. Сколько раз верхом объезжал он окрестность...

*Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наша русские туманы,
Наша шелесты в овсе...*

И почти физически чувствуешь строки Анны Ахматовой: «*И помнит Рогачевское шоссе // Разбойный повист молодого Блока*». Рогачевское шоссе в самом деле недалеко от Аладьина, а уж верхом Блок и вообще скоро туда добирался. Не однажды сам я выходил на дорогу через Тараканово к Шахматову, шел по окрестным полям и лесам, чтобы всем существом своим ощутить поэзию Александра Блока. Он остался в солнечногорской земле как светлое божество, гений места.

Уже после смерти Блока М. А. Бекетова, тетка поэта, подчеркивала необычайную важность жизни в Шахматове в формировании личности и мировоззрения поэта: «Блок очень любил это место. Перед отъездом в деревню из города, после гимназических экзаменов, он приходил в радужное и особенно шаловливое настроение. Да ведь и то сказать – сколько радостей давало ему пребывание в Шахматове: воля, поля, леса, походы за грибами, верхомая езда, катание в тележке и, наконец, собаки, из которых самая любимая была Дианка».

Все детство и юность мои прошли тоже неподалеку от Солнечногорска. И Блока я ощущал соседом, близким человеком. Многие стихи его с малых лет были известны и любимы (стихи, конечно, детские). Позднее прочитаны «Стихи о прекрасной Даме», «Пузыри земли», «Снежная маска», «Россия» – все, что войдет в «трилогию вочеловечивания» и будет издано в трех книгах в издательстве «Мусагет».

Вспоминаю сейчас с благодарностью и радостью первую свою попытку пешком дойти до Шахматова весной 1994 года. Идти пришлось через Сенеж, потом вышел на Таракановское шоссе и пошел считать версты. Весна, золото в лазури, жаворонки поют. Цветут яблони, вишни, сирень распускается. А ты

идешь к Блоку: встречайте Александр Александрович! И душа трепещет и поет. Можно ли такое позабыть?

Одним из первых навестил блоковское «Шахматово» фотодождник В. С. Молчанов в 1946 году, «когда еще виднелись недавние следы войны – подбитые немецкие танки и орудия, окопы и укрепления» (из книги В. С. Молчанова «Мое открытие Шахматова»). И только в мае 1977 года Мособлсовет принял решение: «О постановке под государственную охрану территории усадьбы А. А. Блока “Шахматово”, здания бывшей церкви и здания бывшей сельской школы в с. Тараканово Солнечногорского р-на и о мерах по увековечению памяти поэта».

Много сил отдали делу возрождения Шахматова замечательные люди: В. Солоухин, С. Лесневский, В. Енишерлов, В. Молчанов. Только в 1990-е годы отстроили усадьбу Бекетовых с флигелем и хозяйственными постройками, почистили парк, в овраге – пруд. В Тараканове белеет, как новенький, храм Архангела Михаила, есть музей, памятники... И кажется, можно успокоиться, но тревожит вопрос: как сохранить для потомков блоковский пейзаж – Россию?

В статье «Памяти Леонида Андреева» Блок писал: «Ничего сейчас от этих родных мест, где я провел лучшие времена жизни, не осталось; может быть, только старые липы шумят, если и с них не содрали кожу. А что там не благополучно, что везде неблагополучно, что катастрофа близка, что ужас уже при дверях, – это я знал очень давно, знал еще перед первой революцией». Щемлящая, неутолимая боль чувствуется в каждом слове.

Биография Блока лишена внешних эффектов – страсти кипели во внутренней, невидимой и тайной жизни поэта, в которую он

не допускал никого. Об этом писал Корней Иванович Чуковский: «Вообще комната на первых порах поразила меня кричащим несходством с ее обитателем. В комнате был уют и покой устойчивой, размеренной, надолго загаданной жизни, а он, проживающий в ней, казался воплощением бездомности, неуютя, катастрофы и гибели».

Александр Блок жил честно, а это невыносимо тяжело, поэтому, наверное, он и умер молодым. Блок ни к какой группе литераторов не примыкал, оставаясь всегда в гордом одиночестве и отстраненности, он всегда был верен своей России – любимой и единственной. Свою свободу поэт оплатил дорогой ценой. Но даже в самые тягостные моменты жизни у него не возникало желания уехать, бежать из России. Даже когда крестьяне сожгли обожаемое Шахматово, и тогда он нашел в себе мужество сказать: «Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господ показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью. Всё – так. Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают».

Я вовсе не ставил себе задачи написать биографию Блока, учитывая, сколько замечательных литературоведов это уже сделали. Лишь хотелось рассказать о Шахматове, таком важном в жизни и творчестве поэта, и проиллюстрировать этот очерк фотографиями, создававшимися в течение многих лет.

«Россия гибнет», «России больше нет», «вечная память России», – слышу я вокруг себя, – пишет Блок в своей статье «Интеллигенция и революция». – Но передо мной – Россия: та, которую видели

в утрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой. Россия – буря. «Демократия приходит опоясанная бурей», – говорит Карлейль. России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и – поновому – великой».

И разве что-то сильно поменялось за сто с лишним лет?

На одном из поэтических вечеров Блок, услышав возглас: «Прочтите стихи о России!» – сказал, что все его стихи о России.

*Опять, как
в годы золотые,
Три стертых
треплются шлеи,
И вязнут
стищи расписные
В расхлябанные колени...*

Вечные строки о России. И хочется опять отправиться в путь, открытый взорам.

Совсем недавно, в сентябре 2023 года, Екатерина Софронова и я совершили очередную поездку на солнечногорскую землю, отсняли Екатерининский канал у озера Сенеж – моего постоянного объекта наблюдений, съемок и вдохновения – и, конечно, зашли на территорию гимназии № 1 имени А. А. Блока, поклониться памятнику поэта. Сфотографировали его

Первый на солнечногорской земле памятник А. А. Блоку

силуэтом, против солнца. Силами энтузиастов этот памятник первым появился на блоковской земле. Наша высшая цель – передать правнукам эту землю с ее простором, красотами и волей.

Прах поэта покоится на Волковском кладбище (перенесен со Смоленского) в Санкт-Петербурге.

А над полями, лесами, миром блоковского Солнечногорья восходит солнце и веют ветра, как много веков назад. И верится, что и «невозможное возможно», пока в сердце твоём – Россия.

Фотографии из архива автора

ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Мы продолжаем публикацию повести Валерия ПОВОЛЯЕВА «Одинокий «Юнкерс»»

Взлетели, несмотря на идущий плотным потоком снег, легко. «Юнкерс» зазвенел хорошо отлаженными моторами и, совершив короткую пробежку, почти вертикально, свечой взмыл вверх.

Дай Бог, чтобы они также легко, после трех-четырех часов тренировки в небе, нашли свой аэродром и сели на него. Именно на свой аэродром, а не на территорию соседнего района, изрытую окопами, противотанковыми рвами и в некоторых местах уже заминированную.

Экипаж невольно, едва ли не в одном общем движении покосился на командира: как чувствует себя товарищ первый пилот? Серебряков был спокоен, он словно бы видел то, чего не видели другие, и был уверен в том, что дорогу домой найдет... Даже если ему на глаза навяжутся плотную темную повязку.

От командира исходило то, что бывает очень важно во всяком трудном полете, – спокойствие. Серебряков был уверен, что в случае необходимости сумеет сесть даже на какую-нибудь крышу и при этом не заденет печную трубу, – потому и был спокоен.

Заспанное солнце, неторопливо всплывшее среди плотной кудрявой ваты, трофейный «Юнкерс» нашел на двухкилометровой высоте, за несколькими слоями облаков, плотно нахлобучившихся друг на друга и образовавших огромное, недобро шевелящееся серое поле, растянувшееся во все стороны на несколько сотен верст.

Вначале над кабиной самолета вспухло золотистое зарево, на несколько мгновений осветило экипаж и опало. Малых встревоженно переглянулся с бортинженером, и Косяков понял, в чем дело: второй

пилот явно подумал (с вполне объяснимым опасением), а не имеет ли это зарево отношение к самому «Юнкерсу», не горит ли машина?

Нет, машина не горела. Через минуту кабину залил солнечный свет, диски приборов погасли, сделались тусклыми, незнакомыми. Холод, не желавший покидать самолет, зашевелился, как живой, и неохотно пополз в те углы, где еще сохранялась ледяная температура. И Серебряков, и Малых, управлявшие «Юнкерсом», были одеты тепло, в летные куртки, подбитые плотной овчиной; сидели в меховых перчатках, чтобы пальцы не прилипли к рукояткам штурвала. Ох, и хорошо же! Даже в лютой мороз хорошо.

Серебряков глянул на стрелки прибора, показывающего температуру за бортом. Температура была приличная – минус тридцать два градуса. Серебряков оторвал руки от штурвала, поднес их ко рту и демонстративно подул на перчатки. Холодно!

Под крыльями «Юнкерса» курчавились облака, поблескивали жемчужно (серый плебейский цвет пропал) и были похожи на сказочные горы, плато и впадины, ущелья и отдельные каменные макушки, засыпанные снегом. Радужные блики вспыхивали ярко и гасли, вызывая восторг, удивление и одновременно острое, буквально секущее ощущение опасности.

Три часа, проведенные в воздухе, пролетели стремительно, словно какие-нибудь короткие, спекшиеся в один комок восемь-десять минут, и слова Серебрякова: «На сегодня все, пора домой!» – заставили всех встрепенуться подобно птицам, засидевшимся на ветках дерева...

Косяков засек на полетной карте место, где они сейчас находились, передал карту Серебрякову.

Тот сравнил ее со своей картой, прицепленной к колену, согласно кивнул. Через несколько минут Серебряков сбросил обороты у обоих двигателей, и «Юнкерс» потянула вниз собственная тяжесть... Так оно и должно быть. Во рту, в глотке мигом образовалась пробка, которую захотелось запить чаем. Только где он, этот стакан с чаем? Нет его.

Прошло еще несколько минут – всего несколько, и самолет погрузился в белесую шевелящуюся мглу, будто в шапку пены, вспухшую над закипевшей кастрюлей. Если сначала можно было различить подрагивающие концы крыльев, то вскоре они исчезли, словно бы их растворила эта недобрая пена; некоторое время было видно, как ее рубят винты двух моторов, но потом исчезли и моторы. «Юнкерс» влез в густой кисель, в котором скоро, наверное, и собственный нос невозможно будет разглядеть.

Экипаж встревоженно поглядывал на Серебрякова – люди были бессильны перед густой, круто замешанной облачностью. Впрочем, Серебряков продолжал сохранять спокойствие, словно бы имел в своем распоряжении приборы, способные смотреть сквозь плотные облака.

Он еще немного сбавил обороты винтов, самолет на животе скользнул вниз и через несколько минут очутился в мутном межоблачном пространстве. Муть мутью, но в полосе этой неровной можно было кое-что разглядеть: высокие столбы тяжелых, с разбухшими шапками облаков...

«Юнкерс» накренился на одно крыло, входя в вираж, Косяков глянул в иллюминатор – видна земля или нет? Земля не была видна, она словно бы исчезла совсем, откатилась в дебри солнечной системы.

К стеклам квадратных иллюминаторов резво прилипали и тут же отклеивались, уносясь прочь, крупные лепешки снега, похожие на куски спрессованной ваты. Понятно было, что землю продолжал заваливать снег. И сколько это будет еще длиться – неведомо никому.

Серебряков, сосредоточенный, обратившийся в глыбу, навис над штурвалом... Вот он немного прибавил моторам оборотов – «Юнкерс» выпрямился, совершил недлинный рывок по прямой и опять скользнул носом вниз. Если бы не было облаков, тумана, снега, можно было поймать прожекторный луч, пущенный аэродромным маяком, сориентироваться на него или разглядеть штурманскую вежу, зацепку – какую-нибудь дорогу, приметное здание, озеро или излучину реки, церковь с высокими маковками, футбольное поле с электрическими мачтами по углам... Но ничего не было видно.

Только серая с белым вата, снег и снег, комья рваного пространства, словно бы вывернутого наизнанку, и клубящаяся непроглядная глубина, у которой не было дна, – не было дна видно ни капитану Серебрякову, ни старшему лейтенанту Косякову.

Оставалось надеяться на одно – собственное чутье. Оно у капитана было более сильным, чем у Косякова: старлей служил в штурмовой авиации, привык носом целиться в землю с малых высот, а Серебряков принадлежал к летчикам-дальнобойщикам, был лучшим пилотом в полку тяжелых бомбардировщиков и специализировался на больших высотах.

Ни суеты, ни озабоченности, ни нервного напряжения в его

широкоплечей, чуть согнутой фигуре не ощущалось. Капитан работал, как обычно работает уверенный в себе человек, прочно стоящий на земле, – спокойно и сосредоточенно.

Ощущение опасности всегда сплавляло людей, заставляло их принимать стремительные решения и вообще делать то, до чего в другой ситуации у них просто бы не дошли ни руки, ни мозги, а уж такая простая штука, как слетанность, слаженность действий коллектива возникает словно бы сама по себе и живет сама по себе.

И не могли вывалиться из упряжки хотя бы на мгновение, такое вообще может кончиться трагически. А наш экипаж был нацелен на жизнь и только на жизнь. Серебряков снова сбросил обороты моторов, и «Юнкерс» опять послушно клюнул носом вниз, он словно бы просел в собственном теле, подбито за скрипел корпусом, и тогда капитан не выдержал, произнес ободряюще: – Ну-ну, старина! Держись! – после этих слов Серебряков не стал испытывать судьбу, добавил винтам оборотов и самолет (вражина гитлеровская, испугался?) обрадованно взвыл, взбодрился, пошел ровно.

Капитан вел «Юнкерс» почти вслепую, подсказки в «ориентации на местности», которые делал Косяков, были не то чтобы незначительными – они почти не содержали точных, с цифрами штурманских указаний, способных привести самолет к аэродрому, к тем градусам и параметрам на земле, с которых они взлетали. Для этого штурману надо было хотя бы на несколько секунд увидеть земной шарик и понять, засечь, что на нем возведено, соотнести с зацепками, нанесенными на полетную карту.

Но земли не было видно, «Юнкерс» продолжал лететь вслепую.

И приборов, особенно чутких, хваленых, высокого германского качества, способных им

помочь, точно вывести на цель, на панели не было – немцы, как и русские, такие приборы еще не производили.

Косяков отогнул рукав куртки, посмотрел на циферблат старого, доставшегося ему от отца «мозера» – они уже летали практически четыре часа, а если быть точнее – три часа пятьдесят четыре минуты.

Снизилась уже порядочно. Косяков, прищурившись, взгляделся в прибор высоты, светившийся на командирской панели – что там, на циферблате? «Юнкерс» сбросил почти две тысячи метров, но пространство от этого светлее не стало. Скорее, даже наоборот, облака сбились в плотную творожную массу, слиплись, сквозь эту стенку не то чтобы взгляд не проник – даже птица не могла пробиться, вот ведь...

Очень бы хотелось подсказать сейчас командиру пару точек поворота, чтобы он мог безошибочно выйти на аэродром и приземлиться, но подсказок у Косякова не было – пока не было, но они будут. Обязательно будут.

У Косякова даже что-то заняло в груди, под сердцем, он попробовал прогнать боль, – умел делать это, но боль не подчинилась ему, она словно бы из-под руки вывернулась и мгновенно усилилась.

Подсказки с земли тоже мало помогали, земля не видела скрытый огромными снеговыми облаками самолет, пыталась нащупать его радиопоиском, но снежный заряд был такой сильный, что, считай, связи не было совсем. Серебряков еще немного сбросил высоту, метров на двести, может быть, на двести пятьдесят, «Юнкерс» застонал, закрипел крыльями, задержал дрожащим от напряжения хвостом, затем выпрямился и словно бы всем корпусом въехал в мягкую, только что вспаханную землю...

Ощущение было такое же. Машины сильно трясло.

Через несколько минут все успокоилось.

Чтобы нащупать свой аэродром, дотянуться до него, этому колдуну Серебрякову понадобилось еще двадцать три с половиной минуты... Капитан точно вышел на аэродром, даже не верилось, что это произойдет, но это произошло, самолет неожиданно ткнулся колесами в снег, пропахал, не сбавляя скорости, метров сто пятьдесят, взрезая поле, после чего Серебряков врубил тормозную систему.

Когда «Юнкерс» остановился, капитан застыл на несколько секунд, потом, словно бы очнувшись, сдернул с головы шлем и меховой изнанкой вытер себе лицо. Немного посидел неподвижно, слушая самого себя, ослабевший звук моторов, пространство за кабиной, затем небрежно накинуд шлем себе на макушку, будто кардинал свою «форменную» шапочку и спокойно, как на всякой обычной рулежке погнав «Юнкерс» к ангару. Чтобы самолет этот не засекали разные любопытные глаза, аэродромное начальство продолжало держать его в крытом помещении.

День был темный, не сравнить с тем праздничным обилием света, разлитого на четырехкилометровой высоте, с нарядным неземным сверком небесной глубины. Потому так, наверное, и сверкает высота, что имеет глухую непробиваемую подкладку, нависшую над головами людей...

Выйдя из ангара, Косяков невольно глянул вверх и неверяще покачал головой: неужели еще какой-то час назад они находились совсем в ином измерении, в иной обстановке?

– Всем – двадцать минут, чтобы привести себя в порядок, умыться... Через двадцать минут встречаемся в буфете.

После обеда, как и следовало ожидать, произвели подробный

разбор полета, причем Серебряков не очень высоко оценил действия штурмана, но понимая, что в слепом полете, где даже собственный нос часто бывает невозможно разглядеть, штурман спеленутый, как ребенок, ничем не может помочь пилоту, все навигационные системы и компасы тоже бывают слепыми, ругать Косякова не стал. Ругань в данном разе – штука несправедливая...

Это понимал весь экипаж трофейного «Юнкерса».

Как понимал и другое – стоит пилоту или штурману хотя бы немного ошибиться в «реперных» точках взлетов и посадок, уже произведенных и тех, которые еще будут, от экипажа останутся только кости да лохмотья теплых летних курток с мехом, пропитанным кровью.

В первых числах ноября погода малость изменилась, поджал мороз, потрещал пару дней, высушил воздух, ветер отогнал в сторону половину облаков, задал основательную трепку туманам, проделав в них кучу дыр, настоящих проломов, в которых могли бы вместиться целые деревни с хатами-пятистенками, расшвыряв по ближайшим лесам, развесив на макушках деревьев, как старые, оказавшиеся ненужными гигантские покрывала.

В последующих полетах Косяков проявил себя как очень толковый штурман, Серебряков был им доволен и третьего ноября, когда они после обеда поднимались из-за стола, положил ему на плечо руку:

– Ты меня прости, Иван, ежели я не сдержался, повисил где-то голос – нервы на войне стали совсем ни к черту, – Серебряков поморщился, вздохнул. – В общем, ты все понимаешь...

– Понимаю, товарищ капитан.

– Поэтому не ругай меня, прости...

– Да я не ругаю, упаси Господь... Даже не думал ругать. Ругать я могу

только самого себя. Когда пять дней назад не сумел из-за тумана помочь в прокладке курса, чувствовал себя настолько хреново, что готов был застрелиться.

Косяков тоже поморщился, по спине у него, вдоль хребта побежали мурашки, кожу искусали, будто прошлись жесткой наждачной бумагой, до крови... Не хотелось ему еще когда-нибудь попадать в положение, в какое он попал в том слепом полете. Хорошо, что все в конце концов выправилось, встало на свои места.

Что ж, погода на здешнем краю земли начала налаживаться, только вот вопрос: надолго ли это?

После ужина Косяков стукнул костяшками в соседнюю дверь, услышал громкий сочный голос Серебрякова: «Войдите!» – будто никакой преграды не было, никакой двери – такая была акустика в этой гостинице. Косяков вошел.

Капитан сидел за небольшим столиком, больше напоминавшем подставку для цветов, чем стол, и изучал бумаги с карандашными графиками, готовился к завтрашнему полету, а вообще-то – к главному полету, о котором им еще никто ничего не сказал. Ни одного слова. Серебряков молча поднял голову, указал старлею на стул: садись, мол.

Через минуту он отложил бумаги в сторону, спросил:

– Случилось что-нибудь?

– Нет. Есть один вопрос. Обычный, бытовой... Я же здешний, москвич. У своих, на Волхонке-ЗИС, не был с марта сорок первого года... Нельзя ли мне на пару часов отпроситься домой? Плюс два часа в пути – итого четыре. Надо проверить, все ли там в порядке?

Косяков построил свой вопрос так, что в нем не было прямого обращения к капитану, чтобы не ставить его в неудобное положение, а было обращение к начальству

вообще. Капитан посмотрел на него, тяжело вздохнул:

– Даже не думай об этом, дорогой мой человек. Пока не выполним задание, мы вообще не имеем права покидать аэродром. И гостиницу тоже. Иначе по голове колотушкой настукают так, что... В общем, ты все понимаешь. Голова будет болеть долго.

– Понимаю, – огорченно произнес Косяков, – очень даже... Жаль. Ведь когда еще доведется быть в Москве?

Вместо ответа капитан сожалеюще развел руки в стороны: этот вопрос может решить начальство куда более высокое, чем он. Скорее всего – в генеральских чинах.

У Косякова была еще одна цель – проверить не только жилье, но и увидеть свою девушку, живущую в соседнем бараке – Полину Шерстневу. Внутри у него что-то больно сжалось, он с досадою вздохнул – нет, не повезет ему, Полину он не увидит.

– Вот когда нам дадут отмашку, тогда... – Серебряков снова развел руки в стороны и доброжелательно наклонил голову. – Если, конечно, начальство решит дать нам послабление.

Капитан неожиданно выразительно поглядел на дверь. Косяков сухо щелкнул каблуками:

– Я все понял. Разрешите идти?

Они учились в одной школе, Полина Шерстнева и Ваня Косяков, только в разных классах, Иван опережал Полину на два года и когда уходил в летнюю школу, попросил девушку не забывать его.

Полина, глотая слезы, несколько раз кивнула утвердительно, затем отерла платком глаза. Голос у нее был сырой.

– Как только я закончу авиашколу, мы сразу же распишемся, – сказал Косяков Полине.

Она вновь кивнула в ответ, Косяков на этот раз уловил в кивке что-то робкое, неуверенное

и повисил голос, и без того энергичный:

– Да-да! Это решение твердое и мы менять его не будем, да?

Несмотря на энергичность голоса, Косяков специально не говорил о различных трудностях, которые могут возникнуть, – ведь его после авиашколы вряд ли определят работать в Москву... Могут и на Дальний Восток отправить, могут и в Якутию, либо в Среднюю Азию, и еще куда-нибудь, куда Макар телят никогда не гонял... Самому Косякову была интересна и Средняя Азия и Арктика с Сибирью, но будет ли это интересно Полине?

– Да, ничего менять не будем, – по щекам Полины заскользили быстрые слезы, и Косяков удивленно воскликнул:

– Чего же ты плачешь, Поля? – Нагнулся, поцеловал ее, поцелуй от слез был соленым.

Он был высоким, будущий пилот ВВС Косяков, на полторы головы выше Полины, она – хрупкая, изящная, как цветок. Если эта девушка была цветком, то Косяков по всем законам природы, соотношений в ней, был деревом. Тем самым прочным творением земли, на которое можно надежно опереться.

Эх, Полина, Полина. У него хранились ее письма, в основном присланные летом, когда звезды жаркими ночами наливались зеленым звенящим светом, а воздух был плотным, и пение птиц буквально разламывало его на ломти...

Но все это осталось в прошлом. Полина жила в самом справном и чистом бараке поселка, отец ее работал кузовщиком в экспериментальном цехе завода, мать – нормировщицей.

В последнем письме Полина писала, что поступила на курсы радиосток, созданные при военкомате, беспокоится за отца, приметного кряжистого мужика Филиппа Шерстнева, к которому народ из всех

окрестных барачников ходил за советами. Поскольку жили они в Стране Советов, то в советах Филипп Иванович никому не отказывал и, если мог в чем-то помочь, обязательно помогал. Косяков относился к нему с уважением.

Последний раз Косяков видел Полину полгода назад, весной сорок первого. Пожалуй, даже больше, чем полгода, месяцев восемь прошло с той поры.

Весной тогда еще не пахло, хотя московские улицы уже начали таять, освобождаться от тяжелых, помеченных желтой собачьей мочой сугробов, дома стали приобретать просветленный живой вид, бараки Волхонки обновлялись, делались нарядными; времени свободного не было (Косяков находился в командировке в наркомате), но он старался как можно чаще видеться с Полиной.

Ему удалось трижды сходить с ней в кино и один вечер провести дома у Шерстневых. У Геннадия – брата Полины, который заканчивал техникум легкой промышленности, был день рождения, поэтому собралась шумная молодежная компания. С гитарой. Под громкий звук струн пели песни, а под сладкое танго «В парке Чаир» танцевали. Никто из них не ведал, не предполагал даже, что через три с половиной месяца начнется война.

Конечно, в воздухе носился запах горелого пороха, было неспокойно, иногда этот запах делался сильным, но никто не верил, что где-то на нашей территории или на землях, примыкающих к нам, начнутся какие-нибудь боевые действия. Были незначительные конфликты с японцами, закончившиеся тем, что на реке Халхин-Гол узкоглазые здорово получили по физиономии, – до сих пор кряхтят, синяки обрабатывают мазями; была короткая война с Финляндией, но эти беды не были бедой...

То, что Германия шуровала свои штыками, перетряхивая Европу, нагибая целые государства, рядовых граждан Страны Советов особо не беспокоило. Рядовые граждане были далеки от политики, замыкались на вопросах приземленных, на жизни повседневной, на куске хлеба, который надо было добывать ежедневно и приносить в дом, чтобы дети не хныкали, не пищали от голода, не пытались вместо ломтя, отрезанного от ржаной краюхи, жевать кухонное полотенце или угол фартука, рябого от прожженных дыр. Обыватели больше обращали внимание на косые взгляды соседей, чем на угрозы и фырканы фюрера.

Забеспокоился народ только, когда Молотов встревоженным голосом произнес по радио речь, сообщая, что Гитлер напал на Советский Союз. Черная тень накрыла города и села большой страны. Надо было подниматься на борьбу с нашествием. И люди поднялись.

Поселок Волхонка-ЗИС опустел на две трети, на фронт пошли не только мужчины, но и женщины. Женщины же встали и на освобожденные рабочие места, ночевали в цехах, когда после смены не было сил добираться до дома (да и сложности были, поскольку действовал комендантский час), а утром нужно было без опоздания встать за станок.

Такой была обстановка в поселке. В конце лета в стремительно опустевшие бараки почтальоны стали десятками приносить простенькие скорбные бумаги, прозванные потрясенными людьми похоронками. Косяков тогда получал письма и от Полины, и от соседки тети Фрузы, чьи два сына находились на фронте, и от одноклассника Митьки Слюдяного, имевшего бронь и не покидавшего Москву вообще... Он не имел права выехать за пределы белокаменной даже на час,

поскольку работал в закрытой лаборатории.

Должность у него была маленькая, но без Митькиной помощи не могли обходиться даже большие ученые. Ученые могли разбираться в чудовищных нагромождениях формул и чисел в несколько страниц, в мудреных математических и прочих сложностях, но опускали руки перед простой работой «принеси – подай» или «вбей пару гвоздей в стенку»... А Митька по чести «принеси – подай» оказался талантливым человеком, ученый народ без него не то, чтобы работать, даже дышать не мог. В плане бытовом это были люди почти беспомощные, вызывавшие у простого народа улыбку, как писал своему однокласснику Митька.

Последнее письмо от Слюдяного пришло совсем недавно, от тети Фрузы месяц назад, а от Полины не было ничего почти два месяца. Значит, надо написать письмо тете Фрузе, она знает все и уж совершенно точно сообщит, где сейчас находится Поинка и все ли с ней в порядке.

Внутри у Косякова возникла далекая боль, шевельнулась, будто живая, и в следующее мгновение затихла. Сделалось тревожно – действительно все ли в порядке у Полины? Кто ответит на этот вопрос?

Расписаться с Полиной Филипповой у него пока не получилось, хотя скоро будет год, как он окончил летную школу – из-за незрелого возраста Поинки, да и отец ее Филипп Иванович высказался против: слишком мала, мол, девушка, пусть подождет полгода. Но через полгода было уже не до свадьбы – началась война...

Вечером Серебряков устроил занятия по взаимодействию членов экипажа в сложных полетах. Больше всего вопросов было задано штурману, причем не Серебряковым, вопросы звучали от бортинженера Голубенко, например, даже стрелок

нижней турели старшина Юзлов потребовал объяснений по части инерционной навигационной системы и магнитного компаса (Косяков понял, что старшина трусоват, боится за себя, но это было личное мнение старлея, и он решил держать его при себе), а второй стрелок Быкасов постарался поподробнее расспросить о такой сложной штуке, как барометрический высотомер – прибор, не на всех самолетах встречающийся...

Косяков ответил на все вопросы. Барометрический высотомер – штука, конечно, хорошая, но умеет иногда врать, допускает ошибки до двадцати метров... При слепой посадке такая ошибка может погубить самолет.

Объясняя все это, Косяков употребил в речи несколько резких выражений, и Быкасов больше вопросов не задавал. Лицо у него неожиданно сделалось отсутствующим, а если быть точным, то просто тупым.

Один вывод сделал из этих занятий Косяков: отныне вопрос о слетанности экипажа капитан Серебряков будет поднимать после каждого тренировочного полета.

За два дня до ноябрьских праздников «Юнкерс» пополнился еще одним членом экипажа – изящной блондинкой в ладно подогнанной форме, с точеным лицом и фигурой, словно бы только что вышедшей из-под резца скульптора, голубоглазой, с роскошной улыбкой. Такие лица часто попадались на немецких пропагандистских плакатах. Косяков не раз их видел и недоумевал совершенно откровенно, как же такие симпатичные личики можно вгонять в макулатуру, которой гитлеровские солдаты потом охотно подтирают себе задницы в нужниках...

Имя у нового члена экипажа было созвучно времени, в котором она родилась и жила, – Интерна. У Интерны было и воинское звание – сержант интендантской службы,

в петлицах ее гимнастерки светлели три серебряных треугольника.

На Интерну сразу сделали стойку три члена экипажа – сам командир, бортинженер и стрелок Юзлов, имевший горячую южную натуру, – он даже защебетал по-птичьи обрадованно и громко. У всех членов экипажа физиономии разом преобразились – узнать их было невозможно.

Интерна же никого из членов мужского коллектива не выделила – для нее все были одинаковы. Косяков это отметил, подумал невольно, что какому-нибудь командиру повезет, такая жена – это подарок, но завидовать не стал. У него была Полина – девушка нисколько не хуже Интерны.

Впрочем, тип лица у Полины был более восточным, со смуглой кожей и яркими темными глазами... Эх, Поинка, Поинка, что же ты не поешь ничего старлею, который любит тебя? Может, тебе помощь какая-нибудь нужна? Если бы его хотя б на двадцать минут, без учета дороги, отпустили в родной барачный поселок, он бы все узнал, ему сразу бы стало понятно, в чем он может помочь Полине, Филиппу Ивановичу или той же тете Фрузе...

Но нет, никто не отпустит старшего лейтенанта, не даст сделать за ворота аэродрома даже двух шагов, так что надо довольствоваться тем, что есть.

Интерна, светлая, изящная, как девушка с дорогой витрины, появилась в буфете во время ужина, когда позади остались все тяготы дня, в том числе и трудный трехчасовой полет, здорово измотавший экипаж, и разбор его, и составление плана на завтра. Улыбнулись все, даже угрюмый, густо заросший дневной щетиной Малых, у которого физиономия в воздухе обрастала жестким волосом в два раза быстрее, чем на земле, не удержался от улыбки.

Девушка доложила Серебрякову о своем прибытии, и капитан медленно усадил ее за стол: пусть обживается в команде, чем быстрее обживется, тем будет лучше.

– Имя у вас вон какое, – начал негромко Серебряков и неожиданно умолк, споткнулся, не сумел найти нужного слова.

– Какое? – спросила Интерна.

– Ну-у... Значительное, скажем так.

– Скорее модное, товарищ капитан. От слова «Интернационал». Отец с матерью были современными людьми.

– Слово «индустриализация» тоже близко стоит, – добавил Голубенко. При виде Интерны у него даже голос изменился, обзавелся сахарно-сладкими нотками. Не растаяла бы капитан.

– Ну, слов таких, приблизительных, можно набрать сколько угодно...

– Это каких же? – Голубенко недовольно сжал глаза в щелки.

– Индукция, интервенция, интервал, интернационалист, интернат, интерьер, интерпелляция...

– Это что такое – интерпелляция? – не замедлил спросить Голубенко.

– Юридический термин, – спокойно пояснил Серебряков. – Начинает запрос. Запрос по какому-нибудь делу. Можно – уголовному, можно – административному.

– Ну-у, это очень далеко от профессии «От винта!» – сказал Голубенко. – И еще дальше от нашей повседневной жизни.

– Есть старинное выражение, товарищ капитан... Насчет тюрьмы и сумы.

– Знаю. Но это уже из разряда народной философии, а интерпелляция – это каша юридическая. Без кринки молока можно не проглотить.

– Одним словом, имя Интерна – многогранное, – внес свою лепту в разговор Малых.

– Многогранное, – поправил его Серебряков, повел рукою над столом. – Разговором увлекайтесь меньше, едой больше. Иначе голодными останетесь.

Серебрякова еще вчера предупредили, что в экипаже, возможно, появится еще один человек – сотрудник военной разведки, хорошо знающий немецкий язык, но этот вопрос пока не решен – начальство его обмозговывает... И вот сегодня этот вопрос решился – на аэродром прибыла Интерна.

Седьмого ноября опять шел снег. Косяков знал, что именно на этот праздничный для советских людей день – седьмого ноября – немцы назначили парад своих войск на Красной площади. Гитлер собирался устроить в Кремле огромный прием, для которого подготовили несколько вагонов деликатесных продуктов и загрузили в морозильные железнодорожные вагоны, чтобы еда была свежей и дразнила не только глаз, но и ноздри своим ароматным духом...

Были отпечатаны пригласительные билеты с золотым обрезаем и свастикой, которую хотелось ногтем соскрести с твердой лакированной бумаги; были билеты и без золотой окантовки, предназначенные для чинов пониже, со столами пожиже, но все равно на этих столах предполагалась быть еда роскошная, высшего сорта; были отпечатаны праздничные билеты и третьего сорта с закусками третьего вида (все равно эта еда была предназначена лишь для арийских желудков), но вместо всей этой роскоши приглашенные получили пшеничку. А если быть точнее – плотные лепешки снега, беспорядочно валившиеся с выси, сырой мороз, туман, пахнувший горелым порохом и нелетную погоду.

Тем не менее парад состоялся. Только не немецких войск, а Красной Армии. Принимал парад сам Сталин, лично.

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года

По заснеженной площади, высоко поднимая хвосты снега, пронеслись танки. Перед мавзолеем, где стояли Сталин и другие члены правительства, машины чуть притормаживали. Сталин, устало и заинтересованно глядя на них, приветственно приподнимал руку, и танки, словно бы получив личный приказ председателя Комитета обороны, вновь давали газ и по самые башни погружались в плотные облака свежего снега.

Прошли по площади и пехотинцы с винтовками – ровными молчаливыми рядами, и автомобили с застывшими в кузовах вооруженными бойцами... Была и другая техника, рождающая в душе радостное чувство – жив еще Советский Союз, покажет фрицам, с каких крыш в Москве свистят раки, когда горластые

сыны фатерлянда начинают орать «Хайль Гитлер!».

Серебряков собрал в этот день свой экипаж ни свет, ни заря, надеясь начать очередную тренировку часа на полтора раньше обычного, но неожиданно с командно-диспетчерского пункта пришел приказ:

– Стоп! До десяти ноль-ноль все взлеты отменяются!

Командир экипажа, объявивший подчиненным положение «...товсь!», стянул с головы шлем и почесал затылок:

– Они чего там, за завтраком перловой каши переели?

Но приказ есть приказ. Приказы не обсуждают, их выполняют. Серебряков пощелкал тумблерами, вырубая навигацию, освещение, аварийное электропитание, вентиляцию, радио, прочие удобные

штуки, которыми была снабжена трофейная машина и которые в наших самолетах отсутствовали, но это совсем не означало, что наши самолеты были по боевым качествам хуже германских. В кабине сразу сделалось сумеречно и неудобно.

– Интересно, что день грядущий нам готовит? – Серебряков вновь поскреб пальцами затылок. – Делать нечего – будем ждать. И жить будем.

Он понимал, что сегодня все их жданки закончатся, придет приказ слетать в какую-нибудь Тьмутаракань, километров за девятьсот отсюда, может быть, даже и закордонную, временно оккупированную, они получают на руки полетные карты с маршрутом и поднимутся в воздух... А что будет дальше – одному Богу известно.

Понимал и другое – приказ будет секретным, маршрут полета – тоже, а место приземления будет засекречено вдвойне. Делать было нечего – не он эти правила придумал, не ему их и отменять.

– Командир, может, обогрев включим? – обратился к Серебрякову бортиженер. – А то холодно-вато что-то.

– Включай, – разрешил Серебряков, – только будь экономным. Даю десять минут, не больше.

– Есть быть экономным, – обрадованно пристукнул унтами Голубенко, – десять минут и ни секунды больше.

Сидели они с обогревом недолго – к «Юнкерсу» подкатила полуторка из породы «черных воронков», на дверях которой сзади висел внушительный старый замок – купеческий. Из кабины выскочил энкаведешный командир с двумя кубиками в петлицах, открыл короб, стоявший в кузове, замок сунул внутрь короба.

Из темного проема, будто из какого-то сказочного помещения, показались двое краснощеких, кровь с молоком, молодца, спрыгнули на снег. Приехавший командир по приставной лесенке поднялся в салон «Юнкерса».

– Привез вам обмундирование, – весело сообщил он. – Примеряйте!

– Какое обмундирование, – как всегда Голубенко первым задал вопрос.

– Немецкое, – прежним веселым тоном произнес энкаведешный командир.

Что ж, вот все и встало на свои места – понятно, куда они полетят... Непонятно только, зачем? Но и это они узнают скоро. Очень скоро.

Краснощекие бойцы закинули в «Юнкерс» несколько мешков, командир с лейтенантскими петлицами вытряхнул немецкую одежду на стол и быстро рассортировал ее. Пилотам – одно, стрелкам другое. Интерна, знавшая, чем

гауптштурмфюрер отличается от шарффюрера СС и какие знаки они носят в петлицах, помогла энкаведешнику.

Форма была новая, необмятая, по ней прошлись утюгом, и это было видно по наутюженным складкам.

Смотреть на своих товарищей, натянувших на плечи мундиры с желтыми авиационными петлицами и узкие штаны с «ушами» было диковинно. Косяков поймал себя на том, что внутри у него даже холод возник, обжег сердце.

Следом лейтенант выдал им авиационные куртки из рыбьей кожи, промерзшие в коробе до того, что они сделались фанерными, – собственно, все кожзаменители той поры были такими, других еще не изобрели. В холодном салоне «Юнкерса» они хрустели, издавали малоприятные скрипучие звуки, какой-то птичий писк. В общем – музыка, рожденная где-то в Дрездене или в Дюссельдорфе...

Несмотря на противную скрипучесть материала, к курткам экипаж отнесся спокойнее, чем к нарядной форме летчиков, – все, кроме Интерны, натянули их на себя, похлопали друг друга по плечам. Интерна такая куртка не была положена, но девушка по этому поводу совсем не расстроилась, даже наоборот, – она стояла посреди салона и приветливо улыбалась. Вот светлая душа – Интерна.

– Товарищи, походите немного по самолету, обомните форму, – громким голосом попросил энкаведешный лейтенант.

Косяков понял, что тот работает в грозном ведомстве не по оперативной части, а по вещевому снабжению. Может быть, даже командует отделом пуговиц и крючков для шинельных воротников – в общем, начальник.

– Постарайтесь привыкнуть к форме, это важно – вот увидите потом...

Точно, начальник. И нотки в голосе у него звучат командные.

Косяков пошевелил плечами – куртка была тесновата, он помял пальцами материал, стреляющий холодными иголками, хотел было нажать плечами посильнее, но остановил себя: а вдруг в хваленном германском заменителе останется дырка? Это непорядок, в фатерлянде штурманы транспортных самолетов в дырявых куртках не ходят, у них все тип-топ, если где появляется щель, заштукуютывают ее так, что ни один востроглазый специалист не обнаружит.

Серебряков щелкнул парой тумблеров на командирской панели – включил усиленный обогрев. От немецких курток исходил какой-то вязкий дремучий дух, проникал в тело до самого позвоночника, Косяков ощутил, как по коже ползут мурашки. То ли дело – наши летные куртки из овчины: приятно надеть на себя, приятно носить, в них даже спать можно и ночью накрываться ими вместо одеяла. Есть другие летные куртки, более модные, франтоватые, с верхом из блестящего шевро или козлины, они тоже удобные и приятные, дрянь, привезенная из фатерлянда, им и в подметки не годится.

С другой стороны, выхода нет, привыкать придется к тому, что привез на полуторке молодой энкаведешный лейтенант. Хоть и противно это, но ничего не поделаешь. К Косякову подошла Интерна, оправила на нем куртку и сказала несколько слов по-немецки.

Косяков вопросительно вздернул подбородок: мол, не понял. Интерна перевела сказанное на русский язык:

– Пилоты люфтваффе любят ходить в тесных куртках, это у них считается правилом хорошего тона.

– Честь и хвала им, но не более того, – Косяков качнул головой, – пусть только в воздухе нашим летчикам не попадутся.

Продолжение следует

Автопортрет А. С. Пушкина. 1829

и балета, Псковский академический театр драмы им. А. С. Пушкина подготовили премьеры по произведениям Пушкина.

В Историческом музее можно будет посетить выставку прижизненных изданий Пушкина, а в ГУМе – выставку иллюстраций к произведениям великого поэта.

6 июня, в день рождения Пушкина, страна отметит Пушкинский день России и День русского языка.

ВЫСТАВКА «ПУШКИН И ТЕАТР»

Историко-художественная выставка Бахрушинского музея «Пушкин и театр», приуроченная к 225-летию со дня рождения великого поэта, проходила с 18 апреля по 19 мая в Псковском музее-заповеднике и будет показана также в Казани (с 31 мая по 20 июля) и Рязани (со 2 августа по 15 сентября). На выставке представлены 125 оригиналов из фондов Бахрушинского театрального музея.

Старт выставочному проекту был неслучайно дан в Пскове.

«В этих землях величайший русский поэт написал свыше 100 своих произведений, включая “Бориса Годунова” и “Евгения Онегина”», – отметила генеральный директор Бахрушинского театрального музея Кристина Трубинова, добавив, что к концу года выставку можно будет увидеть в новом Бахрушинском музейно-театральном квартале в Москве.

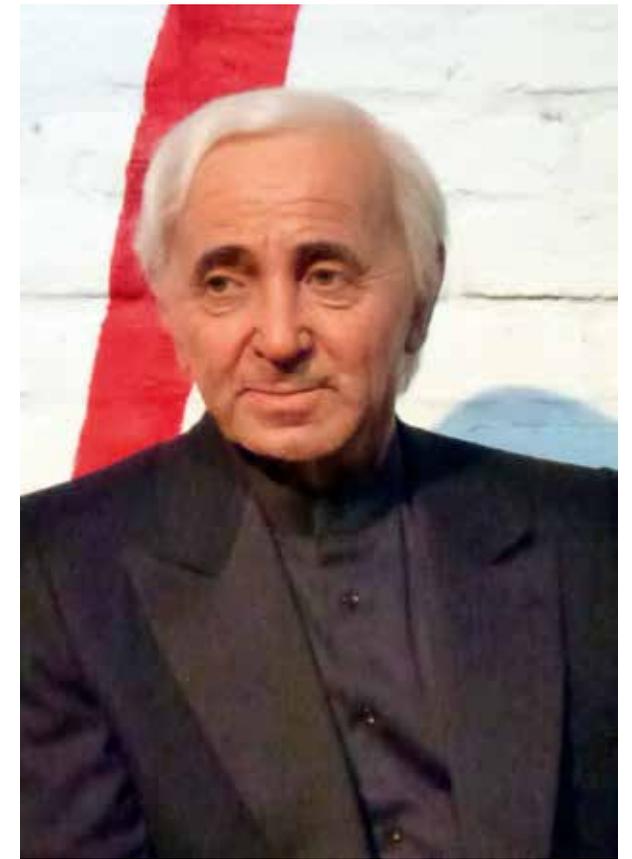
Структура выставки определяется мыслью великого поэта о народном, характере театрального искусства. По его мнению, драматическое искусство в буквальном смысле «родилось на площади – для народного увеселения», а «изображение страстей и души человеческой для народа всегда занимательно».

Еще в юношеских заметках «Мои замечания об русском

театре» (1820) Пушкин, активно вошедший в среду драматургов и деятелей сцены, дал развернутую панораму драматических талантов, проанализировал их искусство с точки зрения перспектив и национального своеобразия. Он досконально изучил практически все жанры театра – драму, балет, оперу – и вывел закономерности.

Все театральные жанры русской сцены – от исторической трагедии до волшебной сказки и комедии – родились из сюжетов и образов, созданных Пушкиным.

Опередив время, он задал вектор развития театрального искусства на два века вперед.

выпустил 294 альбома, провел более 1000 концертов в 94 странах мира, написал более 1300 песен и снялся в 60 фильмах.

«Богема», «Аве Мария», «Вечная любовь», «Изабелла», «Ностальгия», «Молодость» и многие другие его песни стали хитами и остаются популярными до сих пор. Он также сочинял песни для таких звезд, как Рей Чарлз, Фрэнк Синатра, Лучано Паваротти, Пласидо Доминго, Лайза Миннелли, Патрисия Каас.

В 1975 году, к 60-й годовщине геноцида армян, Азнавуром в соавторстве с Жоржем Гарваренцем была написана песня «Они пали».

Шарль Азнавур завершил свой жизненный путь 1 октября 2018 года. Он был не просто исполнителем и актером, он был символом высокого служения искусству.

«Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОР- НЫЙ...»

В этом году, объявленном годом А. С. Пушкина, в России проходит множество мероприятий, посвященных 225-летию со дня рождения великого поэта.

В Государственном музее А. С. Пушкина открылся масштабный межмузейный выставочный проект «ПУШКИН.225», в котором приняли участие более 40 крупных федеральных и региональных музеев, библиотек, архивов, творческих союзов.

Литературный институт имени Горького проводит конкурс переводов стихотворений Пушкина на языки народов России.

МХАТ имени М. Горького, Театр наций, Театр имени Федора Волкова, Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, Новосибирский театр оперы

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖ- ДЕНИЯ ШАРЛЯ АЗНАВУРА

Легенда мировой музыки и кино, французский шансонье, композитор и поэт Шарль Азнавур родился 22 мая 1924 года во Франции, в семье армянских эмигрантов. Его настоящее имя – Шахнур Вагинак Азнавурян.

Неповторимый голос, особый стиль исполнения и эмоциональность текстов песен принесли Азнавuru всемирный успех. За свою долгую карьеру Азнавур